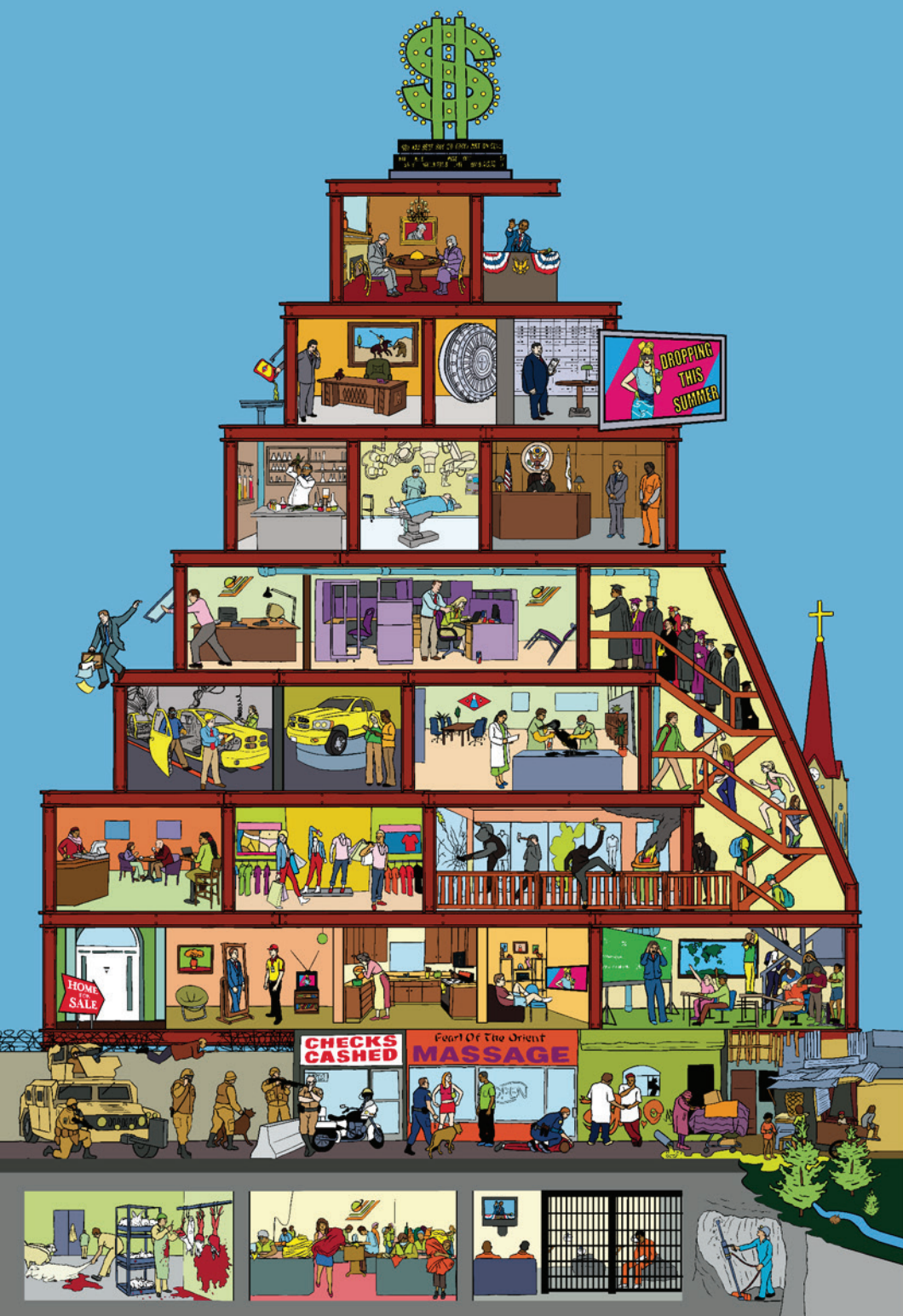

Капитализм . Экономика . Сопротивление

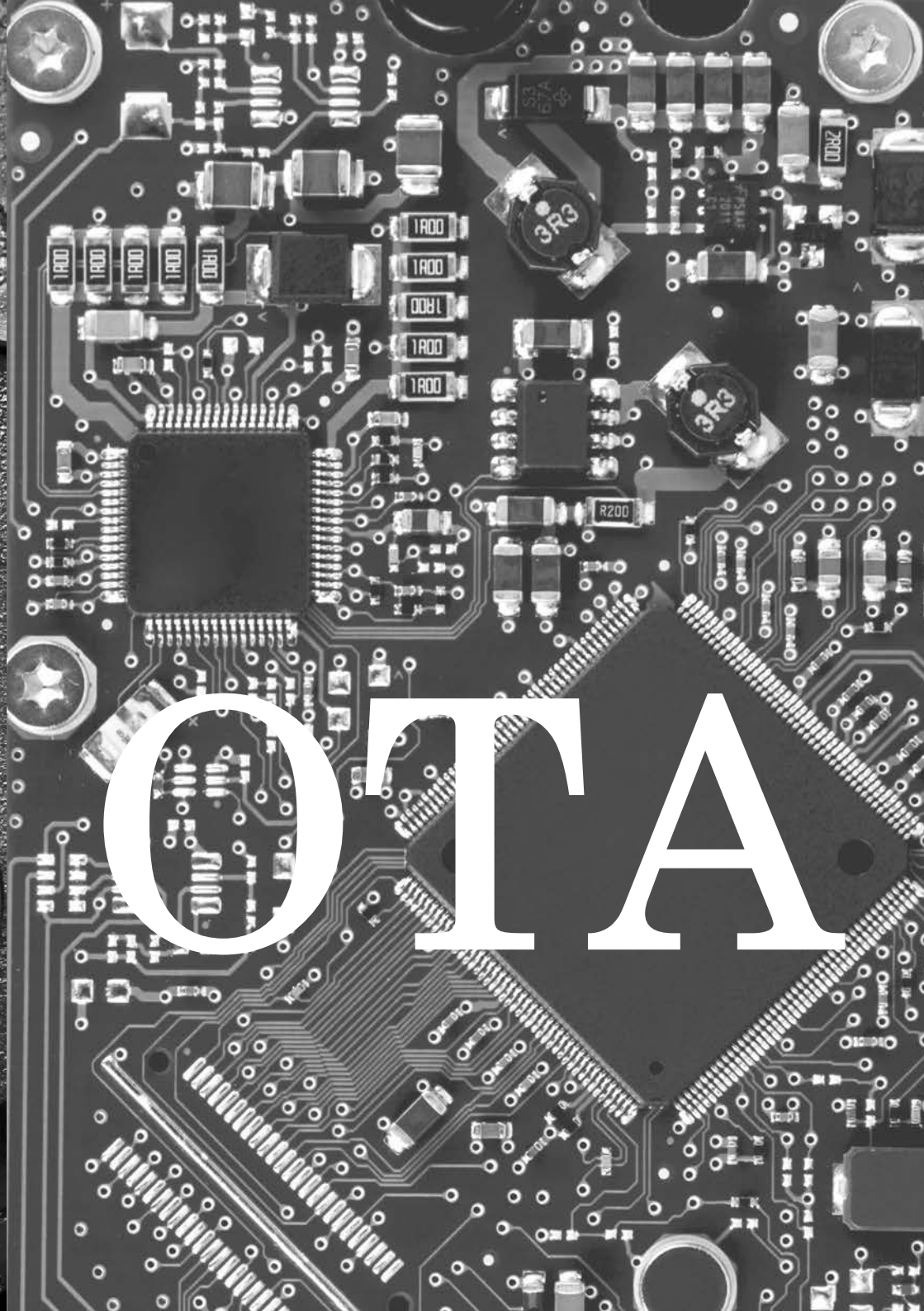

В любой момент мы все могли бы прекратить платить арендную плату и налоги, остановить выплаты по ипотеке и забыть о счетах за коммунальные услуги. Они не смогут ничего с этим поделать, если мы все одновременно так поступим. В любой момент времени мы все могли бы перестать ходить в школу или на работу. Мы могли бы пойти к ним в офисы или особняки и отказаться уходить и подчиняться их приказам. Мы бы превратили эти здания в социальные центры. В любой момент мы могли бы порвать наши паспорта, сорвать номера государственной регистрации с машин, разбить камеры наружного наблюдения, сжечь деньги, выкинуть бумажники и организовать добровольные ассоциации взаимопомощи для производства и справедливого распределения всего, что нам необходимо для жизни.

Во время каждой своей смены я думаю об этом. Неужели я единственный, кому приходят в голову подобные мысли? Я могу представить себе неминуемые возражения, но смею вас заверить: стоит только этому проекту начаться в какой-то части мира — все остальные быстро его подхватят. А теперь подумайте о невыразимо глупых способах, которыми мы проживаем нашу жизнь. Что же необходимо, чтобы запустить эту цепную реакцию перемен? Куда отправиться, чтобы встретить тех, кто не просто ненавидит свою работу, но готов раз и навсегда разделиться со всякой работой?

РАБ

OTA

CrimethInc. ex-Workers' Collective;
собственность это кража — сопри её обратно

Диаграмма пирамиды капиталистического общества
изготовлена Packard Jennings: centennialsociety.com

Полноразмерная электронная версия диаграммы доступна на:
www.crimethinc.com/work

Электронная версия книги на русском языке доступна на:
goodbooks.noblogs.org

“Можно ли предположить, что существует “рыночная цена” (или какая бы то ни было цена, в золоте, или бриллиантах, или банкнотах, или государственных облигациях) у самого главного достояния каждого человека, без чего жизнь лишена всякого смысла, — у свободы?”

Марк Твен

Прежде всего,
это книга о работе,
но одновременно она нечто большее.

Она дополняет диаграмму различных диспозиций и динамик отношений, лежащих в основе экономики, делающей работу необходимой. Книга и диаграмма вместе представляют собой набросок анализа капитализма: что это такое, как он функционирует, как мы можем его уничтожить. И книга, и диаграмма, и анализ рождены чем-то большим, а именно: движением людей, вознамерившихся бороться с капитализмом.

Поэтому книга, которую вы держите в руках, не просто попытка описать окружающую действительность. Это ещё и инструмент, с помощью которого мы хотим её изменить. Если на страницах этой книги вы найдёте слова или иллюстрации, которые резонируют с вашим мироощущением, не оставляйте их запёртыми внутри: напишите их на стене, прокричите по интеркому на бывшем рабочем месте, изменяйте их так, как считаете нужным, и распространяйте по свету. Вам в помощь на странице crimethinc.com/work размещены постеры с иллюстрациями из книги.

Этот проект — плод совместных усилий группы людей, посвятивших многие годы своей жизни решительной борьбе с капитализмом. Почему же мы решили, что можем написать что-то подобное? Некоторые из нас в прошлом были студентами, разносчиками пиццы или посудомойками. Другие — строительными рабочими, графическими дизайнерами или преступниками, чтящими уголовный кодекс. Но все мы жили в

тени капитализма с самого рождения, и поэтому мы настоящие эксперты в вопросе работы. Как и вы. Чтобы понимать, что происходит, не нужна степень магистра экономических наук. Достаточно получить чек или квитанцию и обратиться на это внимание. Мы с подозрением относимся к экспертам, получающим верительные грамоты от власти предрержащих. Они крайне заинтересованы в приуменьшении значения очевидных всем вещей.

Как и всякая другая попытка создать модель, описывающую реальный мир, наша обречена быть лишь отчасти истинной. И представлять только часть мира. Чтобы описать мир целиком, потребуется написать историю заново. И, конечно же, мы не претендуем на объективность: безусловно, наши жизненные позиции и ценности неизбежно повлияли на то, что мы решили включить в эту книгу, а что — оставить за бортом. На следующих страницах мы предлагаем нашу точку зрения, то, каким видится мир с нашей стороны баррикад. И если она совпадает с вашей, давайте же что-то делать.

лучше пепел, чем пыль —
CrimethInc. Workers' Collective

11 I. Оккупация

15 i. Работа

37 ii. Экономика

Схема: что есть что

43 Меняющиеся условия

45 Мегаполис

Диспозиция: где мы

49 Верхушка

53 Магнаты

55 Политиканы

63 Боссы

71 Суперзвёзды

75 Профессионалы

79 Менеджеры среднего звена

83 Индивидуальное предпринимательство

87 Рабочие

93 Учителя и студенты

99 Индустрия услуг

111 Домашний труд

115 Секс-индустрия

119 Военные, полиция и ЧОП

127 Гастарбайтеры

134 Заключённые

141 Безработные и бездомные

147 Вне рынка

151 Животные, растения, минералы

Механика: как это работает

155	Производство
159	Потребление
163	Медиа
171	Тела и симулякры
177	Финансы
183	Инвестиции
189	Долг
193	Банки
203	Налоги
205	Наследование
209	Научно-исследовательская деятельность
213	Медицина
219	Идентификация
225	Идентичность
229	Вертикальные союзы, горизонтальные конфликты
233	Религия
237	Правосудие
243	Нелегальный капитализм
249	Воровство
259	Границы и путешествия
263	Джентрификация
267	Загрязнение окружающей среды
277	Кризис
283	Неустойчивость и головокружение
287	Реформизм
295	Культура и субкультура

301 II. Сопротивление

338	Библиография
-----	--------------

В этот самый момент сотрудник гипермаркета выставляет на полочку банки с генномодифицированной едой вместо того, чтобы выращивать еду в своём саду.

Посудомойка потеет в кафе в то время как на её собственной кухне накапливается гора немытой посуды.

Повар в общепите выполняет заказы незнакомых ему людей вместо того, чтобы готовить шашлык с друзьями.

Пиар-агент сочиняет мелодию для рекламы стирального порошка вместо того, чтобы играть с друзьями на реп-точке.

Женщина присматривает за детьми богачей, а не проводит время с собственными.

Родители бросают ребёнка вместо того, чтобы дать ему шанс вырасти с теми, кто его понимает и любит.

Студент пишет курсовую по привлекающей его протестной деятельности вместо того, чтобы самому участвовать в ней.

Мужчина мастурбирует на Интернет-порно вместо того, чтобы исследовать собственную сексуальность с партнёршей.

Уставший от ежедневных тяжких трудов активист расслабляется за просмотром голливудского блокбастера.

Демонстрант, вышедший на улицу по личным причинам, размахивает плакатом, массово изготовленным в бюрократической организации.

I. Оккупация

Оккупация. Это слово вызывает образы советских танков на улицах городов Восточной Европы или американских солдат, нервно передвигающихся по враждебным кварталам Ближнего Востока.

Но не всякая оккупация столь очевидна. Иногда она может длиться так долго, что необходимость в танках отпадает. Танки можно «законсервировать», пока завоёванные помнят, что в любой момент завоеватель может их снова вернуть на улицы. Или пока ведут себя, как следует, со временем забывая о причинах такого поведения.

Как же можно узнать оккупацию? Исторически оккупированные народы принуждались к выплате податей или же к оказанию завоевателям неких услуг. Подать — это, можно сказать, арендная плата за право продолжать жить на собственной земле. Что касается услуг... А чем лично вы заняты? Что занимает ваше время? Скорее всего, работа, а то и две. Или подготовка к работе, или отдых от неё, или поиск её же, родимой. Работа нужна в числе прочего, чтобы были деньги на уплату аренды и выплаты по кредитам. Но подождите секунду! — разве дом, в котором вы живёте, не был построен такими же людьми, как и вы: они делали этот дом, чтобы получить деньги для того, чтобы оплатить аренду и кредиты? Та же логика справедлива в отношении всех прочих

продуктов, которые вы покупаете за деньги. Вы и вам подобные создали эти продукты, но вы же и вынуждены покупать их у компаний (вроде той, на которую вы работаете), компаний, которые не только не выплачивают вам полной стоимости вашего труда, но ещё и продают товары по ценам, во много раз превышающим их себестоимость. Да они обдирают вас повсюду!

Наши жизни — оккупированная территория. Кто на самом деле контролирует ресурсы в вашем сообществе? Кто определяет внешний вид вашего района и прилегающих территорий? Кто составляет расписание на каждый день и каждый месяц вашей жизни? Даже если вы фрилансер, действительно ли именно вы решаете, каким образом зарабатывать на жизнь? Помечтайте о каком-нибудь прекрасном моменте — нет ли в ваших мечтах подозрительного сходства с утопиями, которые рисует нам реклама? Не только наше время, но и наши амбиции, сексуальность, система ценностей, представление о том, что на самом деле значит быть человеком, — всё это оккупировано. Вылеплено в соответствии с требованиями рынка.

И мы не единственная территория, которую контролирует наш враг. Невидимая оккупация наших жизней отражает военную оккупацию на периферии завоёванных земель, где для навязывания прав собственности бандитских картелей и свободы корпораций

получать прибыль за счёт враждебно настроенных местных жителей (некоторые из которых ещё хранят воспоминания о жизни без кредитов, зарплат и начальников) всё ещё нужны пушки и танки.

Возможно, что и вы не сильно отличаетесь от них, хоть вас и взрастили в клетке. Быть может, когда кто-то пытался подчинить ваше внимание — в кабинете начальника, или на собеседовании, или во время ссор с любимыми — внимание отказывалось подчиняться, и вас обвиняли в невнимательности. Другими словами, бунтующая часть вашей личности ещё удерживается в душе фантазиями и снами наяву, затаёнными надеждами на то, что когда-нибудь жизнь станет чем-то большим.

Целая армия ваших тайных единомышленников плетёт в эти самые минуты заговоры по отмене рабского труда за зарплату. Это так же верно, как и то, что на каждом предприятии найдутся сотрудники, вовлечённые в партизанскую войну прогулов, воровства и неподчинения приказам. И вы можете к ним присоединиться, если вы ещё не в их числе. Но прежде, чем мы начнём обсуждать наши планы и точить ножи, позвольте предложить более тщательно изучить то, против чего мы боремся.

i. Работа

Что есть работа? Можно было бы дать такое определение: работа — это деятельность, которой занимается человек для получения денег. Но разве рабы и интерны не работают? Можно было бы утверждать, что работа — это такой вид деятельности, который определённым образом вознаграждает кого-то, необязательно того, кто непосредственно работает. Но означает ли это, что всякая деятельность становится работой, как только начинает приносить доход, даже если до этого она была игрой? Возможно, стоит дать следующее определение работы: это такой труд, который больше забирает у нас, чем даёт, или же труд, управляемый внешними силами.

Или же, может быть, мы поймём суть работы, только сделав шаг назад и окинув взглядом контекст, в котором люди работают. В нашем “разнообразном” мире всех нас связывает одна ниточка: мы все субъекты экономики. Христианка или мусульманка, коммунист или консерватор, житель Сан-Пауло или Сэнт-Паули, скорее всего, лучшую часть своей жизни вы вынуждены проводить, продавая своё время за деньги или заставляя кого-то другого делать это. А если нет, значит, вы переживаете на своей шкуре последствия отказа от этой схемы.

Да и что остаётся? Если отказаться, экономика прекрасно обойдётся и без вас. Вы нужны ей не больше, чем сотни миллионов уже безработных людей, и, конечно, нет никакого смысла умирать с голоду за просто так. Да, можно открыть кооператив или создать эко-коммуну, но требований рынка это не отменит. Можно вывешивать баннеры, собирать подписи и ходить на акции поддержки требований шахтёров Междуреченска, но даже если ваш (ваш ли?) проект реформ примут, всё равно им — и вам — придётся вернуться к работе, в шахту или офис НКО (некоммерческую организацию).

Можно одеться в чёрное, натянуть балаклаву и пойти ночью с молотовым и кувалдой к банку или в торговый квартал, но на следующий день всё равно людям придётся где-то делать покупки и оплачивать счета. Можно зарабатывать миллионы долларов, и всё равно быть привязанным к работе, потому что надо же как-то подавать личный пример всем этим ленивым подчинённым. И даже когда рабочие свержали правительства, чтобы начать строить коммунистические утопии, они всё равно заканчивали свои дни за работой. Во всяком случае те, кому везло.

Всё это создаёт ощущение неизбежности работы, чувство того, что иной стиль жизни невозможен. И это очень удобно для тех, кто извлекает наибольшую выгоду из текущего положения вещей: ведь нет нужды доказывать превосходство системы, которая кажется единственно возможной. Но действительно ли жизнь человека всегда была именно такой?

Настали дни, когда под сомнением оказалось даже будущее экономики.

Забудем про экономику — поговорим о нас самих?

Когда рушится экономика, политики и эксперты поднимают плач о судьбе простого рабочего человека. Они требуют введения чрезвычайных мер: выдачи из денег налогоплательщиков многомиллиардных ссуд банкам (которые и вызвали сам кризис, обворовывая тех самых “простых работяг”). Давайте разберёмся, что на самом деле происходит.

Нам говорят, что от запланированного функционирования экономики зависит наша жизнь, что для сохранения экономики можно пожертвовать буквально всем. Но для большинства из нас именно деятельность в рамках экономической системы и есть постоянная жертва.

Когда экономика рушится, горнодобывающая промышленность перестаёт взрывать горы. Компании по региональному развитию перестают вырубать леса под строительство новых офисов и многоэтажных домов. Заводы перестают сбрасывать загрязняющие вещества в водоёмы. Проекты джентрификации замораживаются. Трудоголики переоценивают свои жизненные ценности. Тюремь освобождают часть заключённых. Полиция не может закупать новое оружие. Правительство не может себе позволить массовые аресты демонстрантов. Иногда даже судебные приставы отказываются лишать собственности должников или выселять людей из их домов.

Конечно, многие миллионы людей лишаются жилья и вынуждены жить в голоде и холоде. Но проблема состоит не в том, что в результате кризиса стало меньше жилплощади или продовольствия — люди лишаются жизненно необходимых вещей не в результате кризиса, а потому, что система всё ещё функционирует. Ведь и в прошлом, задолго до кризиса, людей выселяли из их домов, в то время как города и пригороды кишели недостроенной или завершённой, но не заселённой жилплощадью. История знает множество примеров, когда в стране, где на складах гнило продовольствие, начинался голод. И если во время экономической рецессии люди голодают, то вовсе не потому, что произошли какие-то перемены в наших способностях производить, это просто очередной пример того, насколько иррациональным наше общество всегда было в распределении ресурсов.

Когда шахтёры объявляют забастовку, можно увидеть те же элементы мозаики, что и при системном кризисе. Они будут жить впроголодь, но в то же время по мере того, как они заново будут знакомиться друг с другом вне рамок ежедневной трудовой повинности, они смогут развить недоступное ранее понимание власти над собственными жизнями. И вдруг другие части общества замечают, что существуют какие-то шахтёры.

Иногда образуются новые коллективные проекты или открываются новые методы принятия решений. Случается, что рабочие захватывают рабочие места, чтобы использовать их для целей, выходящих за рамки логики прибыли и конкуренции. Всё вышесказанное справедливо и в отношении студенческих оккупаций университетов и кампусов.

Так что, возможно, настоящая проблема заключается в том, что кризисы и забастовки просто не доходят до логического завершения. Пока экономика правит нашими жизнями, любой перебой в её функционирования будет тяжелейшим образом сказываться на всех нас. Но даже если бы никаких кризисов никогда не случалось, уже достаточно очевидно, что существующая система никогда не создаст тот мир, о котором все мы мечтаем.

И независимо от того, готовы мы к переменам или нет, ход вещей невозможно остановить. Разве ещё остались те, кто действительно верит, что мы всё делаем правильно на этой планете? Перед лицом вымирания тысяч видов живых существ по причине загрязнения окружающей среды? Перед лицом вызванного промышленным производством таяния полярных льдов? Промышленный капитализм уже предложил нам два альтернативных варианта уничтожения всего живого на земле: экологическая катастрофа глобального потепления и ядерный апокалипсис. Разве это похоже на лозунги об “устойчивом развитии”?

Если мы, как вид, серьёзно настроены пережить это столетие, придётся переосмыслить основополагающую мифологию современного стиля жизни.

МИФЫ О РАБОТЕ

Что, если бы никто не работал? Потогонные мастерские бы опустели, шахты затопило бы, а сборочные конвейеры с грохотом остановились. По крайней мере, те, на которых создаются вещи, которые добровольно никто не захотел бы производить. Исчез бы институт маркетинга. Тем уродам, которые указывают другим, что делать, только потому, что обладают чинами и богатством, пришлось бы освоить более полезные для общества навыки. Исчезли бы нефтяные пятна в океане, а вместе с ними и автомобильные пробки. Бумажные деньги и анкеты о приёме на работу можно было бы использовать при разведении костров, ведь люди бы снова вернулись к обмену и экономике дара. Из трещин в асфальте проросли бы трава и цветы, а со временем — фруктовые деревья.

И все мы умерли бы от голода. Но ведь на самом деле вовсе не бумажная работа и оценки производительности труда дают нам кров над головой и хлеб насущный, не так ли? Большая часть тех вещей, которые мы делаем, чтобы зарабатывать деньги, не имеет никакого отношения к выживанию. Более того, не имеет никакого отношения к тем вещам, которые действительно наделяют жизнь смыслом.

Работа необходима

Это зависит от того, что понимать под словом “работа”. Только подумайте о том, как много людей получают удовольствие от садоводства, рыбалки, резьбы по дереву, готовки и даже от программирования, когда все это делается для самих себя. Что, если такого рода деятельность могла бы удовлетворять все наши нужды?

Много веков подряд люди утверждали, что технологический прогресс вот-вот освободит человечество от необходимости работать. Сегодня в нашем распоряжении есть такие возможности, которые и не снились нашим предкам, однако предсказания так и не сбылись. На самом деле мы работаем даже больше, чем люди, жившие всего пару поколений назад: бедные — для того, чтобы выжить, а богатые — по причине конкуренции. Другие в отчаянии ищут работу — у них нет времени и возможности наслаждаться всеми благами, которыми их, якобы, одарил прогресс. Несмотря на все разговоры о рецессии и необходимости “затянуть пояс”, корпорации рапортуют о росте доходов, богатые продолжают богатеть и огромное количество товаров производится только для того, чтобы кратчайшим путём отправиться на помойку. Богатства с избытком хватает на всех - просто оно не используется для того, чтобы освободить человечество из кабалы.

Что же это за система, которая одновременно производит всё в избытке и препятствует нам наслаждаться этим изобилием? Защитники свободного рынка заявляют, что альтернативы нет. И до тех пор, пока наше общество будет организовано так, как сейчас, альтернативы, действительно, не будет.

Но давным-давно, в далёкую-предалёкую эпоху, до карточек учёта рабочего времени и высококалорийных завтраков, люди жили без работы. Естественная природная среда, дававшая человечеству всё необходимое, не была ещё изрублена и приватизирована. Знания и умения не являлись эксклюзивными ноу-хау лицензированных экспертов, их не держали в заложниках дорогие институты. Время не делилось на продуктивные трудовые часы и потребительский отдых. Мы знаем об этом потому, что работу изобрели лишь несколько тысяч лет назад, тогда как люди живут на нашей планете многие сотни тысяч лет. Нам говорят, что жизнь тогда была “одинокой, полной лишений и невзгод, жестокой и очень короткой”. Вот только рассказывают нам об этом те, кто уничтожил тот древний уклад жизни, а вовсе не те, кто им жил.

Конечно, это не значит, что мы должны вернуться к тому, что безвозвратно кануло в прошлое. Или что мы могли бы так сделать. Мы лишь говорим о том, что нет никакой объективной причины для текущего положения вещей. Если бы наши далёкие предки могли бы увидеть нас сегодня, наверняка их бы заинтересовали некоторые наши изобретения и расстроили другие, но в любом случае они бы с ужасом наблюдали за тем, как мы всё это применяем. Мы создали этот мир собственным трудом, и очевидно, что без определённых препятствий мы могли бы построить мир куда более прекрасный. Это не означает отказа от всего, что мы узнали. Это означает отказ от всего, что, как мы поняли на практике, не работает.

*Ты, что же, хочешь
сказать, что из моей
деятельности кто-то
должен извлекать выгоду?
На мой взгляд, это вовсе
не обязательно!*

Работа продуктивна

С тем, что работа продуктивна, сложно поспорить. За пару тысячелетий труда рабочих поверхность планеты изменена до неузнаваемости.

Но что именно производит работа? Миллиарды зубочисток, ноутбуки и сотовые телефоны со сроком службы в пару лет. Километры свалок твёрдых бытовых отходов и многие тонны озоноразрушающих веществ. Заводы, которые закрывают и оставляют ржаветь, как только где-то в другой части планеты можно купить труд подешевле. Мусорные контейнеры полны съедобной пищей и приличной одеждой, а миллиарды людей по всему свету умирают от голода и холода. Медицинское обслуживание доступно только для богатых. Романы, философские течения и направления в живописи, на которые ни у кого из нас нет времени, потому что мы живём в обществе, подчиняющем желания соображениям прибыли, а потребности — принципу прав собственности.

И откуда берутся ресурсы для всего этого производства? Что происходит с экосистемами и сообществами, которые разграбляются и эксплуатируются? Про работу можно сказать, что она продуктивна. Но справедливо будет дополнить, что разрушений она приносит на порядок больше.

В результате работы ничто не производится из вакуума. Тут нет места магии. Из биосферы (это наша с вами и другими видами живых существ общая сокровищница) берутся некие материалы, превращающиеся в результате работы в продукты, которые наделяются смыслом по законам логики рынка. Для тех, кто видит мир как набор бухгалтерских отчётов, эти слова звучат песней. Но все остальные-то не обязаны покупать на подобную чушь.

Для капиталистов и социалистов всегда было аксиомой то, что труд рабочих производит нечто, обладающее стоимостью. Однако самим рабочим будет не лишним задуматься вот о чём: работа использует нечто, обладающее стоимостью. Именно по этой причине леса и полярные льды потребляются с той же интенсивностью, что и часы наших с вами жизней. По этой причине боли в наших телах после тяжёлого трудового дня резонируют с более широко-масштабным разрушением окружающей среды.

Но что же нам производить, если не эти товары? Дайте подумать... как насчёт счастья? Можем ли мы представить общество, основной целью ежедневной деятельности которого было бы получение максимального удовлетворения от собственной жизни, исследование её тайн, а не бессмысленное накопление богатства и

борьба с конкурентами? Конечно же, в подобном обществе сохранилось бы производство товаров, но они производились бы не ради борьбы за прибыль. Фестивали, пиры, философия, романтика, творчество, забота о детях, дружба, приключения — можем ли мы на самом деле думать о подобных вещах, как о смысле нашей жизни, а не о способах занять себя в свободное от работы время?

В наши дни всё обстоит ровно наоборот: наше представление о счастье искусственно создано с целью стимулировать производство. Не приходится удивляться, что продукты нашего труда уже почти вытеснили нас самих из этого мира.

Работа создаёт богатство

Работа не создаёт богатство там, где раньше была нищета. Напротив, пока в результате работы одних людей обогащаются другие, работа создаёт нищету, прямо пропорциональную прибыли.

Нищета — это не объективное состояние, но отношения, сложившиеся в результате несправедливого распределения ресурсов. В сообществах, где люди привыкли делиться друг с другом всем, нет нищеты. Да, может быть дефицит каких-то предметов или продуктов, но никого не подвергают унижительному существованию без жизненно необходимых благ, в то время как у других их больше, чем достаточно. По мере накопления прибыли и роста минимального порога достатка, необходимого для влияния на принимаемые обществом решения, бедность распространяется всё шире. Это своего рода форма изгнания. Самая жестокая форма изгнания, поскольку физически вы остаётесь в обществе, из которого изгнаны. Но участвовать в его жизни вы

больше не можете. Как и уйти куда-то ещё.

Работа не просто создаёт бедность наряду с богатством. Происходит сосредоточение богатства в руках немногих избранных и распространение нищеты среди всех остальных. Ради существования каждого Билла Гейтса миллион людей должен жить за чертой бедности. Для каждой Shell Oil должна быть своя Нигерия. Чем больше мы работаем, тем больше прибыли получают бенефициарии нашего труда, и тем беднее мы становимся по сравнению с нашими эксплуататорами.

Таким образом, в дополнение к созданию богатств работа делает людей нищими. Это очевидно даже без учёта иных способов, которыми работа делает нас беднее: в плане самоопределения, свободного времени, здоровья, чувства собственного достоинства, которое выходило бы за рамки карьеры и банковских счетов, она делает нас бедными в духовном плане.

Нужно работать, чтобы хватало на жизнь

“Цена достойной жизни”, какой её пытаются представить защитники статус-кво, на самом деле вводит людей в заблуждение: нельзя сказать, чтобы члены нашего общества жили по-настоящему! “Цена работы” — вот это более правильная оценка. И цена эта высока.

Всем известна цена, которую платят домохозяйки и посудомойки за то, что составляют основу нашей экономики. Им достаются все проклятия бедности: различные виды зависимостей, разбитая личная жизнь, плохое самочувствие. Те, кто каким-то образом справляются со всем этим и умудряются приходить на работу вовремя, чудесные люди. Только представьте, чего они могли бы достичь, если бы были свободны применять всю силу своего характера к чему-то, кроме обеспечения доходами своих боссов!

Но мы не обойдём своим вниманием и их начальство, которому посчастливилось оказаться на ступеньку выше в этой иерархической пирамиде. Можно было бы предположить, что более высокая зарплата означает больше средств и больше свободы, но не всё так просто. С каждой работой в комплекте идут определённые издержки. Подобно тому, как посудомойка вынуждена каждый день оплачивать проезд на автобусе на работу и с неё, так корпоративный юрист должен быть готов отправиться на вызов по первому же требованию, от него ожидается, что он будет поддерживать своё членство в модном загородном клубе для деловых встреч в неформальной

Господь всемогущий! Господа, ну не можем же мы все быть миллиардерами! Тогда это называлось бы инфляцией. Ну в самом деле! Чтобы кто-то считался богатым, кому-то придётся быть бедным.

обстановке, предполагается также, что он владеет небольшим особнячком, где иногда устраивает званые ужины для своих знакомых, которые одновременно являются его клиентами. Вот почему рабочим среднего класса так трудно скопить достаточно денег, чтобы навсегда выйти из этих крысиных бегов, пока они бегут впереди: ведь в существующих экономических условиях “бежать впереди” на самом деле означает “бежать на месте”. В лучшем случае вы заработаете себе на топчак получше, но и бежать придётся быстрее, чтобы не упасть.

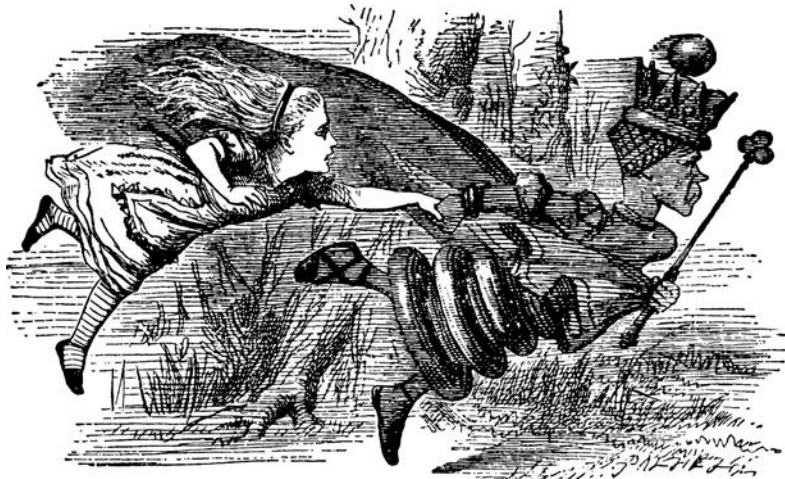
Между тем, финансовые издержки от работы ещё не самое страшное. В одном известном соцпросе респондентов из различных слоёв общества спросили: сколько денег им необходимо, чтобы “жить, как хочется”. Все — от бедняка до патриция — назвали сумму примерно в два раза большую, чем их текущий доход на тот момент. Таким образом, деньги не только стоят слишком дорого, чтобы их получить, они ещё и действуют как сильный наркотик: чем больше его употребляешь, тем меньше удовлетворения! И чем выше вы карабкаетесь по иерархической лестнице, тем больше придётся сражаться за своё место под солнцем. Богатый исполнительный директор должен отказаться от своих страстей и совести, он должен убедить себя, что заслуживает большего, чем все те неудачники, чей труд обеспечивает ему комфортную жизнь. Он должен уметь побороть любой импульс к критическому анализу, к безвозмездному дарению, к воображению себя в роли другого человека. Если он не справится с этими слабостями, то, рано или поздно, его сместит более беспринципный соперник. И голубые, и белые воротнички вынуждены практически умертвить себя ради того, чтобы удерживаться на работах, которые обеспечивают им жизнь. Речь идёт о том, какой вид смерти предпочтительнее: духовная или физическая.

До сих пор мы говорили о той цене, которую платит каждый из нас, но существует ещё и общая мзда, которой обложены все те, кто работает. Если даже не вспоминать об экологической цене вопроса, остаются ещё такие вещи, как болезни, связанные с определёнными видами занятости, производственные травмы и смерть на рабочем месте. Каждый год мы тысячами убиваем других людей только ради возможности продать гамбургер и членство в фитнес-клубе для тех, кто выжил. В докладе департамента труда США говорится о том, что за 2001 год от несчастных случаев на производстве погибло в два раза больше людей, чем от атак 11 сентября. При этом отчёт не учитывает болезни, полученные в результате работы. И помимо всего прочего, самая высокая цена, которую мы платим, состоит в том, что мы так никогда и не узнаем, каково же это, управлять собственными жизнями, получить ответ или хотя бы задать вопрос: что бы мы делали со всем тем временем, которое у нас есть (если бы мы могли им распоряжаться). Мы никогда не узнаем, сколь многого мы лишаемся в мире, где люди

слишком заняты, слишком бедны или слишком унижены, чтобы хотя бы начать задавать вопросы.

Так зачем же работать, если это так дорого? Все знают ответ: потому что иначе не получить всего того, от чего зависит наша жизнь. Иначе невозможно быть полноценным членом общества. Все более ранние общественные формы, которые допускали иные способы организации жизни, уничтожены. Их вытоптали конкистадоры, рабовладельцы и корпорации, которые постарались надругаться над каждым племенем, традицией и экосистемой, до которых смогли добраться. Что бы ни вещала по этому поводу капиталистическая пропаганда, свободные люди вовсе не мечтают о том, чтобы собраться в стадо на заводе и тянуть всю жизнь лямку за гроши, если, конечно, у них есть возможность выбора. И в случае возможности выбора их не заманить ни брендовыми шмотками, ни авторским софтом.

Работая, потребляя и оплачивая счета, каждый из нас вносит свой вклад в воспроизводство условий, которые делают необходимыми все эти действия. Капитализм возможен потому, что мы вкладываем в него всё: всю нашу энергию и гениальность мы приносим в жертву рынку, все наши ресурсы оказываются в супермаркетах и на рынках ценных бумаг, а всё наше внимание поглощено СМИ. Если быть совсем точными, мы бы сказали, что капитализм существует, потому что наша ежедневная деятельность и есть капитализм. Однако продолжили бы мы воспроизводить капитализм, если бы у нас был выбор?

— «Такая медленная страна!» — сказала Королева, — «Видишь ли, тут приходится бежать изо всех сил только для того, чтобы остаться на месте. А если ты хочешь куда-то попасть, придётся бежать в два раза быстрее».

— «О нет, спасибо, я и пробовать-то не хочу!» — ответила Алиса.

Работа - это путь к самореализации

Напротив, вместо того, чтобы даровать людям счастье, работа питает худшие из возможных проявлений отрицания себя как личности.

С самого рождения нас приучают ограничивать собственные желания: от нас ожидается подчинение родителям, начальству, требованиям рынка, не говоря уже о законах, родительских ожиданиях, религиозных предписаниях, нормах общественной морали. Желание исполнять приказы становится приобретённым рефлексом, независимо от того, отвечают ли приказы нашим собственным интересам, а обращение за консультациями к экспертам по социальному управлению — второй натурой.

Вынужденные не столько творить, сколько продавать своё время, мы оцениваем свои жизни в соответствии с тем, за сколько мы можем их продать, а не с тем, насколько они ценны для нас самих. Подобно рабам-фрилансерам, продающим себя в почасовой проституции, мы мыслим о каждом из нас как о человеке, имеющем свою цену. Цена определяет ценность личности. В этом смысле мы становимся товарами потребления, ничем не отличаясь от зубной пасты и туалетной бумаги. То, что когда-то было человеком, теперь — сотрудник, как то, что когда-то было свинкой, теперь стало свиной отбивной. Наши жизни исчезают, как и деньги, за которые мы их продаём.

Зачастую мы настолько привыкаем к необходимости отдавать что-то, дорогое лично для нас, что жертвенность становится единственным способом выразить наши чувства по отношению к кому-то или чему-то. Мы добровольно становимся мучениками ради идей, больших дел, любви другого человека. Даже в ситуациях, когда наша страсть должна была бы сделать нас счастливыми.

Например, есть такие семьи, где люди соперничают друг с другом в попытках доказать большую любовь к близким за счёт больших личных жертв. Вознаграждение за страдания не просто откладывается, а целиком переносится на будущие поколения. Ответственность наконец наслаждаться всем тем счастьем, которое якобы накоплено годами неблагодарного труда, передаётся детям. Но, когда они взрослеют, от них, как и от всех других ответственных взрослых людей, точно также ожидают покорного, иссушающего душу труда.

Когда-то надо остановиться.

*“Если бы тяжкий труд действительно был так прекрасен,
богачи бы предавались ему сами.”*

Лэйн Кирклэнд

Работа поощряет инициативу

Действительно, люди в наши дни трудятся не покладая рук. Привязка доступа к ресурсам к рыночной производительности вызвала беспрецедентный рост производства и технологический прогресс. Да и сам рынок настолько монополизировал наш доступ к собственным творческим способностям, что многие уже работают не ради того, чтобы выжить, но ради того, чтобы хоть чем-то быть занятыми. Но какого рода инициативу рождает подобный подход?

Обратимся к глобальному потеплению — одному из самых серьёзных кризисов, угрожающих планете. Спустя десятилетия отрицания очевидного, политики и бизнесмены, наконец, перешли от слов к делу: они пытаются что-то исправить. И что же они делают? Ищут способы заработать, конечно же! Кредиты на карбон, “экологически чистый” уголь, “зелёные” инвестиционные фонды. Кто из вас на самом деле верит, что это самые эффективные способы борьбы с парниковым эффектом? Очень иронично, что катастрофа, вызванная капиталистическим потреблением, используется как повод для ещё большего потребления. В то же время, ситуация наглядно демонстрирует, какого рода инициативу поощряет в людях работа. Что это за человек, который в ответ на призыв бороться за сохранение жизни на планете, отвечает словами: “С радостью, но какая от этого выгода лично мне?”

Если всё в нашем обществе делается из желания получить выгоду и успех, то, может быть, дело вовсе не в инициативе, а в чём-то другом? Взять инициативу в свои руки, призвать к формированию новой системы ценностей, к новым паттернам поведения — это одинаково немыслимо как для успешного бизнесмена, так и для наиболее униженного из рабочих. А что, если работа (а точнее продажа другим вашей способности творить, будь то клиенты или менеджеры) на самом деле душит инициативу?

Свидетельства, подтверждающие это предположение, можно найти и за пределами рабочего места. Как часто многие из тех, кто никогда не пропускает ни одного рабочего дня, постоянно опаздывают на репетиции своих музыкальных групп? Зачастую мы не можем

посвятить достаточно времени чтению книги, даже при условии вовремя выполненных домашних заданий по школе и университету. То, чем мы на самом деле хотим заниматься, всегда находится в самом низу нашего списка приоритетов. Наша способность выполнять обязательства становится внешней силой по отношению к нам самим, она ассоциируется с внешними источниками наказаний и вознаграждений.

Представьте себе мир, в котором бы люди делали только то, что сами хотят, потому что они лично заинтересованы в переменах. Любой босс, который в поте лица боролся за мотивацию пассивных сотрудников, скажет вам, что концепция совместной деятельности с равно заинтересованными в проекте людьми утопична. Но это вовсе не значит, что мы ни на что не способны без начальников и зарплат. Это всего лишь доказывает, что работа лишает нас инициативы.

Работа обеспечивает безопасность

Предположим, что работа никого никогда не калечит, не отравляет и от неё никто не болеет. Предположим также, что экономика не испытывает кризисов, во время которых вас лишают работы и денежных сбережений. И что никто из тех, кому не повезло ещё больше, не нападает на вас и не крадёт у вас. И всё равно нельзя быть уверенным в собственной безопасности. В наши дни уже никто не работает на одного и того же работодателя всю свою жизнь. Вы работаете несколько лет где-то, а потом они берут кого-то помоложе и подешевле или передают ваши функции аутсорсерам (на другом континенте). Можно свернуть себе шею в попытке доказать, что вы лучший в своей области, и всё равно оказаться уволенным.

Можно быть абсолютно уверенным, что начальство попытается с особой хитростью подойти к экономии на вашей зарплате: не могут же они, в конце концов, разбрасываться деньгами! Так их и вовсе не останется. Но о гнусных замыслах боссов сотрудники обычно узнают в последний момент. Иначе, будь начальники сентиментальными, они бы никогда не достигли таких высот в карьере. Если вы фрилансер, то уже испытали на себе всё непостоянство свободного рынка.

Что же могло бы обеспечить настоящую безопасность? Может

быть, существующее не первый год сообщество людей, в котором все заботятся друг о друге, сообщество, основанное на взаимопомощи, а не на финансовых стимулах? И что же является одним из основных препятствий для создания подобных сообществ в наши дни? Работа.

Работа учит ответственности

Кто совершил больше всего несправедливостей за всю историю человечества? Работодатели. Но это вовсе не значит, что они должны нести ответственность, — они всегда первые же говорят об этом!

Разве получение денег за труд снимает с вас ответственность за то, что вы делаете? Похоже, что работа создаёт именно такую иллюзию. Нюрнбергская¹ защита (“я всего лишь исполнял приказ”) стала гимном и алиби для миллионов наёмных рабочих. Горячее желание оставить совесть перед входом на работу (по сути, стать наёмником) лежит в корне многих проблем, с которыми мы столкнулись как вид.

Конечно, люди и без приказов совершали ужасные вещи. Но не в таком количестве. Вы можете убедить в чём-то человека, который действует из личных побуждений, потому что он понимает, что свободен в своих решениях. С другой стороны, наёмные рабочие могут творить невообразимо тупые и разрушительные вещи и в то же время оставаться в полном неведении о последствиях.

Естественно, настоящая проблема — это не то, что работодатели отказываются брать на себя ответственность за свои поступки, а экономическая система, которая делает ответственность слишком дорогой роскошью.

Уважаемые сотрудники! Перед работой не забудьте умыть руки от ответственности!

¹Нюрнбергский процесс — международный судебный процесс над бывшими руководителями гитлеровской Германии

Рабочие сбрасывают токсичные отходы в реки и океаны.

Рабочие осуществляют массовый забой скота и проводят эксперименты над животными.

Рабочие выбрасывают тысячи тонн съедобной пищи.

Рабочие уничтожают озоновый слой.

Рабочие следят за тобой с помощью камер наружного наблюдения.

Рабочие лишают тебя личных вещей за неуплату штрафов.

Рабочие сажают тебя в тюрьму за неуплату налогов.

Рабочие унижают тебя за невыполненную домашнюю работу или опоздание на работу.

Рабочие передают информацию о твоей личной жизни в базы данных по кредитным историям и досье МВД.

Рабочие выписывают тебе штрафы за превышение скорости и эвакуируют твою машину.

Рабочие руководят ЕГЭ, спецшколами для детей с девиантным поведением и психиатрическими лечебницами.

Солдаты, которые загоняли людей в газовые камеры, получали зарплату,

Как и солдаты, оккупировавшие Чечню, Ингушетию, Ирак и Афганистан,

Как и шахиды, которые взрывают их вместе с собой — они работают на Бога, надеясь на выплату зарплаты в раю.

*Что поделаешь,
мне надо платить
за ипотеку!*

Довольно!

Вы тоже должны платить, даже если ценой будут жизни других! Иначе вы поступите безответственно, самоубийственно, согрешите перед Господом нашим, предадите родителей, плюнете в лицо всем тем бедным убоюдкам, у которых нет выбора, нарушите условия своего испытательного срока, не говоря уже о том, что испортите себе кредитную историю на всю жизнь!

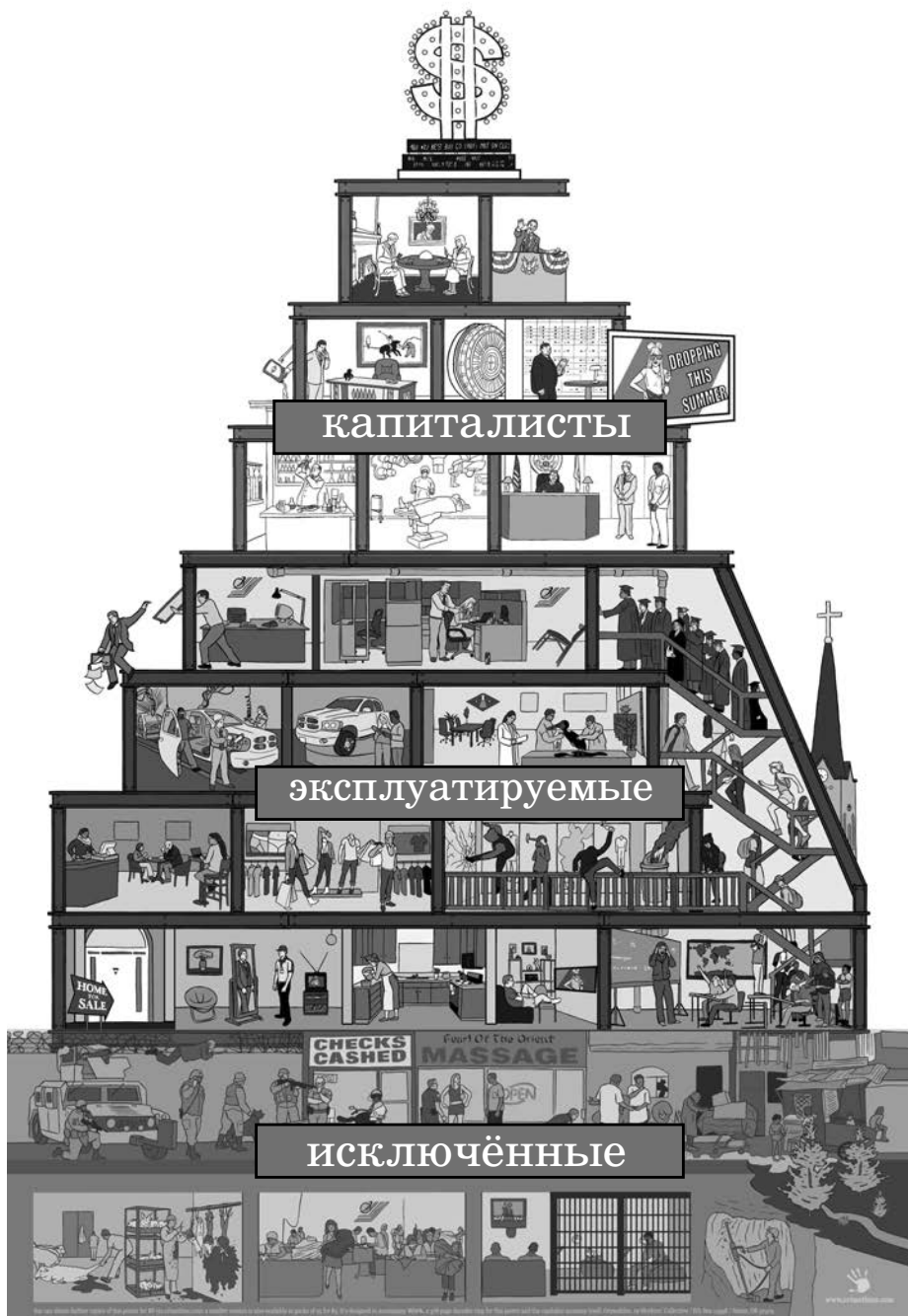
А теперь марш на работу!

Давайте кое-что проясним: критика работы не означает отказ от какого-либо труда, творческих усилий, амбиций или преданности какому-то делу. Также она не означает, что мы требуем, чтобы всё стало весёлым или лёгким. Например, борьба с силами, которые заставляют нас работать — очень тяжкий труд. Лень — это не альтернатива работе, хотя, возможно, это её побочный продукт.

Всё просто: мы все заслуживаем применять свой творческий потенциал так, как считаем нужным, мы заслуживаем того, чтобы быть хозяевами своих судеб. Заставлять людей продавать эти фундаментальные аспекты личности за деньги унижительно и трагично. Мы не обязаны так жить.

ii. Экономика

Понимание экономики

Экономика распространяется в бесконечность во всех направлениях вокруг нас. Как она работает? Понять это кажется невозможным. Разве может кто-то надеяться концептуализировать деятельность миллиардов людей?

Концепция того, что для каких-либо выводов о природе экономики вы должны полностью понимать экономику, используется для того, чтобы заткнуть людей. Следуя этой логике, только наиболее информированные экономисты уполномочены решать по утрам, стоит ли им идти сегодня на работу. Независимо от степени нашей информированности в каждый момент наших жизней мы делаем выбор, продолжать ли заниматься тем, чем мы занимаемся, или переменить вид деятельности.

Возможно, в качестве отправных точек мы могли бы использовать наши личные жизненные условия и попытаться понять то, что нам кажется знакомым. Если капитализм подчиняется каким-то общим принципам, то, без сомнения, они проявляются и там, где мы начнём свои изыскания. С этой точки зрения экономист не более сведущ в экономике, чем тюремщик.

Существует множество способов структурного анализа экономики. Один из наиболее распространённых — это разбить её на секторы в соответствии с особенностями процессов производства и потребления: в первом секторе будет непосредственная добыча ресурсов (например, добыча полезных ископаемых и сельское хозяйство), во втором, будет производство и строительство, в третьем — индустрия услуг и так далее. В начале XX века более 2/3 “рабочих рук” в нашей стране было задействовано в первом секторе, а теперь более 80% рабочих работают в третьем секторе экономики.

Но если бы мы хотели понять, кому выгодно текущее положение дел, мы могли бы разделить всё несколько иначе. Изучая потоки капитала, можно утверждать существование следующих

категорий людей: **капиталистов**, получающих прибыль от работы других людей; **эксплуатируемых**, чья деятельность приносит доход первым; **исключённых**, которых вынесли за скобки, чтобы они побирались на задворках экономики. Эти категории не эксклюзивны и не замкнуты. Кто-то может одновременно занимать несколько позиций или переходить из одной категории в другую в течение жизни.

Капиталисты делают деньги не только на том, чем занимаются, но и на том, что имеют. Как говорится, деньги делают деньги. Владельцы предприятий, землевладельцы, крупные акционеры — все они капиталисты. Как и исполнительные директора, получающие зарплату за труд других людей. Если кто-то является миноритарным акционером компании (например той, в которой работает), его можно назвать микрокапиталистом.

Капиталисты получают прибыль за счёт труда **эксплуатируемых**. Большинство эксплуатируемых может получать деньги, только продавая свой труд, поэтому работодателям очень легко платить меньше, чем они производят. Когда банки и кредитные компании выбивают деньги из должников, они эксплуатируют их точно так же, как и корпорация, которая платит рабочему \$1 за пару ботинок, которые потом продаются по \$200.

Бесчисленные миллионы людей живут или умирают по милости существующей экономической системы, и вместе с тем, они **исключены** из участия в ней. Исключены безработные и бездомные, а также большая часть жителей фавел и самостроев по всему свету. Заключённые часто являются одновременно исключёнными и эксплуатируемыми, потому что их заставляют работать за гроши на каторге. Быть исключённым — это не то же самое, что находиться вовне рыночных отношений. Лишённые нищенствуют именно потому, что они находятся внутри капитализма.

Конечно, есть и другие версии. Например, одну из них можно рассказать на языке фильма ужасов: вампиры, монстры, зомби. Также можно выстроить анализ относительно дихотомии производства-потребления или физического и интеллектуального труда. А по соседству с экономическими структурами мы можем обнаружить другие структуры власти вроде расы или гендера. И их тоже можно описать бесконечно разнообразными способами. Но экономику невозможно понять в отрыве от расы и гендера: разве мог бы появиться на свет современный капитализм без колонизации и разграбления, так называемого, Нового Света? Как насчёт расизма, который служил оправданием работорговле, или сексизма, выраженного в зеркальных потолках и неоплачиваемой домашней работе? И мы не можем избавиться от этих моментов без смены характера наших экономических отношений. Какое нам может быть дело до афроамериканского президента в США или женщины-мэра в Санкт-Петербурге, если около миллиона чернокожих томятся за решётками, а уничтожение исторического центра города

на Неве происходит со скоростью, которой позавидует любой лужков?

Поэтому все эти взаимосвязанные динамики нельзя редуцировать до простого изложения. Настоящая работающая модель мира будет столь же огромной и сложной, как и сам мир. Наша цель — разработать инструменты, которые позволят нам наполнить смыслом наши жизни и восстановить над ними контроль.

Поэтому давайте обозначим экономические роли и отношения, которые нам известны. Это будет лишь один из многих “разрезов” экономики, но если наша гипотеза верна, то мы сможем приблизиться к пониманию всей ситуации.

Subscribe for the
INDUSTRIAL WORKER

Foremost Exponent of Revolutionary
Industrial Unionism

Published in the English Language

One Dollar per Year
Three Months 25c

P. O. Box 2129 Spokane, Washington

CAPITALISM

WE RULE YOU

WE FOOL YOU

WE SHOOT AT YOU

WE EAT FOR YOU

WE WORK FOR ALL

WE FEEL

PYRAMID OF CAPITALIST SYSTEM

ISSUED BY NEDELJKOVICH, BRASHICH AND KUCHARICH.

Copyrighted 1911 by The International Pub. Co., 1747 W. 25th St., Cleveland, O

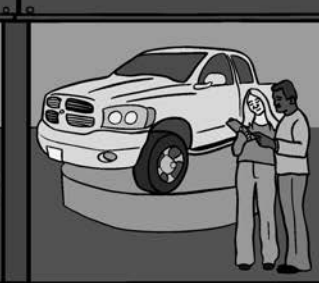
Меняющиеся условия

Структура экономики не статична. Она постоянно развивается и расширяется, включает в себя новые территории, субъекты и модели производства и потребления. Мы не можем полагаться на экономические модели прошлого, хотя они и могут помочь нам понять то, как всё изменилось за прошедшие годы.

Соппротивление — это одна из основных движущих сил в экономике. По мере того, как люди находят новые способы сбежать от навязанных им ролей, экономика видоизменяется, чтобы подавить, поглотить или сделать сопротивление бессмысленным. Одно поколение людей объявляет, что промышленное производство загрязняет землю. Следующее поколение видит в концепции «общества устойчивого развития» кладёзь возможностей по реализации новых товаров. Одно поколение отказывается от телевидения и общества спектакля, которым управляет элита. Следующее становится зависимо от партисипативных форматов вроде Youtube и Facebook.

Всё это означает, что мы не можем постепенно проводить одну реформу за другой. Если рабочим удаётся добиться повышения заработной платы, арендодатели повышают стоимость аренды. Если национальное правительство заставляют принять законы о защите окружающей среды, корпорации просто перебираются в другое государство.

Также это означает, что постепенное формирование сообщества сопротивления — крайне сложная задача. Очень часто контекст успевает измениться, едва только движение набирает ход. И вот уже то, что служило источником силы, обращено против нас. С другой стороны, подобная динамичность означает, что иногда всё меняется даже слишком быстро и неожиданно и что история ускоряет свой бег.

Мегаполис

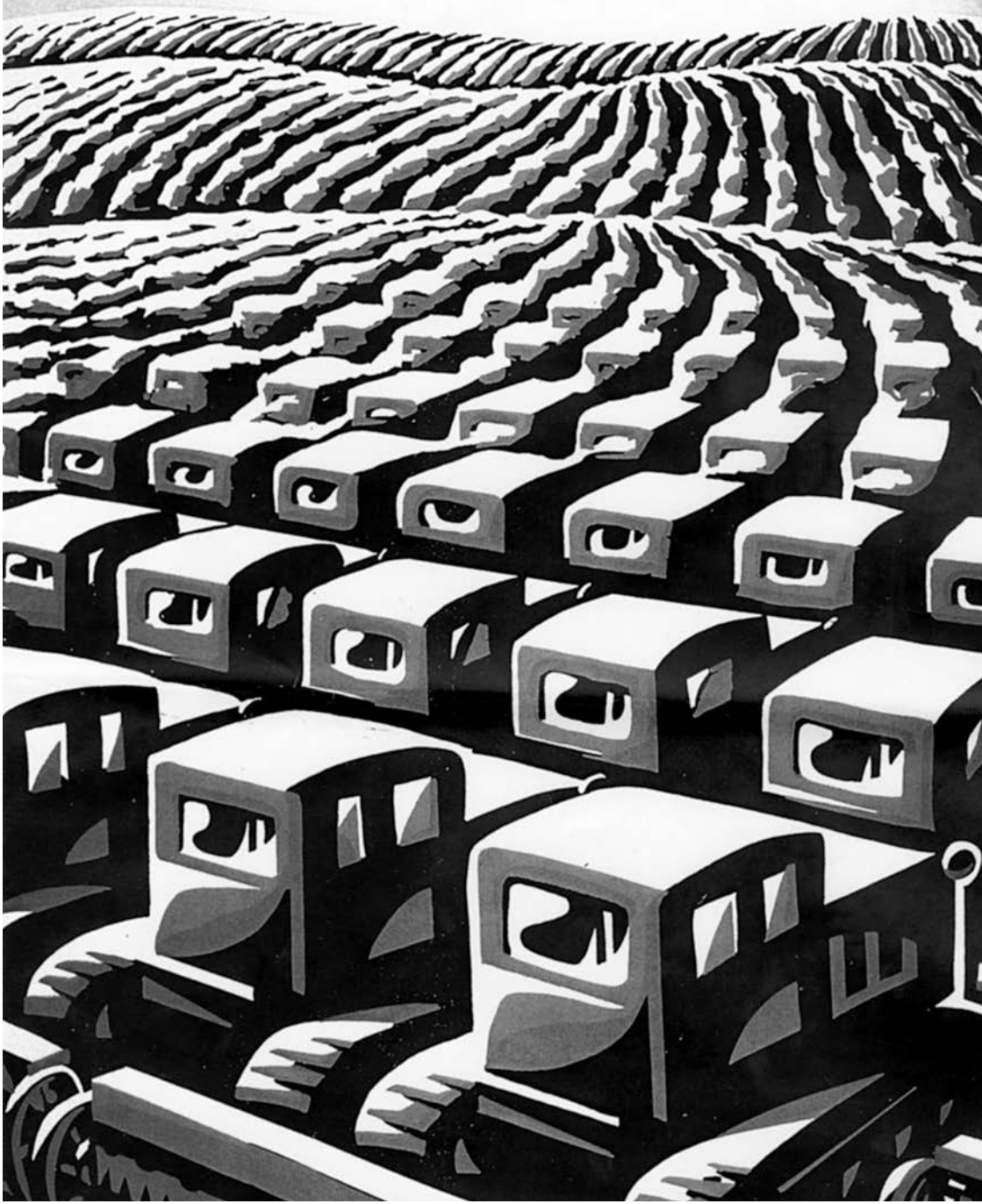
Экономика на свой лад изменяет природный и социальный ландшафты: силиконовые долины, моногорода, банановые республики. Она стирает различия между естественным и искусственным: поле пшеницы в Айове не более естественно, чем железобетонная пустошь в Нью-Арке, штат Нью-Джерси. И там и там происходит унификация пространства с целью воспроизводства новых частиц внутри.

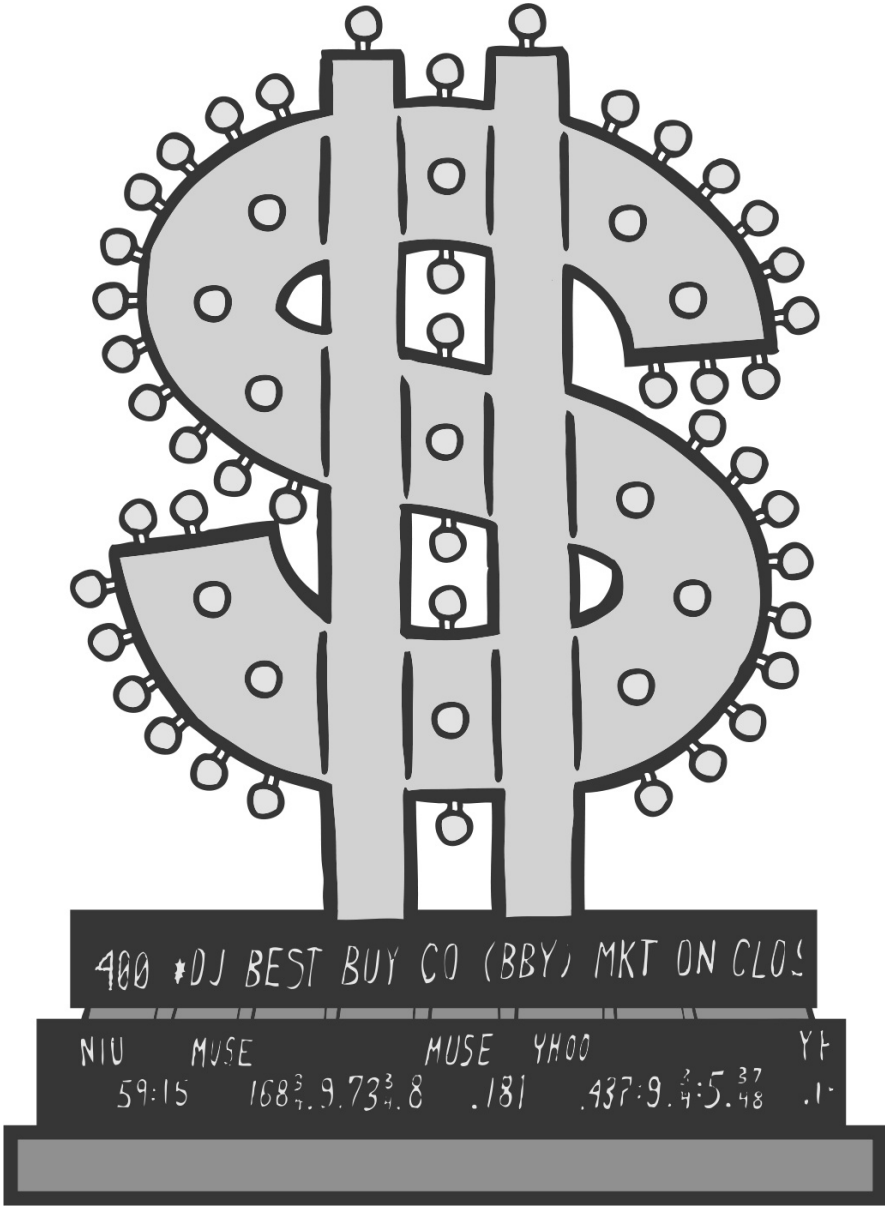
Мегаполис, в котором происходит наша история, — это *каждый* мегаполис. Другими словами, это *один и тот же* мегаполис. Розы, собранные на плантациях в Эквадоре, продаются в тот же день бизнесмену в Манхэттене. Ди-джейский сет из Барселоны в реальном времени транслируется в Йоханнесбурге. Новости, мода, идеи немедленно распространяются по всему земному шару. Каждый город наполнен туристами и беженцами из других городов. Люди уделяют больше времени общению с другими людьми, живущими за сотни миль и в другой стране, чем разговору с соседями. Физическая дистанция между людьми, населяющими различные города, уступает место социальной дистанции между людьми, живущими в одном городе.

Государственные границы стремительно теряют смысл, если рассматривать их в рамках экономики. Уже нельзя отличить национальную экономику от глобальной экономики (даже если когда-то это и было возможно). Большая часть финансового капитала корпораций в нашей стране размещена за границей. Задачу, которую формулируют в Москве, будут выполнять аутсорсеры в Мумбае. Идея, родившаяся в Аргентине, будет приносить доход в Финляндии. Мир не состоит из отдельных физических территорий или политических конструкторов. Мир — это море взаимосвязанных отношений, которые, подобно ветру, воде и потокам тепла, не признают никаких умозрительных границ.

И в то же время, хотя государственные границы не могут им помешать, экономика накладывает реальные ограничения на все эти связи. В наши дни большее значение имеют не горизонтальные границы, нарисованные на картах, чтобы разделить территорию, а вертикальные, разделяющие страты общества. Эти границы навязываются повсюду одновременно, а не где-то на каком-то пограничном посту. Эти границы разделяют мегаполис на различные зоны в соответствии с привилегиями. Они определяют доступ к ресурсам и власти. На подобные зоны можно натолкнуться повсюду: иммигрант без документов убирает территорию особняка чиновника на Рублёвке за нелегально низкую зарплату, охрана размахивает оружием перед входом в дорогой отель для европейских бизнесменов рядом с трущобами Нью-Дели.

Работа изменяет мир по своему образу и подобию

Верхушка

Кто обладает верховной властью в капиталистической системе?

Главы государств? Но они, как видится, всего лишь правят от имени богачей, чьи интересы должны защищать. Богатейшие магнаты, владеющие корпорациями и получающие прибыль в результате тысяч скользких сделок? Но им тоже приходится несладко в конкурентной борьбе за сохранение тёплого местечка. Расслабишься, и конкуренты тебя быстренько сместят. Может быть, банки, управляющие финансовой системой, вроде Федерального Резерва в США? Но когда что-то идёт не так, они оказываются такими же беспомощными и растерянными, как и все остальные. Может быть, это тайный заговор богатейших семей мира, масонов или ЗОГ? Слишком похоже на протухшую антисемитскую пропаганду. Вся ответственность за проблему перекладывается на плечи какой-то конкретной группы вместо того, чтобы попытаться понять, какую роль во всём этом играет сама система.

А может быть у руля вообще никого нет? Люди говорят об экономике, как если бы это был Бог или Природа, хотя экономика формируется исключительно в результате человеческой деятельности. Это подобие доски Уиджа², когда в результате деятельности противоборствующих индивидуумов получается коллективное разочарование. Разве был когда-то в человеческой истории тиран столь жестокий и склонный к тотальному уничтожению как рынок?

Капитал кажется вполне автономным. Сначала он течёт в одну сторону, потом - в другую. Сначала он концентрируется в одной стране, потом коварно сбегает в другую. С точки зрения экономиста, капитал — субъект истории, а мы — объекты, на которые он воздействует. Его движение не остановить, его влияния не избежать. Он — своего рода финансовая погода. И в то же время капитал, каким мы его знаем, — всего лишь коллективная галлюцина-

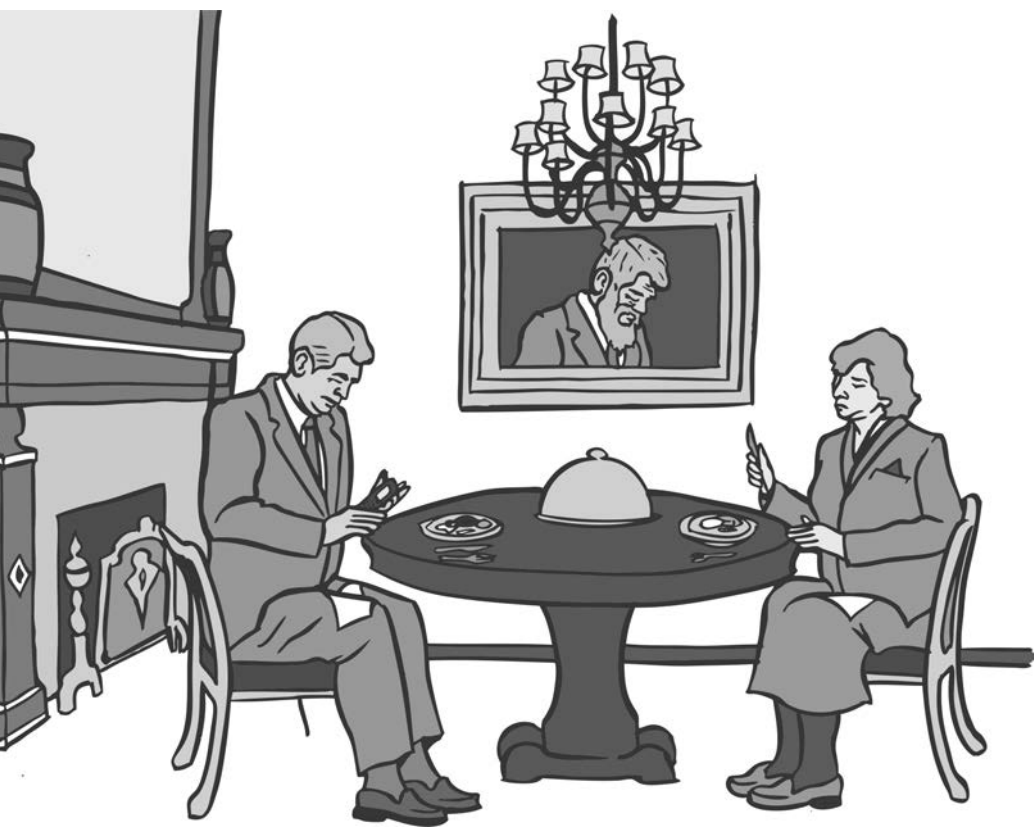
²«Говорящая доска» или «уиджа» (англ. *Ouija board*) — доска для спиритических сеансов с нанесенными на неё буквами алфавита, цифрами от 1 до 9 и нулем, словами «да» и «нет» и со специальной планшеткой-указателем.

ция, навязанная всему миру. Это форма социальных отношений.

Что есть капитал? Грубо говоря, это продукт работы, который можно использовать для производства богатства. Он может быть разных видов. Завод — это капитал. Компьютерная программа, защищённая авторскими правами, может быть использована как капитал. Если после оплаты коммунальных услуг у вас остались деньги для игры на бирже, это тоже будет капиталом. Общим является то, что всё это может быть использовано для регулярного накопления прибыли в обществе, которое верит в частную собственность. Капитализм — это такая система, при которой социальный ландшафт определяется тем, кто владеет капиталом. В определённом смысле, сам *капитал* управляет обществом, используя для этого взаимозаменяемых человеческих посредников.

Но из этого не следует вывод, что решение наших проблем лежит в использовании политических структур для «приручения» капитала, для придания ему большей рациональности, большей «демократичности». Богатство в наши дни сосредоточено в руках немногих избранных, как никогда ранее в истории, несмотря на все эксперименты вроде социализма и социальной демократии. Политическая власть может обеспечить контроль над людьми, но не может заставить капитал функционировать как-то иначе. Для этого потребуются фундаментальная общественная трансформация. И пока в основе нашей экономической системы лежит *частная собственность*, капитал будет иметь тенденцию накапливаться всё больше и больше. И наше общество будет вынуждено существовать в условиях всё усиливающегося расслоения, несмотря на все сдержки и противовесы.

Магнаты

Рынок вознаграждает умение, талант и отвагу, но лишь тогда, когда они служат получению прибыли.

Главным качеством, по которому происходит естественный отбор тех, кто находится на вершине пирамиды, является способность принимать решения, основанные на том, что даст ещё больше власти. И власть эта не получается из воздуха. Она состоит из способностей и усилий других людей.

Все издержки за накопление власти спускаются сверху вниз: их оплачивают не только рабочие, потребители и жертвы загрязнения окружающей среды, но и их супруги, секретарши и домашняя прислуга. Однако они не могут избежать необходимости принимать решения, основываясь на экономических соображениях, ведь в противном случае они лишатся власти. Возможно, дело тут в силе воли, но только сила воли в данном случае — крайне узкое и ограниченное понятие.

Можно было бы сказать, что капитализм наделяет властью худших, но это будет далеко от сути. Дело не в том, что экономика обогащает наименее достойных людей, а в том, что, несмотря на их личные качества щедрости или скупости, их власть зависит от способности вести себя соответствующим образом. В тот момент, когда исполнительный директор перестаёт считать получение прибыли своим жизненным приоритетом, он сам или его компания немедленно вытесняется с рынка менее принципиальным конкурентом. Например, в мире, где корпоративные решения регулируются необходимостью публикации привлекательных ежеквартальных отчётов, СЕО (главный исполнительный директор, топ-менеджер) попросту не имеют возможности принимать экологически-ориентированные решения. Да, они могут продвигать экологические продукты или возобновляемую энергию, если это является частью маркетинговой компании или PR-стратегии, но по-настоящему экоцентричные решения могут приниматься только во вне рыночных отношений.

Поэтому для понимания того, что капитализм вреден, вовсе не обязательно убеждать себя в том, что все исполнительные

директора — плохие люди. Напротив, апологеты свободного рынка часто ссылаются на человеческую природу, когда это необходимо для доказательства полезности свободного рынка. Они оправдывают разрушительный характер нашей экономики тем, что якобы ни одна другая система общественных отношений не способна мотивировать человека на удовлетворение своих потребностей.

Кто на самом деле гибнет, когда они убивают?

Политиканы

Этих все ненавидят. Мы могли бы этому удивиться, учитывая, насколько успех любого политика зависит от способности «понравиться», но причина для человеческой ненависти достаточно проста. Они получают работу, обещая нам лучший мир, но суть их работы — править миром, не давая нам возможности его изменить.

Как и всякая другая форма работы, правление навязывает собственную логику. Только подумайте о том, что происходит в Кремле, или Пентагоне, или в здании мэрии любого города. Ежедневная деятельность подобных учреждений не меняется, кто бы ни встал у руля. Сегодняшняя деятельность кремляди не отличается от того, что было при большевиках или даже при царе. Политики, может быть, и наделены властью в рамках государственных структур, но именно эти самые структуры и определяют, что можно делать с этой властью.

Чтобы понять, как это работает, придётся вернуться в феодальную Европу, когда капитализм только зародился, и природа общественных отношений была много проще. Короли наделяли дворян властью в обмен на обещание военной поддержки. Дворянство давало землю вассалам в обмен на клятву верности. Крестьяне и серфы давали господам свою рабочую силу и часть произведённых товаров в обмен на обещание не быть уничтоженными. Доступ к ресурсам определялся статусом, полученным по наследству, и постоянно менявшимся балансом вассальных отношений. Эти иерархии были достаточно явными, но крайне нестабильными: люди часто восставали и устраивали перевороты, потому что для них было крайне мало других способов улучшить собственную долю.

Но постепенно монархи начали консолидировать власть. Для достижения этой цели они создали то, что теперь известно как государственный аппарат: они интегрировали своих слуг в единый бюрократический механизм, который монополизировал военную, судебную и коммерческую власть. И в отличие от феодальных дворян функционеры этой машины обладали крайне специализированными обязанностями и ограниченной властью. Они напрямую подчинялись монархам, которые платили им зарплату обычно

деньгами, одолженными в банках, которые в то время стали появляться по всей Европе, как грибы после дождя.

Первыми политиками стали министры, которых назначали короли для управления этим самым государственным аппаратом. В некотором смысле это были бюрократы, как и те, кто находился в их подчинении. Они должны были обладать некоей компетенцией в том, что было им поручено, как некоторая степень компетенции ожидается в наши дни от генерального прокурора или премьер-министра. Но, как правило, компетентность была менее важна, чем способность заручиться поддержкой короля при помощи лести, взяток и фантастических прожектов. Всякому, кто следит за спектаклем современной политической жизни, это должно показаться знакомым.

Капитализм развивался в симбиотических отношениях с государственным аппаратом. В феодальные времена большинство людей могло получить почти всё, что им было необходимо, за пределами рыночной экономики. Но по мере того, как государство консолидировало свою власть, поля и пастбища, до того момента находившиеся в общинной собственности, стали приватизированы, а местные меньшинства и заморские континенты нещадно разграблены. Ресурсы стали поступать во всё возрастающих объёмах, что вело к увеличению власти и влияния купцов и банкиров.

Североамериканская и Европейская революции XVIII и XIX веков положили конец власти королей. Поняв, куда дует ветер, купцы встали на сторону эксплуатируемых и исключённых. Но для защиты их богатств был необходим государственный аппарат. Поэтому вместо отмены структур, которые обеспечивали власть короля над народом, они убедили людей захватить эти структуры и предложили «демократический» метод правления. И вот, «мы, народ», заменили короля в качестве суверена, за которым увиваются политиканы.

Государственный аппарат продолжил консолидацию власти независимо от личностей, стоявших у руля и желаний суверена, которому он, предположительно, теперь служил. Полиция, система образования, социальный сектор, военные, финансовые институты, юриспруденция постоянно расширялись и множились. И в духе симбиотических отношений с капитализмом все они неизбежно служили производству покорной рабочей силы, стабилизации рынков и обеспечению непрерывного потока ресурсов. И по мере того, как всё больше аспектов общественных отношений оказываются под управлением подобных структур, нам становится всё сложнее представить себе жизнь без их вмешательства.

В XX веке новая волна революций обеспечила власть этого класса бюрократов над всем «развивающимся миром». На этот раз купцов свергли вместе с королями. Но опять сам государственный аппарат оказался нетронутым. Теперь им управляло новое поколение политиков, которые утверждали, что служат «рабочему классу». Кто-то назвал это «социализмом», но, называя вещи свои-

ми именами, это был *государственный капитализм*, при котором капитал находился под контролем бюрократов из правительства.

В наши дни капитал и государство практически полностью заменили иерархии феодальной эпохи. Богатство и власть остаются наследственными (отсюда черед Рузвельтов в Белом Доме), но теперь нашими жизнями управляют непосредственно политические структуры, а не отдельные люди, думающие, что они стоят у власти. Феодальные структуры были статичными, но хрупкими в то время, как новые структуры крайне устойчивы ко всякому внешнему воздействию.

Кто-то до сих пор надеется, что демократия справится с негативными аспектами капитализма. Но демократия и капитализм распространились по миру вместе. И это не просто совпадение. Обе эти структуры служат сохранению существующих иерархий, одновременно обеспечивая максимальную мобильность внутри очерченных рамок. Это направляет недовольство в русло внутренней конкуренции, позволяет отдельным людям менять своё социальное положение без необходимости бросать вызов дисбалансу власти, на котором основано наше общество. Экономика свободного рынка даёт каждому рабочему повод вкладываться в приобретение частной собственности и конкуренцию. Пока подобная деятельность кажется более разумной для улучшения условий жизни, чем революция, человек предпочтёт классовой войне конкуренцию на рынке труда. Аналогично демократия — прекрасный способ для максимизации общественного вклада в упрочнение положения государственного аппарата и структур угнетения, потому что большое число людей чувствуют, что могут иметь отношение к принимаемым решениям.

В представительной демократии, как и в капиталистической конкуренции, предположительно, у каждого есть шанс, но только единицы выбираются наверх. Если вы не победили, значит, не приложили достаточно усилий! Точно такая же рационализация используется при оправдании несправедливостей сексизма и расизма: ну вы, ленивые выродки, вы могли бы быть Биллом Косби и Хиллари Клинтон³, если бы только *работали упорнее*. Но все мы на верхушке не поместимся, как бы много сил мы ни прикладывали.

Когда реальность создают медиа, а доступ к ним определяется размерами кошелька, выборы — не более чем рекламные кампании. Законы рыночной конкуренции определяют, какой лоббист получит ресурсы, чтобы задать критерии, по которым избиратели будут делать свой выбор. В сложившихся обстоятельствах полити-

³ Уильям Генри «Билл» Косби младший — американский актёр, режиссёр, продюсер, сценарист, музыкант и политический активист. В 2002 году исследователь Молефи Кете Асанте включил Билла Косби в список 100 самых выдающихся афроамериканцев.

Хиллари Клинтон — сенатор США от штата Нью-Йорк (2001—2009). Член Демократической партии США. Первая леди США в 1993—2001 во времена 42-го президента Билла Клинтона. На данный момент — Госсекретарь США. Словом, успешная женщина-политик.

*Спектакль,
чтоб отвлечь*

ческая партия — это бизнес по вложению инвестиций в легитимность. Глупо ожидать, что политики выступят против интересов своих клиентов, ведь их власть напрямую зависит от их поддержки.

Но даже если бы мы могли реформировать избирательную систему и выбрали бы представителей с золотыми сердцами, государство всё равно останется препятствием для структур по принятию решений консенсусом и для самоорганизации. Главная функция государства — обеспечение контроля: *навязывать, карать, управлять*. В отсутствие королей доминирование над простым народом продолжается — вот единственное, для чего нужна система.

Современные политические «левые» и «правые» обычно спорят о том, как много контроля над капиталом должно оказаться в руках государства, а сколько — остаться в распоряжении частных предприятий. И те, и другие согласны с тем, что власть должна быть сосредоточена в руках профессиональной элиты. Единственный вопрос: как должна формироваться эта элита? Леваки защищают свою позицию обличением иррациональности рынка и обещаниями сделать всё более гуманно.

Но нет никаких доказательств того, что нам бы жилось лучше, завладей вдруг всем государство. Советский Союз, Нацистская Германия — XX век предлагает нам множество примеров, и ни один из них не воодушевляет. Государственные бюрократии ничуть не лучше, чем корпоративные в силу истории своего зарождения. Всякая бюрократия отчуждает людей от их собственных потенциальных возможностей, делая их чем-то внешним, к чему человек имеет доступ только благодаря власти государства и его бюрократов.

И хотя отдельные политики могут выступать противниками отдельных наделённых властью людей или даже классов, ни один не будет оспаривать иерархический характер самой власти. Подобно магнатам, их собственная позиция в нашем обществе напрямую зависит от централизации власти, поэтому они ограничены в своих действиях. В крайних случаях правительство может заменить один капиталистический класс на другой: именно так поступили большевики после Русской Революции. Но ни одно правительство никогда не сможет отказаться от института частной собственности, потому что способность править зависит от контроля над капиталом. Если мы хотим создать мир без работы, придётся делать это без помощи политиков.

Время от времени появляется кандидат, который говорит то же самое, что уже много лет говорят друг другу простые люди: он, вроде бы, не принадлежит миру политики, будто бы выходит из *сердца народа*. Критикуя систему в терминах её собственной логики, он мало-помалу убеждает людей, что систему можно реформировать. Что она *могла бы* функционировать, если бы только у власти оказались правильные люди. И вот уже значительная часть энергии, которая могла бы быть направлена на то, чтобы бросить вызов

самой системе, перенаправлена на поддержку очередного кандидата в президенты, который неизбежно разочаровывает всех, как только добирается до кормушки. Вниманию к своим персонам подобные кандидаты обязаны только тем, что они апеллируют к народным чаяниям. Единственная цель, которой служат подобные личности, — это отвлечение политической энергии народа от низовых социальных инициатив. Когда они приходят к власти и продают своих сторонников с потрохами, оппозиционные партии могут использовать это, чтобы ассоциировать свои якобы радикальные идеи с теми самыми проблемами, которые он обещал решить, но не решил. Чтобы превратить разочарование в правительстве в очередную политическую кампанию! Так стоит ли нам тратить силы на поддержку политиканов или лучше вложиться в развитие общественного движения, которое заставит их занять априори радикальную позицию?

Ещё чаще случается так, что нас терроризируют и заставляют участвовать в выборочном спектакле угрозами в духе: «Если вы не пойдёте на выборы, то к власти может прийти *он*» (самый худший из всех возможных кандидатов). «Что если *он* окажется у власти?» Только подумайте, как *всё испортится ещё больше!*

Но проблема в том, что политики сами по себе обладают слишком большой властью. Иначе нам было бы всё равно, кто думает, что он у руля. И пока вещи остаются такими, какие они есть, всегда будут тираны. Вот почему нам стоит вкладывать усилия в долгосрочные проекты, а не в политические кампании.

*На сцену
не взойдёшь*

Боссы

Кто из нас любит своё начальство? Даже те, кто возмётся утверждать подобное, сделают это с определённой оговоркой: *он не такой уж плохой человек... для начальника.*

Никому не нравится, когда приказывают, что делать или заставляют работать на дядю. Подобные простые неприятные моменты работы на кого-то создают определённую социальную напряжённость даже без всякого антикапиталистического движения. С точки зрения боссов, каждый рабочий день — это кафкианская борьба за сердца и умы работников, которые готовы разбежаться из офиса на все четыре стороны. Всякий из них готов заявить, как тяжело приходится руководителю. Все льстят боссам, говорят им то, что они ожидают услышать, вместо того, чтобы сказать правду. И неудивительно, учитывая разницу во власти. Также неудивительно, что типичный босс полагает, будто Земля останавливает вращение, если исчезнут все начальники.

Но правда заключается в том, что рабочие ненавидят боссов за их полную *бесполезность*. Начальство мешается под ногами. Чем выше вы поднимаетесь по лестнице управления, тем меньше вы вовлечены в решение практических каждодневных задач и тем меньшее представление вы имеете о том, что происходит на производстве. Отсюда и появляются анекдоты о некомпетентных рабочих, которых повышают, чтобы они не причиняли вреда. Так или иначе, понятно, что большинство исполнительных директоров корпораций никогда не работали «на земле».

Всё это обнажает ту ложь, которой является нарратив меритократии, а именно: идею о том, что люди добиваются власти и денег благодаря собственным усилиям и умениям. СЕО зарабатывают *в сотни раз больше*, чем обычные сотрудники. Подобная драматически несправедливая разница в зарплате не имеет ничего общего с разницей в том, как тяжело работают те или другие, как много они дают миру. Более прагматичные бизнесмены объясняют разницу в оплате труда тем, что зарплата играет важную роль в конкуренции с другими компаниями за найм эффективных менеджеров. Но если подобное неравенство кажется столь неизбежным, то это, всего лишь, демонстрирует тот факт, что капиталистическая экономика *не способна* вознаграждать людей за их фактический вклад.

Как ни иронично, но похоже, что единственный способ сбежать из-под власти боссов — это *стать тем, кого вы так ненавидите*. Отсюда вытекает то двойственное отношение к начальству, которое демонстрируют многие сотрудники по мере продвижения по карьерной лестнице.

- Но я тяжело трудился, чтобы заработать свой капитал! Я практически себя без ножа резал!

- Возможно и так, но разве нельзя сказать того же самого о тех, кто убирает за тобой в туалете? Просто на верхушке недостаточно места для всех, кто много трудится. И в любом случае уверен, что ты не начинал с чистки сортиров.

- Но моё богатство даёт работу другим!

- Неужели ты думаешь, что люди не жили, пока ты не начал «давать работу»? Напротив, ты навязываешь нам работу, тогда как раньше мы были свободны!

Представьте себе владельца бизнеса минувших дней: это бакалейщик, или семья, имеющая небольшой бизнес, или владелец маленькой фабрики, где работают горожане. В любом случае владельца можно легко определить. И обычно он жил в том же сообществе, что и рабочие.

Когда в наши дни мы слышим о том, что «компания решила стать открытой для публики», это звучит столь общественно-ориентированно и демократично: теперь все могут купить частичку компании и приобщиться к росту и процветанию. Но кто на самом деле отвечает за функционирование этой структуры, за то, какие решения принимаются?

Я много думал об этом за то время, пока работал на одну из 100 крупнейших корпораций планеты. Корпорациями, продающими акции широкой публике, тоже кто-то владеет, но, чтобы узнать об этих людях хоть что-то, придётся приоткрыть не одну завесу. В техническом отношении всякий акционер является совладельцем компании с законными правами на часть прибыли. Но, как правило, общее число выпущенных акций одной компании исчисляется сотнями миллионов. И чтобы узнать хоть что-то обо всех владельцах, придётся приложить немало усилий.

Очень редко можно встретить заметных индивидуальных инвесторов. Хотя они всё ещё попадают в виде богатой семьи или траста с достаточно большим пакетом акций, чтобы заслужить к себе особенное отношение. Но чаще всего пакеты акций распределены между институционализированными инвесторами: это частные фонды, корпорации, холдинги, злые инвестиционные компании (вроде Goldman Sachs) и настоящая тёмная материя экономики — фонды взаимных инвестиций. Последняя группа включает в себя всякого человека с капита-

Диспозиция: где мы

лом; сотрудников, подписавших инвестиционные проекты; пенсионные фонды и индивидуальные пенсионные счета. Ещё 50 лет назад в депозитных ячейках банков можно было найти небольшие пакеты акций различных компаний: “После его смерти оказалось, что он владел 100 акциями IBM.” Теперь же огромное количество людей владеют микроскопическими частичками сотен компаний, и активы меняют владельцев каждый день.

Общий эффект на уровне корпоративного принятия решений таков, что управляющие директора имеют возможность прибегать к мантре «в интересах акционеров», практически не рискуя услышать от этих акционеров хоть какое-то мнение. Поскольку состав акционеров постоянно меняется, забота об их интересах вовсе не означает внимание к мнению отдельных людей, которые владеют парой десятков акций и что-то о чём-то думают. Скорее под заботой об их интересах подразумевается всё то, что делает компанию более прибыльной и, таким образом, более привлекательной для потенциальных инвесторов. Все «побочные эффекты» — экологические последствия, трудовые конфликты, негативное влияние даже на клиентов компаний — вторичны по отношению ко всему тому, что может поднять цену акций.

Чему я был свидетелем на микро-уровне, это то, что всякий раз, когда управляющие директора и менеджеры оказывались перед лицом морально-этической дилеммы, они всегда руководствовались тем, что «имеет большую ценность для акционеров». Инвесторы — это абстрактное понятие, их интересами можно оправдать всё, что угодно. Даже если где-то с другой стороны этой килы акций и существуют настоящие люди, их всегда можно изобразить как подобие персонифицированной мотивации получать ещё большую прибыль.

Исполнительные собрания проходили в той же манере. Мы подключались к конференц-связи, чтобы обмениваться любезностями с коллегами в разных частях страны. Говорили о погоде, спорте, покупках, путешествиях. Пока к конференции не подключалась критическая масса участников. Если не считать редких на этих конференциях помощников исполнительных директоров, все участники и участницы зарабатывали от \$250 до \$850 тысяч долларов в год. Большинство состояло в браке и не имело детей. Те немногие, у кого были дети школьного возраста, имели привязанных к дому супругов и поддержку в лице няни. Их отпрыски учились в частных школах, специализировавшихся на подготовке к поступлению в ВУЗы, а сами они проводили досуг в пригородных спортивных клубах. Я разглядывал их и размышлял о том, как сильно принимаемые этими людьми решения влияют на жизнь намного менее богатых и успешных семей.

Я помню одну видео-конференцию, которая затянулась сверх запланированного. В пять вечера мы перешли к обсуждению вопроса о том, продолжать ли нам обсуждение сегодня или

перенести на завтра. Один вице-президент, разведённый отец троих детей сорока с лишним лет, сказал, что ему надо ехать домой, чтобы приготовить ужин детям (возраста 7, 10 и 12). Искренне пытаясь помочь, одна женщина (старший вице-президент) предложила заказать детям пиццу.

Ещё один замеченный мной феномен, что по мере того, как кто-то поднимался всё выше по служебной иерархии, падала его способность повлиять хоть на что-то. Прежде всего, это ограничение касалось межличностного взаимодействия. Когда вас повышают с руководителя отделом из 10 сотрудников до руководителя отдела из 100, а потом и 1000, становится невозможным поддерживать осмысленный контакт хотя бы с кем-то. В конечном счёте, вы вынуждены «выступать с представлениями» на корпоративных встречах или собраниях в городском управлении и полагаться на электронную почту в общении с людьми.

На этом уровне можно совершить кое-что большое и заметное. Я говорю, конечно же, о классическом структурном адаптировании. Корпоративная реорганизация, как правило, сопровождается сокращением рабочих мест, что не только позволяет корпорации сэкономить на зарплатах, но и создаёт хаос и отвлекает внимание. Один СЕО, на которого я работал, как-то проводил структурную реорганизацию, в результате которой структура компании вернулась бы в состояние шестилетней давности. Когда я спросил его об этом, он объяснил: «Это как выбрасывать старые вещи с антресолей. Вы всё вытаскиваете на свет Божий, чтобы спустя какое-то время положить почти всё обратно. Но так как вы переложили вещи с одного места на другое, есть шанс взглянуть на всё по-новому. Конечный результат не столь важен, как тот факт, что у всех появилась возможность взглянуть на вещи по-другому».

Забавно, что этого лидера на самом деле очень любили все служащие. Отчасти он обязан этому первому решению, которое принял в течение первых нескольких недель после назначения на новую должность. В качестве первого шага по реструктуризации он полностью упразднил целый управляющий слой, расположенный на ступень ниже его по должности. Те немногие в корпорации, которым удалось добраться так высоко, что до вершины оставался всего один шаг, были выброшены вон. Никто их не жалел, в конце концов, они все были снабжены «золотыми парашютами». И это сделало лидера тем любимее для всех низестоящих. Он продолжал наслаждаться добрым расположением к себе в течение всех последующих трёх лет своей деятельности, в результате которой он сократил или перевёл в другие офисы ещё 30% всех сотрудников.

Всё это указывает на когнитивный диссонанс в отношении начальства к своим подчинённым. Начальник их любит, воспитывает, вознаграждает, и всё это время он злоумышляет, как

бы избавиться от этих рабочих мест.

Что или движет? Не снятся ли им кошмары? Всё очень просто: они истинно верующие в капитализм. «Когда мы поднимаем уровень воды, вместе с водой поднимаются и все лодки,» — они всей душой поверили в эту мысль, чтобы только оправдать процесс, когда деньги стекаются в карманы уже богатых. Они — приверженцы теорий просачивания и практически всякой практики, которая позволяет деньгам течь, предпочтительно вверх и безвозвратно. Их собственный жизненный опыт только укреплял их веру. Сотрудники в корпорациях, которыми они руководили, смотрели на мир также или, во всяком случае, пытались. И только когда экономика вошла в пике, кое-кто из моих коллег начал, наконец, задавать вопросы о том, как устроена система. Но всё равно их кругозор оставался крайне ограничен.

Помню, как одна вице-президент отправило письмо в корпоративную почту порядка 350 сотрудников отдела технической поддержки. Её послание было призвано успокоить работников, которые опасались за свои рабочие места в свете грядущих волн сокращений. Она писала о том, как она в ходе своей карьеры всегда предпринимала определённые шаги, чтобы обезопасить себя на случай сокращения: вроде регулярной оплаты кредитов, продажи загородных домов и тому подобного. Она была замужем, но без детей. Совсем недавно она хвасталась о том, как потратила тысячи долларов на одну из гитар Бон Джови во время поездки на Восточное Побережье. И характер её рекомендаций для сотрудников «готовьте себя финансово и эмоционально» был именно таким, какой можно ожидать от подобного человека.

Иронично, но после стольких лет, что я помогал проводить корпоративные реструктуризации и отправлял сотрудников в менее дорогие для компании офисы в разных концах планеты, я и сам стал избыточен и ненужен во время кризиса 2008 года. Я всё знал об этом процессе, ведь объяснение корпоративной политики увольняемым входило в мои обязанности, и всё же меня неприятно удивило то сосущее чувство под ложечкой, когда сокращённым оказался именно я. «Мы не всех увольняем, мы именно тебя увольняем».

Много лет я хотел работать в некоммерческой организации (НКО), но кризис — самый неподходящий период времени для поиска работы. Рабочих мест попросту не было, и чем выше была ваша зарплата до кризиса, тем сложнее было найти новую работу. В конце концов я устроился на работу в НКО, занимающуюся медицинскими услугами.

Оказалось, что некоммерческие организации несильно отличаются от про-коммерческих. На самом деле в тот период они нанимали очень многих из финансового сектора именно по причине нужды профессионалов вроде меня для проведения ре-

структуризаций, чтобы быть более конкурентноспособными. Да, НКО тоже увольняют работников и выбрасывают людей на улицы.

Через несколько недель после получения новой должности я ехал в лифте с менеджером, которая не первый год работала в компании. Она была особенно рада перспективам сокращений: она говорила со мной о том, как это сделает некоммерческую компанию более эффективной, что позволит нам лучше служить обществу. И вот снова та же мантра об интересах акционеров только в новой форме. Пока организации служат абстрактным концепциям, а не людям из плоти и крови, нет никакой разницы, представляют ли эти концепции акционеров, клиентов или даже общественное благо.

Суперзвёзды

Почему мы любим Леди Гагу? Не только её запоминающийся внешний вид, но и костюмы, слухи о ней, *мифологию*? Почему нас так цепляют романтические комедии и ток-шоу, даже когда они оскорбляют наш интеллект и противоречат нашему взгляду на политику? Почему жизни знаменитых незнакомцев кажутся нам более *реальными*, чем наши собственные?

Быть может, нас притягивает то, что мы видим в подобных вещах воплощение нашей креативности, творческого потенциала эксплуатируемых, который купили у нас самих, сконцентрировали и продали нам же. Без учителей по вокалу, продюсеров, техников освещения и обожающих взглядов миллионов, Джон Леннон был бы просто очередным исполнителем авторской песни. Всё вместе выдаёт на-гора намного больше, чем мы бы сами нашли в его творчестве, а также иллюзию того, что он лично своим талантом обязан успеху. Люди — социальные животные, а потому *внимание* наделяет явление смыслом и ценностью: когда все бегут, чтобы поглядеть на звезду, очень трудно удержаться от того, чтобы не последовать за толпой.

Таким образом, творческий потенциал всего общества канализируется в деятельности ряда представителей. Конечно, мы их любим или, по крайней мере, любим их ненавидеть, ведь они представляют единственный способ получить доступ к *нашему собственному* потенциалу, которого нас лишили.

То же самое справедливо в отношении блокбастеров вроде "Бойцовского Клуба" или "Аватара", являющих собой апофеоз отчуждения, которое они якобы критикуют. Истории, в прошлом рассказывавшиеся у костра, теперь продаются на рынке, включая истории, где этот рынок критикуется. Теперь, даже сидя перед экраном, мы говорим об эпизодах, увиденных в фильмах и по телевизору! Каждый раз, когда мы смотрим фильм вместо того, чтобы творить, сочинять собственные истории и создавать свою культуру, мы продаёмся задёшево: не столько потому, что становимся зрителями, сколько потому, что соглашаемся получать доступ к той части

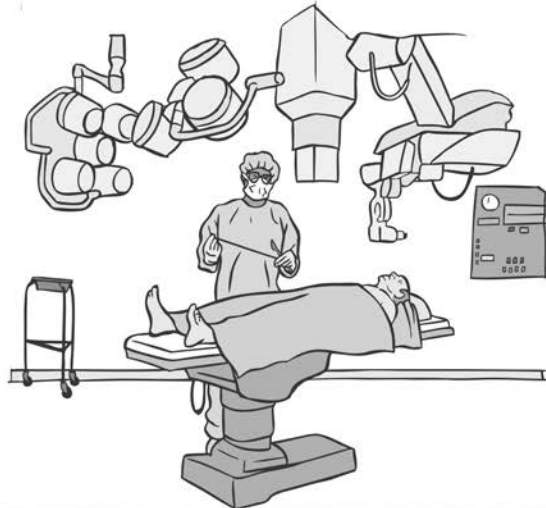
собственной личности, которая отвечает за рассказчика посредством экономической системы.

Можем ли мы избежать этого, если создадим собственные медиа, если сформируем аудиторию без суперзвёзд? Чем больше смысла люди будут вкладывать в собственные жизни и сообщества, тем более мощными и богатыми они станут: подумайте о роли, которую всегда играла контркультура в движениях сопротивления. Но в эпоху средств массовой коммуникации всякие инициативы малого масштаба кажутся незначительными. Реальность определяется *всеми* точками референций, а не только *субкультурными*. И сосредоточенность на своих собственных репрезентациях может привести к отчуждению такого же рода, как и фиксация на образах чуждых нам людей.

В обществе, где всё вращается вокруг СМИ, внимание — это такая же валюта, как и всякая другая. Внимание функционирует подобно капиталу: чем больше у вас внимания, тем проще получить ещё больше внимания. И вот за определённой чертой оно, кажется, уже само течёт к вам. В некоторых аспектах человеческой жизни преследование *внимания самого по себе* вытеснило экономическую конкуренцию всякого другого рода: например, граффити-тэги и интернет-мемы. Но внимание, которым располагает рынок, качественно отличается от внимания, которое могут дать друзья и возлюбленные. Даже самые известные из суперзвёзд не получают ничего, что бы напоминало внимание, которое изливают друг на друга по-настоящему близкие люди. И если количество потерь в их среде может служить какого-то рода показателем, то слава является *препятствием* к здоровым отношениям. В этом вопросе «звёздность» похожа на всякую другую форму успешности, при которой немногие накапливают суррогат того, что потеряли *все*.

Новые децентрализованные технологии предоставляют каждому шанс стать микрозвёздами: распространять собственные образы в мире, где на самом деле ни у кого нет времени, чтобы сосредотачивать своё внимание на ком-то конкретном. Вместо того, чтобы обратить вспять последствия неравномерного распределения внимания, подобная практика делает всех маленькими и одинокими. Отчуждение, обусловленное наличием суперзвёзд, не исчезает с коронацией новых. Оно только усиливается.

Профессионалы

Что общего между адвокатами, бухгалтерами, управляющими, профессорами и врачами? Они все — *эксперты*.

Нет ничего плохого в том, чтобы знать, как делать что-то. Но степень эксперта выводит нас за рамки профессионализма. Появляется намёк на привилегированный доступ к той сфере человеческих знаний, к которой все остальные могут проникнуть только через посредника.

Конечно, многие сдают на милость автомехаников, когда речь идёт о ремонте автомобиля. Но дело в том, что вы можете научиться этому сами, и никто не будет мешать вам чинить собственную машину. Но нельзя прочитать книги и потом открыть какое-то дело в качестве профессора. Механики, плотники, сантехники и прочие ремесленники — такие же субъекты управления, как и инженеры с фармацевтами, но чем выше вы расположились в этой пирамиде, тем более строгий и эксклюзивный у вас контроль.

Экспертность создаётся институтами, которые регулируют и лицензируют тех, кто практикует тот или иной вид профессиональной деятельности. Таким образом, происходит их легитимизация как *профессионалов*. Подобная практика позволяет исключить любителей и всех тех, кто получил те же знания иным путём. Подобное исключение навязывает стандарты качества и заставляет самоучек пересмотреть свои взгляды на жизнь. Более того, в результате такого подхода ряд важных навыков оказывается в полном ведении могущественных организаций, что только углубляет разрыв между *властями* и всеми остальными.

В результате этого разделения профессионалы как класс возносятся над другими людьми, получают власть, престиж, более высокий доход и большую автономию, чем остальные рабочие. Поэтому нет ничего удивительного в том, что ассоциации профессионалов используют всё своё влияние для защиты своих привилегий и дисциплинируют всякого, кто представляет для них хоть какую-то угрозу, в том числе диссидентов из собственных рядов. Это также обеспечивает образовательным учреждениям монополию на рынке услуг для желающих стать профессионалами.

По сравнению с практическими навыками, обычно связанными в сознании с менее престижными профессиями, *экспертные знания* чаще всего относятся к таким сферам, которые являются общественными от начала и до конца. Нельзя стать епископом или адвокатом без одобрения Церкви или сообщества юристов соответственно. Профессионализация обеспечивает дистанцию между простыми людьми и определёнными аспектами их общества: вместо того, чтобы развивать собственные практики веры и правосудия, мы должны полагаться на экспертов.

Подобная специализация влияет даже на то, как мы относимся к собственным телам. Когда-то давным-давно бедные тоже практиковали лечение. И имели к нему простой доступ. Одним из главных последствий охоты на ведьм в период с XIV по XVII века стало подавление этого народного искусства. В течение последующих веков похожие кампании сосредотачивали медицинские знания и власть в руках всё менее и менее малочисленной элиты, сделав медицину цеховой профессией, в которой доминирующая роль отведена мужчинам. Сегодня наши собственные тела кажутся нам чем-то неизвестным. Благодаря этому система здравоохранения и страховщики получают возможность измываться над нами, оберегая наше здоровье.

Очень легко увидеть, как иерархия была навязана до этого эгалитарным низовым профессиям на примерах тех областей, которые лишь недавно подверглись профессионализации. Так, по мере того, как движения против домашнего насилия и сексуального домогательства добивались своих целей и получали всё большее государственное финансирование, они превращались в организации по предоставлению услуг, которые стали предъявлять особые требования к своим сотрудникам. И в наши дни многие авторы учебников, по которым работают эти организации, ведут себя не соответствуя требованиям, которые предъявляются к сотрудникам.

Профессионализация приватизирует умения и инновации, которые в прошлом имели свободное хождение. Доступ к ним вовне экономической системы становится невозможен. Это один их методов, которые использует капитализм для накопления в руках богатых не только богатства, но и ноу-хау, и легитимности.

Исключительность — это наш бизнес.

Менеджеры среднего звена

Менеджер среднего звена — одновременно рабочий и представитель класса капиталистов. Ему приходится вести себя подобно СЕО, только вот похожих наград он за это не получает.

Как и сотрудники под ним, он должен реализовывать на практике решения, принятые без его участия, и когда он делает это хорошо, похвалу получает кто-то, кто отдавал приказ. Подобно вышестоящим исполнительным директорам, он не может просто так продавать часы своей жизни, он *должен стать единым целым* со своей работой. Когда он уходит из офиса, он берёт работу на дом. В его обязанности входит реализация корпоративной политики, мотивация персонала, поддержание дисциплины и контроля день за днём. Всякий, кто оказался на этом уровне, надеется как можно быстрее перебраться повыше, но чем выше вы поднимаетесь, тем меньше вакансий представляется.

Несколько десятилетий назад, когда сотрудник мог всю свою жизнь проработать на одну и ту же корпорацию, позиция менеджеров среднего звена казалась очередным шагом на долгом и нудном пути карьерного роста. Иллюзия разрушилась в конце 1980-х, когда технологические открытия сделали возможным многократно «сократить» именно эту прослойку управленцев. И всё же они до сих пор сохранились, как специфическая роль в экономике и существующее условие, влияющее на всех, кроме тех, кто находится либо на самом верху, либо в самом низу пирамиды. Те, кто находится над нами, управляют нами, мы управляем теми, кто под нами. Но как долго мы сами останемся управляемыми в таких условиях?

!!

При смещении акцента с ремесленного искусства в сторону искусства продажи и оказания услуг личные черты характера сотрудников оказываются вовлечены в торговлю и сами становятся предметом купли-продажи на рынке труда. Доброта и дружелюбие становятся аспектами персонифицированных услуг в сфере пиара крупных компаний, которые рационализируются во имя роста продаж. С анонимной неискренностью успешный человек превращает свою внешность и черты характера в экономический инструмент.

Искренность играет решающую роль в карьере. Правила торговли и бизнеса становятся «природной» составляющей успешного дельца. Такт — не что иное как малая ложь о чувствах, которая нужна, чтобы полностью избавиться от каких-либо чувств.

Рынок личностей, наиболее решающий и симптоматичный в этом колоссальном торговом доме, определяет всепроникающие недоверие и отчуждение, которые так характерны для жителей мегаполисов. Лишённые общих ценностей и взаимного доверия, они сами для себя нашли заменитель общественных связей: наличность стала центром гравитации в человеческих отношениях. Всё больше и больше она проникает во все аспекты наших жизней.

От людей ожидается показной интерес к судьбам других, если они рассчитывают манипулировать ими. С течением времени, по мере распространения подобной этики, человек понимает, что манипуляция лежит в основе всякого межличностного контакта. Люди отчуждены друг от друга, так как каждый в тайне пытается превратить другого в инструмент для реализации собственных целей. И со временем круг замыкается: человек превращает самого себя в инструмент служения собственным целям и отчуждается от самого себя.

С. Райт Виллис,
«Белые воротнички:
американский средний класс», 1951

Индивидуальное предпринимательство

- Мне кажется, ты скоро напишешь книгу.
- Возможно, но это будет очень анархическая книга, и ты вряд ли её прочтёшь: она выйдет небольшим тиражом и читать её будут только наши друзья и менты.
- К сожалению, в печатных делах вам далеко до СМИ. И всё же я бы просил тебя написать пару строк обо мне, цыгане-дальнойбойщице Андрее.
- Только если ты не против оказаться на страницах книги, написанной мной и моими друзьями.
- Вы хорошие люди и делаете очень правильные вещи, я вас горячо поддерживаю и рад нашему знакомству.

В это понятие входит достаточно большой диапазон профессий: от учителей и сиделок до владельцев «магазинов для мам и малышей», от цветочников до успешных художников, творящих «искусство для богатых». Индивидуальное предпринимательство ассоциируется с личной свободой. Однако управление собственным бизнесом обычно требует больше временных затрат, чем работа на корпорацию. И вовсе не обязательно, что доход будет сопоставим.

Если проблема с капитализмом заключается в том, что начальство не выплачивает работникам полную стоимость их труда, то может показаться, что своё дело — это выход, ведь если все занимаются собственным делом, значит, нет эксплуатируемых? Но эксплуатация не сводится всего лишь к наличию босса; эксплуатация — это следствие неравномерного распределения капитала. Если всё, что у вас есть в качестве вашего капитала, — это ларёк мороженого, то вы не будете получать прибыль с такой же скоростью, как это будет делать владелец дома, в котором вы живёте. Даже если и он, и вы, — единственные собственники. Паттерны, которые регулируют концентрацию капитала в руках всё меньшего и меньшего количества включённых, вы действуете не только при взаимодействии различных бизнесов, но и внутри любого из них.

Поэтому индивидуальное предпринимательство не тождественно равно самоопределению. Вы *вынуждены* больше трудиться, но больше *свободы* вы так и не получаете: приходится самому вести все дела, но всё равно вы будете делать это по правилам рынка. Такого рода деятельность всего лишь означает, что вы сами же организовываете продажу своего труда и берёте на себя все риски конкурентной борьбы. Только представьте себе, как много корпораций смогли заработать лёгкие деньги на продаже товаров и услуг начинающим предпринимателям, которые быстро разорались, выходили из бизнеса и возвращались к наёмному труду.

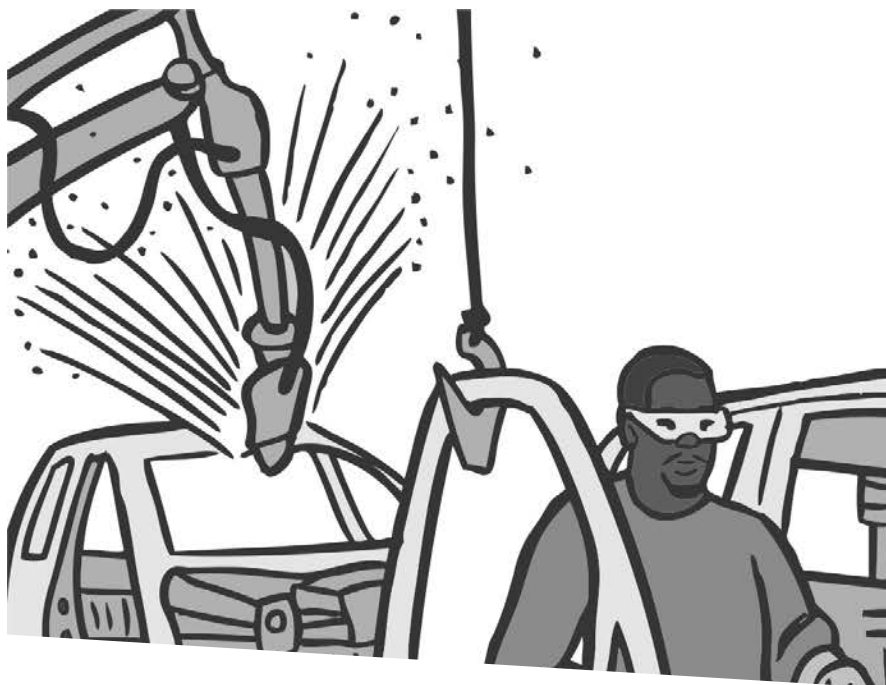
Подобно магнату в миниатюре, индивидуальный предприниматель выживает и получает ресурсы лишь до той поры, пока он получает прибыль. Ему приходится в на много большей степени принять логику рыночных отношений, чем наёмному рабочему, приходится искренне поверить во все трудности и ценности свободной торговли. Предприниматель учится всё оценивать с точки зрения рыночной стоимости: от своего личного времени и вплоть до личных отношений. Он относится к себе самому так же, как лесозаготовительная компания к лесу. Каждый частный предприниматель — одновременно и начальник, и подчинённый, его психика раздваивается на капиталистический и эксплуатируемый аспекты. В конце концов на много эффективнее, когда рабочие сами заведуют своей интеграцией в рыночную экономику, чем когда корпорациям или государствам приходится это навязывать.

Поэтому сегодня мы видим сдвиг парадигм: вместо работника-как-сотрудника приходит рабочий-как-предприниматель. Вместо того чтобы просто подчиняться приказам и получать зарплату, даже те работники, которые не являются индивидуальными предпринимателями, поощряются к тому, чтобы *инвестировать самих себя* аналогично описанному выше процессу. Прогрессивные учителя пытаются заинтересовать своих учеников в том, чтобы они стали «активными учащимися», вместо того чтобы просто-напросто индоктринировать их. Командиры передают полномочия по принятию тактических решений отделениям, в чьи тренировки теперь входит «постоянная боевая готовность», а не только желание исполнить любой приказ. По мере того, как трудовая занятость становится всё более и более нестабильна, опыт работы сам по себе становится важной инвестицией в будущее: ваше резюме не менее важно, чем ожидаемая зарплата. Вольные художники прошлого — выдающийся вид. А вот предприниматель может стать эталоном достойного гражданина в том мире, который сейчас создаётся. Старомодный нарратив о независимости и самодостаточности становится абсурдным в условиях, когда ни то, ни другое более не достижимо: вместо того, чтобы воспитывать в людях независимость, современная этика частного предпринимательства служит быстро-му и гладкому встраиванию каждого индивида в экономику.

Несмотря на всё это, многие до сих пор считают мелкое предпринимательство альтернативой корпоративному капитализму.

Наивно представлять малый бизнес как что-то, несущее бо́льшую ответственность перед местными сообществами, чем корпорации. Экономическая деятельность любого масштаба бывает успешной или нет в зависимости от одного-единственного фактора: способности получения прибыли *за счёт* местного сообщества. Если малый бизнес действует более дружелюбно, то он может похвастать более лояльными клиентами. Но всё дружелюбие необходимо для *рекламы*, и оно будет продолжаться столько, сколько времени клиенты будут согласны платить за эту дополнительную услугу. В мире бизнеса «ответственность перед обществом» — это или пиар-стратегия, или что-то, что мешает делам. Дихотомия малого бизнеса и мультинациональных корпораций нужна всего лишь для того, чтобы перенаправить гнев разгневанного корпорациями народа на поддержку капиталистов масштабом поменьше. Происходит легитимизация предприятий, которые, в конечном счёте, либо точно также накапливают богатства за чужой счёт, либо вытесняются с рынка менее щепитильными конкурентами.

В прошлом существовало бесчисленное количество обществ, где отсутствовало понятие частной собственности на капитал, но ни один историк никогда не описывал общество, где капитал был бы равномерно распределён среди населения, состоящего исключительно из частных предпринимателей. Подобное может продолжаться только до той поры, пока кто-нибудь из этих малых дельцов не начнёт получать прибыль за счёт остальных. Полагаться на малый бизнес в решении проблем, созданных капитализмом, это намного менее реалистично, чем попытка покончить с капитализмом раз и навсегда.

Рабочие

Заводы, которые в наши дни производят всё то, без чего мы уже не представляем себе жизнь, появились в конце XVIII века в эпоху Индустриальной Революции. В результате изменилось производство, сельское хозяйство, транспорт, да и практически все аспекты жизни.

С самого начала процесс механизации столкнулся с сопротивлением. Несколько веков сельскохозяйственной приватизации уже согнали большую часть крестьян с их земель, а теперь новые технологии превращали искусных ремесленников в нищих. Вонючие и шумные городки, построенные при фабриках, очень живо напоминали тогдашним жителям Европы ад. Бедных и обездоленных засасывало в утробу, где их превращали в послушные автоматы. В ответ на это лuddиты принялись поджигать мельницы, лесопилки и саму технику. Угроза была настолько велика, что Британия задействовала для борьбы с ними больше войск, чем для войны с Наполеоном.

Фабричная система была не столь однозначным благом для создавших её капиталистов. С одной стороны, они смогли консолидировать свою власть как собственники ресурсов: ремесленники, работающие на дому с собственными инструментами, попросту не могли конкурировать с фабрикой. Это позволило капиталистам напрямую контролировать всю деятельность рабочих, тогда как раньше они могли только покупать у рабочих продукты труда. Более того, индустриализация наделила капиталистов ряда наций колоссальным преимуществом над конкурентами. Были созданы все условия для очередной волны жестокой европейской колонизации.

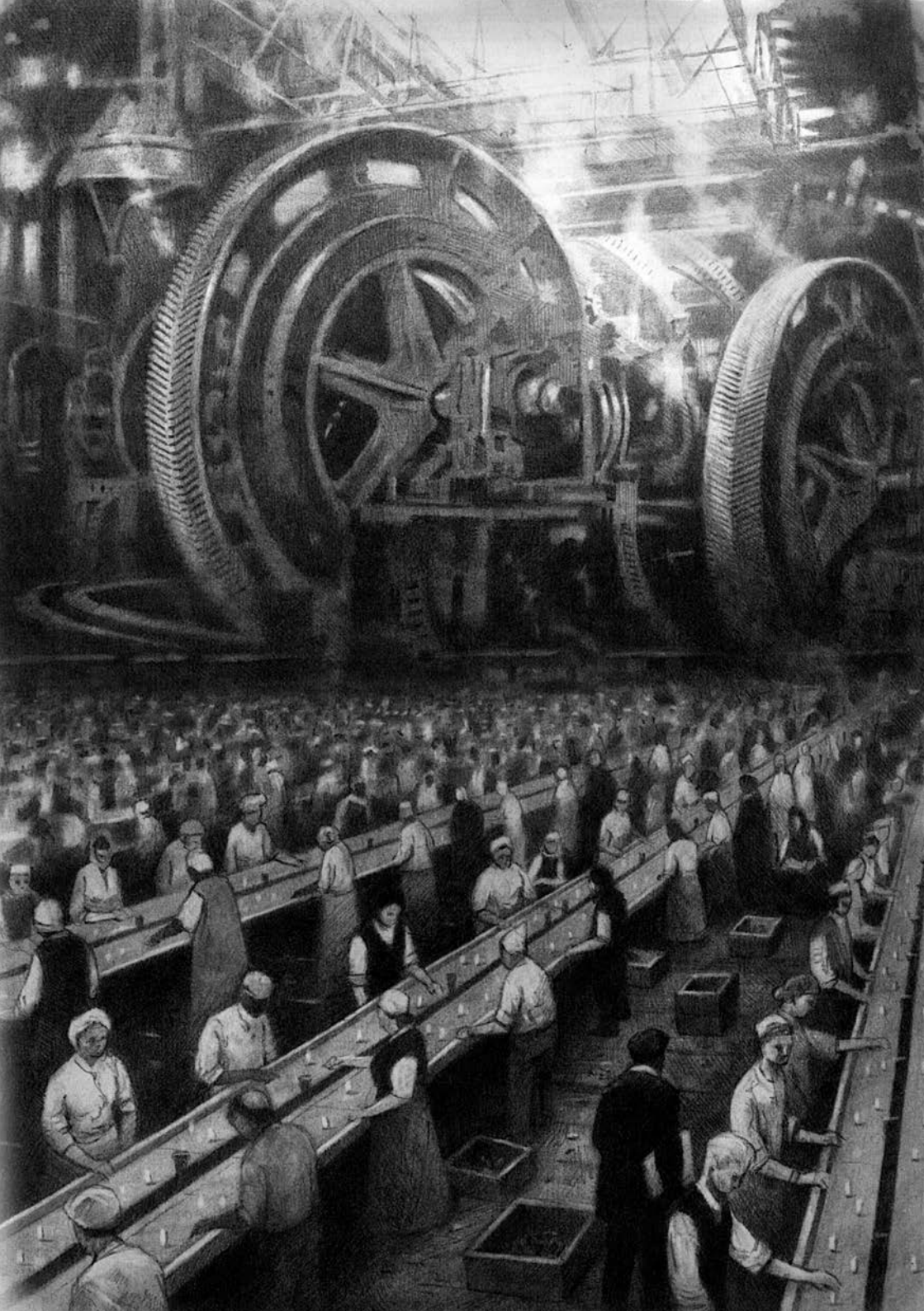
С другой стороны, механизация требовала беспрецедентной концентрации рабочих как в самих фабричных помещениях, так и в городских центрах, где эти фабрики располагались. Подобная концентрация могла плохо закончиться, что и произошло в 1871 году, когда рабочие и бедные горожане восстали против французского правительства и провозгласили Парижскую Коммуну. И даже в промежутках между подобными событиями капиталисты оставались уязвимы для забастовок и никогда не знали наверняка, когда очередная стачка сорвёт им все коммерческие планы или выродится в новое восстание.

У владельцев фабрик была ещё одна проблема. Они могли производить больше товаров, чем когда-либо ранее, но теперь они достигли пределов в рыночном отношении: во всём свете просто не существовало достаточно богатых людей, чтобы покупать все производимые товары. Так как каждый час чужого труда приносил им прибыль, работодатели соревновались, заставляли угнетённые массы трудиться, не покладая рук. Но по мере того, как сопротивление росло, а доходы уменьшались, капиталистам пришлось начать поиски новых способов максимизировать прибыль. И вместо того, чтобы выжимать ещё больше рабочих часов из работников, они решили выжимать больше продукции из каждого рабочего часа. Используя невиданные до этого возможности по надзору, они реорганизовали рабочий процесс таким образом, чтобы сделать его более эффективным и более интенсивным.

В начале XX века автомобильный магнат Генри Форд открыл многообещающую комбинацию сборочных конвейеров, стандартизации и дешёвой продукции. Этим он ознаменовал вступление капитализма в новую эпоху массового производства и потребления. Форд относился к заводам как к механизму, основной задачей которого было превращение рабочих в более эффективные автоматы. Таким образом, задачи, которые перед ними ставились, становились всё более специализированными и однообразными. Рабочие постепенно теряли представление об общем контексте своего труда. В течение следующих нескольких десятилетий, когда массовое производство и потребление стали нормой жизни на всей планете, это отчуждение стало воспроизводиться повсюду в обществе, которое стало своего рода социальным заводом, функционирующим в логике сборочной линии. Школы стали массово производить взаимозаменяемых рабочих, готовых занять любую должность. Автомобили нанесли новые линии на карты коммерческой деятельности в виде шоссе и пригородов.

Конечно, плотность концентрации рабочих оставалась опасно высокой. Подобная интенсификация работы была опасна тем, что приведёт к распространению сопротивления. Использование автоматизации делало затруднительной конкуренцию между рабочими в цехах (способ, к которому прибегали предшественники Форда). Что ещё хуже, рабочие были настолько чужды отупляющему характеру работы в сборочных цехах, что увольнялись целыми сменами. Форд был вынужден постоянно тратить деньги на подготовку новых кадров.

Он решил проблему тем, что позволил своим рабочим приобретать доли в промышленной собственности. С 1914 года Форд платил своим рабочим в два раза выше, чем в среднем в отрасли, строго придерживался 8-часового рабочего дня и предлагал рабочим план по участию в получении прибыли предприятия, благодаря которому рабочие могли купить ту самую Модель Т, которую они и собирали. Расширившийся в результате этой политики автомобильный рынок позволил Форду окупить все затраты за счёт

постоянного (год за годом) увеличения производства и роста продаж. Подобный компромисс скоро был взят за стандарт повсюду в промышленно-развитых странах. В результате зародился современный средний класс, а также современное представление о свободном времени. Капиталистам пришлось совершить благое дело. Вынужденные одарить деньгами и свободным временем тех, кого они эксплуатируют, они изобрели массовое потребление, чтобы деньги и время, в конечном счёте, всё равно вернулись в их карманы.

Поднятие уровня заработной платы помогло Форду предотвратить попытку организации профсоюзов на своём заводе. Но в долгосрочной перспективе его компромисс позволил профсоюзам, до той поры стоявшим в незаконной оппозиции к капитализму, найти свою роль в его укреплении и обеспечении его функционирования. Заставляя работодателей поддерживать достаточно высокий уровень заработной платы, которая позволяла рабочим покупать товары потребления, профсоюзы не давали капиталистам уничтожать собственную потребительскую базу. Сосредоточившись на вопросе оплаты труда, профсоюзы перенаправили рабочую борьбу прочь от революционного проекта в русло институционализированного коллективного торгашества. Профсоюзные бюрократии заняли своё место бок о бок с бюрократиями корпоративными. В профсоюзы шли те, чьим основным интересом был карьерный рост. Профсоюзы больше не стояли в оппозиции к интенсификации и распространению самой работы: ведь что хорошо для *рабoты* — хорошо и для профсоюзов, а кому какое дело до рабочих.

Профессионализация рабочей борьбы не обошла и «развивающиеся страны», где борьба против работы оказалась превращена в борьбу за увеличение доли рабочих в потреблении произведённых продуктов. Иронично, что там, где капиталисты не смогли развиться настолько, чтобы на практике применить инновации Форда, эти инновации были навязаны бюрократическими представителями рабочей борьбы. Например, в Советской России «фордизм» был с радостью принят в качестве модели ускоренной индустриализации. Иосиф Сталин с одобрением говаривал об «американской эффективности, которая является высшей силой, не считающейся ни с какими трудностями», занимаясь жестокой трансформацией страны в военный лагерь тяжёлой промышленности и механизированного сельского хозяйства. Эта трансформация была оплачена миллионами человеческих жизней. Можно рассматривать большевистскую революцию как экзотическую версию фордистского компромисса, при котором рабочая борьба оказалась направлена в русло поддержки нового бюрократического правящего класса в обмен на долю в потребительских товарах.

В любом случае, компромиссам в капиталистических рамках не суждено долго длиться. Начиная с 1960-х, перед капиталистами замаячила чередa новых кризисов: по мере того, как их стратегии экономической экспансии снова натолкнулись на естественные

пределы, а новое поколение рабочих порвало с профсоюзами и восстало против работы. Молодёжное движение, потрясшее всю планту от Парижа и Праги до Чикаго и Шанхая, было склонно формулировать свой проект в утопических терминах, но выступало против совершенно конкретных и всем знакомых вещей: против перемирия с эксплуатацией, которое заключили их родители. Цена этого перемирия становилась очевидной по мере продолжающегося уничтожения окружающего мира и отчуждения, поглощавшего повседневную жизнь. В то же время те самые отрасли промышленного производства, которые в наибольшей степени выиграли от компромисса «а-ля Форд» — автомобильная промышленность, производство бытовых приборов и прочих товаров длительного пользования — пришли в упадок, так как не могли больше найти новых покупателей для своих товаров.

И вот, как и Форд до них, капиталисты реорганизовали процессы производства и потребления, чтобы сделать их более стабильными и прибыльными. С помощью новых коммуникационных технологий они распространили производство по всей планете, обойдя профсоюзные и повстанческие рабочие силы и эксплуатируя наиболее нищие народы. Работодатели отказались от модели долгосрочного найма ради более гибких форм занятости. Таким образом, были уменьшены риски, связанные непосредственно с рабочими. Масштабное производство, при котором корпорации экономили благодаря массовому производству нескольких стандартизированных товаров, было заменено целевым производством, при котором та же инфраструктура использовалась для производства разнообразных товаров потребления. Соответствующим образом были диверсифицированы и потребительские рынки, а массово произведённый индивид, конформист, который всё же представлял настоящую угрозу общественному порядку, был заменён бесконечно разнообразным спектром различных потребительских идентичностей. И вот рабочая сила, столь опасная в своём единстве, оказалась фрагментирована на множество мелких сообществ.

И снова эти перемены в производстве и потреблении немедленно отразились на всём обществе и самой планете. Общественные заводы США больше не производят рабочих, которые хотели бы всю свою жизнь провести за одной профессией. Бум промышленных городов прошлого века сменился опустошённым «ржавым кольцом», утыканным кафе и университетами.

Сегодня до сих пор существуют заводы, но компьютеризированное оборудование и обработка данных позволяют им использовать намного меньше живых рабочих. Этот стремительно растущий избыток рабочей силы в богатых странах был поглощён сектором услуг. В бедных же — лишившиеся работы бывшие рабочие должны заботиться о себе сами. Подобно тому, как Форд использовал машину в качестве модели, по которой организовал свой завод, сборочные цеха представляют собой модель, по которой организо-

ваны глобальные грузоперевозки, сети больших и малых производителей, с которыми заключают контракты и чью деятельность координируют гигантские корпорации: например, полезные ископаемые — из Индии и Бразилии, сборка — в Гонк-Конге, рынок сбыта — Лос-Анжелес. В отличие от заводов минувших дней эти сети неуязвимы для опасностей вроде сосредоточенной рабочей силы. Если где-то в одном узле этой колоссальной сборочной линии кто-то бунтует, то работа может быть с лёгкостью перепоручена другому узлу, даже если он расположен на другом конце света.

Как это ни парадоксально, но «постфордистская» экономика оживляет те самые виды трудовой деятельности, которые, казалось, умерли с появлением автоматизации. Поскольку ведущие гиганты индустрии больше не нуждаются в значительной части людей, которые оказались ограблены капитализмом, рабочих теперь можно нанимать на работу в дешёвые потогонные мастерские по всему миру. В эти низкотехнологичные ужасные цеха, которые не требуют особых затрат на машинное производство. Потогонные мастерские идеально подходят для удовлетворения быстро меняющихся запросов современной системы производства, которое может потребовать хитрые стежки в один день и футболки с рукавами в другой. Зачастую такие мастерские — единственный способ удовлетворить спрос, порождаемый потребительским рынком, основанным на новизне и уникальности миллионов различных продуктов.

В сложившихся обстоятельствах профсоюзы безнадёжно проиграли борьбу на флангах, а сам этот метод сопротивления устарел. В институционализированном управлении рабочим трудом для стабилизации рынка больше нет нужды, поэтому их полезность для капитализма исчерпана. Производство больше не зависит от ригидных демографических концентраций, которые в прошлом представляли угрозу для бизнеса. Антикапиталисты продолжают оглядываться в поисках новых форм сопротивления, которые бы заняли места профсоюзов и рабочих забастовок.

Учителя и студенты

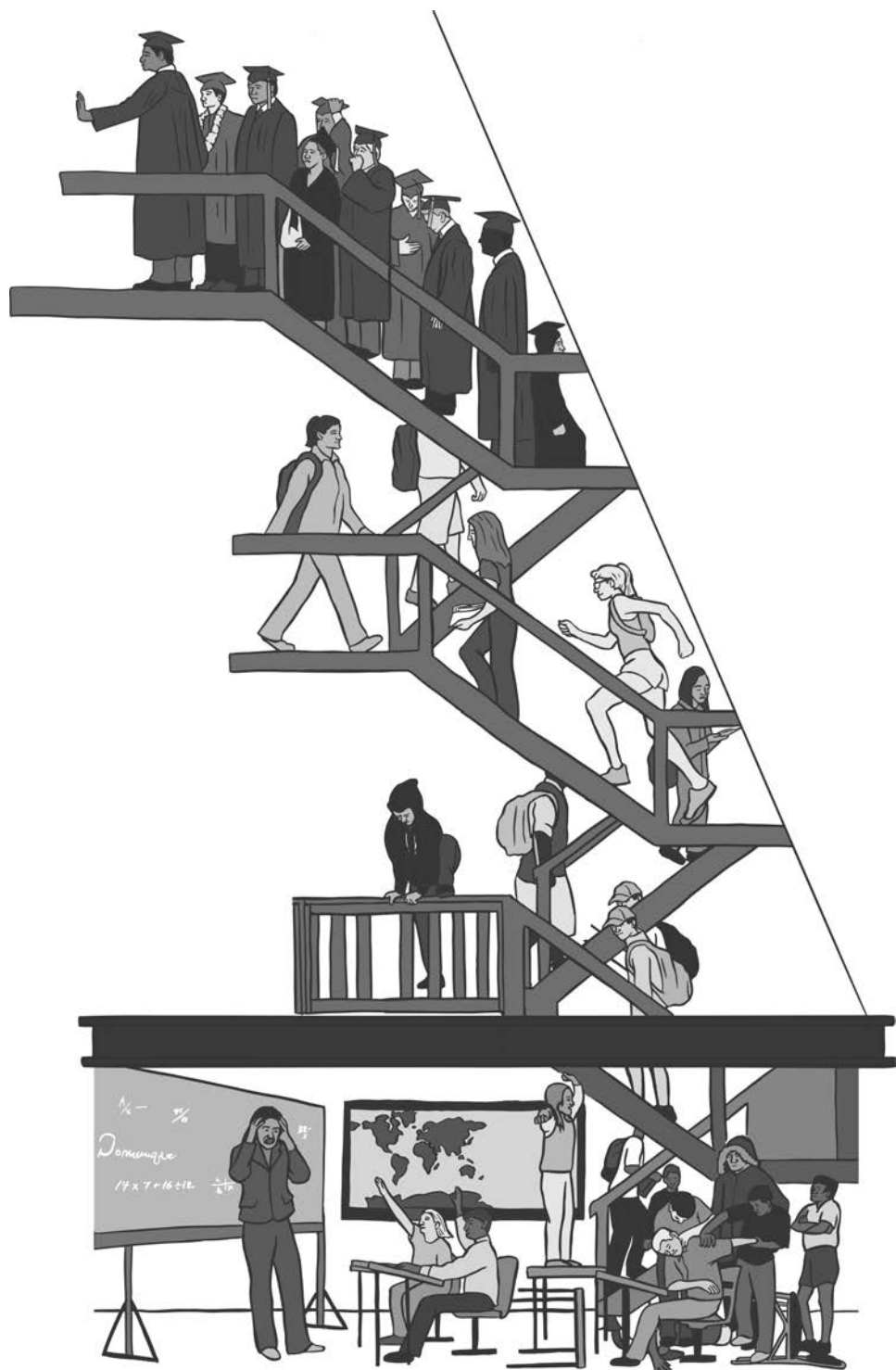
Всякий, кому доводилось проводить время с маленькими детьми, знает, как любят они учиться. С самого раннего возраста они подражают всем вокруг. Без этого инстинкта, который позволяет каждому новому поколению перенимать знания и навыки предыдущих, наш вид давным-давно бы вымер.

Уничтожить это врождённое детское любопытство крайне тяжело. Приходится вырывать их из семей, изолировать в стерильных условиях с парочкой переработавших взрослых, учить их тому, что знания — это *дисциплина*. Приходится отправлять их в школы.

До XIX века в Европе не было массового образования. К этому времени семья, самый древний общественный институт, уже не удовлетворяла требованиям по воспитанию новых членов общества (особенно рабочие семьи, которые стремительно фрагментировались под воздействием промышленной революции). Как только были наложены ограничения на детский труд, стало ясно, что детям придётся *где-то* проводить весь световой день. Правительства относились к обязательному школьному образованию как к способу получить смиренное население: послушных солдат для армии, послушных рабочих для заводов, исполнительных чиновников и им подобных. Общественные реформаторы смотрели на вещи иначе, они видели в школах способ возвысить человечество. Вот только воплощать их задумки всё равно должно было правительство.

Обязательное образование шло рука об руку с индустриализацией, и в итоге образование стало полноценным сектором экономики. Управляемая государством инкарнация этой индустрии до сих пор работает. Её основной функцией является удерживать молодых людей подальше от улицы и запрограммировать их на стандартизированное поведение. Частная инкарнация стала прибыльным сектором экономики: абстрагированное от ежедневной жизни образование стало ещё одним товаром, который можно купить или продать, подобно любому другому.

Что можно сделать со всем этим избытком рабочей силы в ме-

ханизированном мире, где самообслуживание в продуктовом магазине и электронная регистрация в аэропорту вытесняют рабочие места, которые обеспечивали интеграцию граждан в общество? Одно из решений: — отложить их вступление во взрослую жизнь в качестве самостоятельной рабочей силы. Сегодняшние аспиранты продолжают свои аспирантские труды много дольше, чем когда-либо раньше. Они учатся, чтобы получить преимущество, длинный список степеней и достижений, ещё один пункт в резюме. Это помогает распространению мифа о том, что тяжёлое положение безработных и менее удачливых людей — их собственная вина. Что им следовало лучше учиться.

В те времена, когда власть в основном передавалась по наследству, только богатые и могущественные могли отправить своих детей учиться. В условиях современной экономики, основанной на кредитах, когда многие живут не по средствам в надежде улучшить собственное положение в будущем, стало намного легче желать богатства и власти — теперь за деньги. Если вам нужна достойная работа, придётся выложить тысячи или даже десятки тысяч за необходимые звания и степени. Это положение дел загоняет студентов в долговую ловушку, заставляет их продавать себя на условиях, которые задаёт рынок. Ставит их в положение крепостных. Чем более образованная рабочая сила, тем более привередливы работодатели. И в условиях динамически меняющейся экономики рабочие вынуждены снова и снова садиться за школьные скамьи.

В наши дни учёные степени являются предметом откровенной инвестиции в капитал. Степень стоит определённый процент от ожидаемого дохода в будущем. Некоторые учёные степени более выгодны, чем другие. Да, ведутся разговоры о снижении платы за высшее образование для тех студентов, кто учится на менее престижных факультетах (вроде гуманитарных). Но всё это вписывается в логику рынка, поскольку те, кто получает подобное образование, в любом случае вряд ли смогут выплатить все кредиты на своё образование, даже те, чья научная деятельность на избранном поприще может серьёзно улучшить качество человеческой жизни в таких областях, где невозможно подсчитать денежную выгоду. И в то же время меры антикризисной экономии лишают университет последних черт оазиса знаний ради знаний.

Конечно, у миллионов молодых людей нет никаких надежд попасть в ВУЗ. С самого рождения в зависимости от социального положения все дети оказываются на одном из двух конвейеров в системе образования. Это проявляется в том, идут ли они в частную или государственную школу, в класс для «продвинутых» или в класс *для всех*. Для большинства, заранее обречённого на неудачу, школа — это гигантская камера. Те, кто восстает против условий содержания, немедленно переводятся в «штрафные изоляторы». И действительно, многие школы в наши дни всё больше и больше становятся похожи на тюрьмы: решётки на окнах, охрана, следя-

щая за режимом, металлодетекторы и прочие механизмы нормализации восприятия авторитарной власти в раннем возрасте.

Несмотря на переизбыток выпускников ВУЗов на рынке труда, некоторые либералы до сих пор считают, что распространение образования решит все наши проблемы, в том числе нищету. Но чем выше на пирамидке вы оказываетесь, тем меньше свободных вакансий. Никакое увеличение общественно доступного образования не изменит этого банального факта. В лучшем случае, выпускники из неблагополучных семей смогут заменить кого-то на привилегированной должности, но наше общество устроено так, что для этого потребуются, чтобы кто-то спускался вниз одновременно с чьим-то подъёмом наверх. И, как правило, большее образование всего лишь означает «большие долги».

Ещё одно либеральное предположение: мысль о том, что академическое образование — это *ярмарка идей*. Ярмарка — это хорошая метафора: как и людям, идеям приходится конкурировать между собой в изменчивых условиях капитализма. Какие-то идеи заручаются поддержкой советников и СМИ, финансовых интересов (от миллиона долларов и выше), иногда — целыми военно-промышленными комплексами. Другие же в прямом смысле этого слова оказываются рождены в тюрьме. И, несмотря на все эти обстоятельства, почему-то считается, что те идеи, которые выбираются наверх, обязательно самые лучшие: как и самый успешный бизнесмен, должно быть, является наилучшим представителем рода человеческого. В соответствии с этой школой философской мысли, капитализм существует, потому что все, от миллиардера до курьера, соглашаются с тем, что капитализм — *отличная идея*.

Но студенты не генерируют идеи в вакууме. Их выводы обусловлены влиянием классовых интересов. Чем больше вы продвигаетесь по системе образования, тем более богатых студентов будете встречать. Особенно в свете роста цен на образование при одновременном урезании бюджетных мест. Следовательно, наибольший престиж в академической среде получают наиболее реакционные идеи. И если какие-то консерваторы до сих пор взирают на университеты как на очаги радикализма, то это просто потому, что классовые интересы профессуры не столь реакционны, как интересы управляющих менеджеров.

Мы не хотим сказать, что дети богатых родителей обязательно рождаются с желанием стать №1. Для производства СЕО требуется столько же усилий со стороны аппарата социальной инженерии, как и для производства самого подбострастного из работников. Большая часть индоктринации происходит незаметно. Например, учебный план для студентов не включает в себя занятия по выращиванию и приготовлению пищи, пошиву и ремонту одежды или механизмов. Предполагается, что если студенты пойдут по начертанной дорожке, всегда найдутся достаточно бедные люди, которые будут готовы всё это делать за них. Таким образом, система высшего образования подготавливает студентов к моменту, когда

они возьмут власть в свои руки, и в то же время лишает их возможности удовлетворить собственные простейшие нужды, если вдруг они окажутся вне экономической системы. Всякая альтернатива рыночным отношениям кажется по-настоящему опасной для жизни.

И хотя учителя действуют в первых рядах при насаждении дисциплины среди бедных и легитимизации привилегий богатых, на самом деле не стоит их винить. Большая часть учителей — прекрасные люди. Многие могут оказаться хорошими наставниками и друзьями вне школьных рамок. Многие отказались от собственных возможностей заработать деньги, потому что верили, что работа учителя важна, пусть и не прибыльна. Но по большому счёту, те роли, которые они вынуждены играть в школьных кабинетах, мешают им наилучшим способом реализовать собственные таланты и желание творить добро ради следующего поколения. В школах, как и повсюду, система прочно держится на плечах тех, кто думает, что может изменить её изнутри.

Индустрия услуг

Два века назад существенная часть рабочего люда в этой стране была занята в индустрии добычи ресурсов с/из земли: сельское хозяйство, рыболовство, шахты. В результате промышленной революции существенная часть рабочей силы оказалась сосредоточена на заводах. С тех пор технологический прогресс последовательно уменьшал количество рабочих мест в сельском хозяйстве и промышленном производстве, в то время как сами заводы переместились в другие страны с более дешёвой рабочей силой. Поэтому в наши дни большая часть населения развитых стран занята производством услуг, а не материальных товаров.

Стандартизация и механизация, которые Форд представил в промышленном производстве, спустя поколение появились в сфере услуг. Корпоративные франшизы вроде Уолмарта и Макдональдс индустриализовали потребительскую часть рынка, видоизменили общественное пространство массовым производством брендов и пиар-кампаниями. В это же самое время call-центры внедрились модель конвейерного цеха в индустрию личных услуг. Малый бизнес, действовавший в тех же рыночных нишах, что и эти гиганты, не выдержал конкурентной борьбы. Следующее поколение мелких предпринимателей было вынуждено сосредоточиться на предоставлении специфических услуг вместо удовлетворения общих потребностей: магазины здоровой пищи, бутики винтажных вещей, запрещённые удовольствия. Это совпало с периодом производства значительного числа модификаций одних и тех же товаров потребления, который последовал за экономическим кризисом 1970-х: как раньше производственная модель ремесленной мастерской превратилась в модель заводов и потогонных мастерских, так и потребительская модель превратилась из «магазинов для всей семьи» в корпоративные сетевые гипермаркеты и созвездие независимых магазинчиков.

Сегодня сектор услуг включает в себя огромное разнообразие профессий. С одной стороны, это работы для «белых воротничков» вроде маркетинга и программирования, которые больше похожи на менеджмент, чем на традиционную работу эксплуатируемых. С другой стороны, это рестораны фаст-фуд и call-центры, которые

отличаются от заводов только тем, что ничего не накапливают независимо от степени эксплуатации сотрудников.

Эти крайности начинают походить друг на друга. Престижные вакансии вроде преподавания всё больше подвергаются корпоративной стандартизации, что вытесняет индивидуальность, традиционно ассоциирующуюся с профессиональной деятельностью, ради обезличенных процедур и протоколов, которым может следовать всякий. В то же время такие части рынка как индустрия фаст-фуда требуют от сотрудников всё больше и больше экспертных знаний: мы должны быть «консультантами по вызову», бариста или «профессионалами по готовке сендвичей» только лишь для того, чтобы удержаться на подработке. По всему сектору услуг капиталисты требуют одного и того же: *гибкого согласия*. Больше нет места оправданиям «но я же новенький». Это стало синонимом «я ни черта не смыслю в своей работе».

Технологический прогресс заменяет услуги товарами так же, как заменяет производственную деятельность работой машин. Несколько поколений назад богачи нанимали домашнюю прислугу, чтобы было кому мыть посуду. Но сегодня в большинстве домов есть посудомоечная машина. Поэтому, хоть экономящие силы инновации и сдвинули центр тяжести экономики в сектор услуг, для человека в этом секторе остались только такие рабочие места, которые оказалось не так просто превратить в товар, или те, человеческий труд на которых пока ещё стоит дешевле машинного.

Переход от производственной экономики к экономике услуг совпал по времени с приходом на рабочие места большего количества женщин. Как правило, женщинам платят меньше, поэтому им приходится больше внимания уделять борьбе за рабочее место с машинами. Есть такие страны, где мужской труд в производственном секторе экономики оказался полностью заменён женским в секторе услуг. В США переход от модели семьи с одним работником к семьям, где работают оба, помог скрыть общее снижение заработной платы.

Но почему *новые* работники будут привлекаться в экономику по мере уничтожения рабочих мест? И как капитализм получает прибыль, если в результате труда ничего не производится?

Не дадим себя обмануть собственному жизненному опыту: в наши дни промышленное производство приносит доход не меньший, чем пятьдесят или сто лет назад. Единственная разница в том, что технология сделала большую часть нас с вами ненужными. Поскольку для производства материальных товаров требуется намного меньше рабочих, всё больше людей оказываются на рынке труда в поиске рабочих мест, что позволяет ещё больше снизить зарплату. Когда зарплата снижается, капиталистам становится выгоднее нанимать людей, которые не делают ничего, кроме продвижения товаров на рынке. И потому что конкуренты могут поступить тем же образом, они просто вынуждены так поступить, чтобы не проиграть в борьбе. Это относится не только к торговым

представителям, но и к улыбающимся лицам в обувном магазине, к дружелюбному голосу на том конце горячей линии технической поддержки, к дружелюбным туземцам во время турпоездки, к перекладывающим бумаги клеркам в центрах повышения квалификации.

Вот почему такая большая часть сектора услуг сосредоточена на создании условий для потребительских трат: отели, кафе, рестораны, казино, маркетинг и рекламный бизнес. Обслуживание клиентов становится более важной частью экономики, чем торговля. Корпорации не просто продают *вещи*. Они продают внимание, гостеприимство, симпатию, готовность оказать поддержку, *социальное взаимодействие* — всё, что раньше было бесплатной частью общественной жизни. Индустрия услуг — это тонкий слой живой плоти, растянутый на железном корпусе экономического механизма, улажающий механизмы желания, которые движут всем аппаратом.

Если бы капитализм был просто способом удовлетворить материальные потребности, то не было бы никакого смысла в том, чтобы люди в наши дни работали больше, ведь для производства товаров теперь требуется меньше усилий. Но капитализм это не просто способ удовлетворения материальных потребностей. Капитализм — это социальная система, основанная на отчуждении межличностных отношений. Пока экономика распределяет доступ к ресурсам в зависимости от богатства, всякое развитие в технологии производства будет всего-навсего заставлять рабочих искать новые способы заработать на хлеб. Машины больше не нуждаются в нас, разве что для того, чтобы мы их обслуживали.

К счастью для капиталистов, организовать людей на борьбу против работы в секторе услуг даже сложнее, чем на заводах. Подобно работникам потогонных мастерских, люди, занятые в сфере услуг, распределены по тысячам индивидуальных рабочих мест с малыми возможностями создать какие-либо межличностные связи для совместного заговора. Поэтому все акты сопротивления легко подавляются или замалчиваются. Более того, когда рабочие оказываются такими же временными, как и рабочее место, у них остаётся мало возможностей и стимулов к сопротивлению.

Есть и другие препятствия, связанные с природой сферы услуг. Несмотря на то, как похожи бывают одна работа в этом секторе на другую, многие сотрудники в этой части экономики не считают себя классом эксплуатируемых. Зачастую их работа в той или иной степени связана с менеджментом, поэтому им легче ассоциировать себя с классом управленцев, несмотря на личное отношение к своему начальству. В каком-то смысле самоидентификация с работой всегда являлась неотъемлемой частью индустрии услуг: *«Привет, меня зовут Алексей, и сегодня я буду вашим официантом»*. Получение части зарплаты в виде чаевых — это способ превратить сотрудников в маленьких предпринимателей, которые должны продавать самих себя непосредственно клиентам. В совер-

шенно непредсказуемом высококонкурентном рыночном окружении наших дней даже человек на подработке вынужден рассматривать себя как предпринимателя, продающего самого себя.

Сотрудники сектора услуг, отказывающиеся идентифицировать себя со своей работой, часто всё равно делают это по отношению к «настоящему призванию», которым они заняты в свободные от работы часы. И делают это в том же духе предпринимательства. По мере того, как искусства, приключения и общественная жизнь оказываются поглощены логикой производственного вложения средств, всё проще относиться к собственному рабочему времени, как к выгодному вложению капитала, благодаря которому вы получаете возможность воплощать ваши мечты вне рабочих часов. Так, новый владелец бизнеса вносит первый платёж за аренду в надежде на скорый успех своего дела. Гибкая и временная природа индустрии услуг поощряет такого рода подход. Если дополнительное свободное время для вас оказывается «более ценным», чем дополнительный заработок, всегда есть свобода работать поменьше. А если нет, можно попытаться работать побольше. Таким образом, ментальность мелкого предпринимательства распространяется на людей, которые иначе могли бы бросить вызов самой работе за зарплату.

В этом свете победы специализированного мелкого бизнеса над корпоративными гигантами в сфере услуг указывают на новую фазу экономического поглощения личности. Инновационной особенностью новых бутиков является то, что, на фоне Уолмарт и Макдональдс они продают именно свою уникальность и неповторимость. Личные черты характера и тайны сотрудника — в прошлом единственная территория, до которой ещё не добрался рынок, становится таким же товаром на продажу, как и всё остальное. В этом отношении индустрия услуг является пионером в колонизации нашей общественной жизни.

Мы моем за вами посуду и ненавидим вас всей душой

Когда мне было четыре, я уже хотел быть мультипликатором. Увидев по телевизору Командора Марка⁴, я решил, что буду работать в студии Диснея или каком-нибудь ещё гиганте медиа-индустрии. Я стану богаче, чем мой отец, как он стал богаче своего. Не знаменитостью какой-нибудь, но достаточно успешным человеком.

Достаточно долгое время я держался за эту мысль. И только тогда, когда я стал достаточно взрослым, чтобы наслаждаться Американской мечтой, когда я уже какое-то время посвятил карьерному росту на избранном поприще, я понял, что моя мечта неосуществима. Технологический прогресс и потогонные мастерские покончили с центральной ролью художника-мультипликатора в производстве мультфильмов. Поэтому, будучи любителем кофе, я стал работать в кафе. А поскольку нашей музыкальной группе были нужны постеры, я стал изучать графический дизайн. И до сих пор я именно так зарабатываю на жизнь.

Меня увольняли с многих рабочих мест. K-mart, Whole Foods, какой-то массажный салон и целая уйма кафеен. Обычно я говорю потенциальному работодателю, что я уходил с предыдущих мест работы, чтобы отправиться в путешествие или заняться собственным бизнесом. «Фриланс-графический дизайнер» звучит хорошо, да и начальству нравится, когда перед ними «способный к самомотивации индивидуальный предприниматель». С течением времени моя зарплата (порядка \$6.50 - \$8.00 за час) будет расти только с инфляцией. Но, несмотря на определённый талант и умение говорить о типографии и макетах, я понятия не имею, как вести конкурентную борьбу за настоящую дизайнерскую работу, поэтому не думаю, что в ближайшем будущем смогу оставить позади сектор услуг.

⁴ Командор Марк - герой телешоу, обучающий детей навыкам рисования

На каком-то этапе я смирился с этим и решил по-другому улучшить свою долю. Поскольку в моём секторе нет профсоюзов, особенно в независимых кафейнях, мы решили разработать собственные средства защиты наших интересов. Всё началось с мелкого воровства и саботажа на работе, но при этом было неразрывно связано с посещением панк-концертов и протестных акций антиглобалистов и антимилитаристов. Я наслаждался боями с полицией и чувством, которое давала коллективная самореализация. Но не мог понять, как привнести всё это на своё рабочее место, которое до сих пор оставалось тем местом, где я проводил большую часть своей жизни.

В следующем кафе, куда я устроился, мы пришли к выводу, что ежемесячные встречи с начальством носят символический характер и что нам нужны собственные встречи. На первое же собрание пришло 8 из 12 бариста. Мы наслаждались спизжённым из кафе вином и по очереди высказывались обо всём, что нам нравилось и не нравилось на нашем рабочем месте. Вскоре мы пришли к выводу, что, подобно вину, всё, что нам нравилось в нашей работе, получалось в результате действий по собственной инициативе, а не в результате исполнения приказов начальства. И что всё, что мы ненавидели — закручивания гаек, перемены в расписании, управляющие-надсмотрщики — можно было преодолеть при должном уровне солидарности.

Мы решили, что сделаем это место работой нашей мечты. Многие уже привлекли к инициативе своих друзей, но мы хотели установить связи с другими людьми, работающими в похожих условиях и формализовать сеть недовольных сотрудников индустрии услуг. Мы также хотели, чтобы нам платили больше. Мы решили, что каждая смена сама примет решение о своих пожеланиях, подсчитает и сделает так, чтобы чаевые достигли необходимого уровня. Для этого было решено класть деньги в кувшин для чаевых в первую очередь, а в кассу — в последнюю. Мы решили, что все мы заслуживаем возможности питаться. Так как наши смены всегда мешали нам делать это регулярно, мы также решили забирать часть денег из кассы для оплаты своих приёмов пищи. Короче говоря, мы решили относиться к кафе как к нашему личному владению, и все новые сотрудники должны были проходить ритуал посвящения в это тайное общество.

Мы преобразовали кафе прямо под носом нашего начальства. На нескольких следующих лет жизнь стала вполне сносной. Однако в итоге случилось так, что кто-то как-то проболтался при плохом человеке.

Когда меня уволили — другими словами, когда они по-тихому вычеркнули моё имя из штатного расписания — мы собрались, чтобы принять решение о том, что же делать. Кто-то предложил бастовать. Предложение было встречено смехом отчаявшихся. Все мы прекрасно понимали логику забастовки. Но наше положение уже было крайне ненадёжно. Мы представляли

себе армию потенциальных сотрудников, осаждающих ворота кафе в нетерпеливом желании дать собой поруководить на наших рабочих местах. Сотрудников, которые считают кражу преступлением и которым нет дела до защиты своих чести и достоинства, потому что они «всё равно не рассчитывают здесь надолго задерживаться».

Итак, этот раунд мы проиграли. В конечном счёте, начальство решило свои финансовые проблемы. Им даже удалось произвести пару «профессиональных бариста», чьим самым сокровенным желанием было попасть на страницу *Barista Magazine*.

Ну, по крайней мере, я завёл пару хороших знакомств. Один из товарищей по работе, которого я инициировал в наш заговор, стал мне близким другом, и вместе мы договорились продолжить наши попытки взять индустрию услуг на абордаж. Мы снимали квартиру вдвоём, ходили на всякие выставки и вечеринки, рисовали граффити по городу и даже ходили на демонстрации.

Наша сеть друзей помогла ему получить похожую работу в каком-то хай-энд ресторане в пригороде. Однако он всё больше и больше втягивался в радикальную субкультуру и вскоре бросил работу и уехал путешествовать. Я к этому времени уже активно этим занимался и всё, о чём я мог думать, было продолжение нашей борьбы, благодаря которой мы и познакомились. Но не поймите меня неправильно, я был искренне рад за него. Я знал, что и он продолжит бороться, хотя оба мы не совсем точно представляли себе, как именно мы можем хоть что-то изменить к лучшему. В ретроспективе мне кажется это общим камнем преткновения: как только люди оказываются готовы бросить вызов условиям своего существования, они уже оказываются в другом контексте: либо их насильно переместили, как меня, либо они сами приняли решение, как он.

По воле судьбы, после его увольнения наши друзья предложили эту работу мне. Более того, моими товарищами по работе оказались такие же радикалы, как и я.

Снова за дело. Нас было пятеро. Все мы уже не первый год работали в сфере услуг. Большей части было ближе к 30, и мы пришли к примерно одним и тем же выводам. Мы начали тщательно анализировать ситуацию и искать слабые места.

Один из нас заметил небольшой закуток рядом с тем местом, где мы выдавливали соки из фруктов. Закуток находился вне видимости камер наружного наблюдения, поэтому вместо того, чтобы выкидывать остатки фруктов в компост, мы стали складировать их там. Ещё двое обнаружили, что независимо друг от друга они начали мочиться в дыру в полу в туалете для сотрудников (пользоваться туалетами для клиентов нам было категорически запрещено). По чистому совпадению пол вскоре обрушился. «Ссы в щель!» стало нашим общим девизом в борьбе против начальства.

Однако не всё было так просто. Данное предприятие использовало более сложную систему контроля, чем то, с чем кому-либо из нас приходилось сталкиваться ранее. Менеджеров было пятеро, по двое в каждую смену. Босс тоже всё время прятался за углом, а если его не было рядом, значит он следил за нами через камеры, которые передавали сигнал прямо на его iPhone! Сумму в кассе подсчитывали в конце каждой смены. Если что-то не сходилось, разницу вычитали из чаевых. Как только сотрудник обучался задаче подсчёта денег в кассе, менеджеры немедленно пытались навязать свою логику и начинали называть сотрудника «кассой» и говорили о том, как много денег он лично недосдал в смену.

И даже когда мы не были на работе, они пытались сохранять контроль над нашими жизнями. Предыдущее кафе пыталось делать то же самое, отправляя нас на всякие соревнования и поощряя нас самообразовываться в вопросах готовки эспрессо, но теперь всё обстояло намного хуже. Разговаривая с начальством, мы были вынуждены использовать выражения вроде «синергия», «отличный продукт», «профессиональная атмосфера». Предложить резюме было больше недостаточно — мы должны были всё время «играть роль». Но что действительно вывело нас из себя, это когда они заставили нас использовать веб-сайт для самостоятельного управления рабочим графиком.

Звучит неплохо, да? На самом же деле, мы уже давно совместно разрабатывали предложения по расписанию, хотя они всегда отказывались от наших предложений. Но перевод управления расписанием на веб-сайт был куда более хитрой задумкой, чем кажется на первый взгляд.

Представьте, что это означало для тех сотрудников, которые были лишены постоянного доступа в Интернет. Теперь многим из нас приходилось в выходной день отправляться в библиотеку только для того, чтобы узнать, не назначили ли нас на ночную смену. Если раньше для получения выходного нужно было просить об этом за два месяца до срока, то теперь ещё стал обязательным онлайн-запрос о том же самом. В дополнение к управлению расписанием сайт также содержал ряд обучающих видеоматериалов и публиковал новости, связанные с работой заведения. Нам платили столько же (минус чаевые) за то, чтобы мы делали обучающие видео. Таким образом, мы создавали для них обучающие инструменты на будущее, с помощью которых они смогут обучить ещё больше бариста, чтобы получить ещё больше прибыли. Нас могли уволить, но сделанные нами видео продолжали бы приносить им доход.

Более того, теперь у нас не осталось оправданий по поводу того, что мы не знали чего-то о предлагаемом ассортименте: ведь он весь был представлен на веб-сайте. Конечно же, босс ожидал, что мы создадим аватаров и профили самих себя, чтобы пользоваться сайтом на манер Facebook для рабов индустрии услуг.

Все наши разговоры вертелись вокруг этого, мы давали выход своим эмоциям и пытались придумать адекватный ответ. Если наша работа начинает управлять всеми аспектами наших жизней, почему бы нам не сопротивляться? Мы расширили круг друзей на работе и стали проводить регулярные собрания с выпивкой и переищёптывались во время перекуров. Постепенно мы открыли для себя чувство товарищества, стали воспринимать самих себя всерьёз. Некоторые из нас читали о профсоюзных рабочих, боровшихся со штрейх-брейкерами в 1930-х. Возможно, что первые шаги рабочего движения прошлых эпох были похожими.

Наконец, мы разработали план. Мы анонимно потребуем отказа от веб-сайта и использования камер безопасности в заведении. В противном случае в День Д состоится забастовка. Понимая, что большая часть наших товарищей по работе согласится с первым предложением и никогда не подпишется под вторым, мы планировали, что забастовка выйдет за рамки всех ожиданий.

Мы уже выучили очень ценный урок, который всем нам преподал один сотрудник, решивший действовать в одиночку и без всякой надежды на личную прибыль. Как-то в субботу вечером главный повар просто взял и вышел из заведения. Начальник был вынужден срочно искать замену, а заведение потеряло тысячи долларов. В нашем воображении последствия были сравнимы с выведением из строя банкомата.

Если рассматривать забастовку как приостановку производства, то и саботаж можно рассматривать как форму забастовки. Мы размышляли об этом потому, что, прежде всего, мы производили атмосферу — атмосферу кафе, чувство профессионализма сотрудников, excellence — а значит, должны были разрушить эти элементы нашей работы. Когда бастуют рабочие на заводах, они отказываются перемещать ящики, дёргать рычаги, стоять на конвейере. Мы же откажемся выполнять свои роли по обслуживанию.

Мы также полагали, что наши требования можно реализовать прямо «здесь и сейчас» даже без согласия начальства. Камеры все были соединены в компьютерную сеть. Именно так босс имел к ним доступ через свой iPhone. Мы связались с друзьями, разбирающимися в хакинге, и они предложили заблокировать работу камер на время забастовки.

Сама забастовка должна была быть обеспечена активным меньшинством при молчаливом невмешательстве большинства. Наш план предусматривал, что мы продолжаем работать, но всё делаем неправильно. Официанты доставляют заказы не туда. На приветствия клиентов (“how do you do”, традиционно формальное американское приветствие, правдивого ответа на которое никто не ждёт — прим. пер.) мы будем отвечать в духе «я в депрессии, потому что у друга передоз». Наконец,

некоторые из нас должны были спровоцировать «несчастные случаи на производстве»: порезать руку при чистке фрукта здесь, упасть с лестницы там. Мы должны были нарушить размеренное функционирование заведения, в том числе наше собственное функционирование. Мы обойдёмся им в прибыль с одного вечера плюс цена репутации.

Надеялись ли мы победить? Трудно сказать. Что значит «победить»? Если бы речь шла о лучших условиях труда, мы бы могли все отправиться искать новые работы. Нет, мы хотели чего-то другого: мы хотели создать прецедент и постоять за самих себя. Если бы даже наша забастовка не удалась и они бы не выполнили наши требования, всё равно это будет шаг в сторону восстания в сфере услуг. Забастовки вроде нашей не смогут приблизить перемены сами по себе, но мы думали о том, чтобы эффект от наших действий послужил чему-то большему. Если бы мы смогли разрушить систему контроля в ресторане, возможно, мы бы смогли повторить фокус и в других местах?

Домашний труд

*«Когда капитал оплачивает труд мужей,
он получает двух работников по цене одного».*

Сельма Джеймс

Представьте себе буржуазный обед: мужья обсуждают производство, жёны — потребление. В этой картине запечатлена ассоциация мужчины с производством ценностей и женщины — с расстрой. *От каждого по способностям — каждой по потребностям.* Каждый муж имеет наготове дежурную жалобу о том, что его жена тратит все его с таким трудом заработанные деньги. А на что — он и понять не может.

Но могла бы экономика функционировать без неоплачиваемого труда домохозяек? Работодатели выплачивают компенсации рабочим за их труд, но никто не компенсирует домохозяйкам затраченных усилий на производство продуктов для поддержки рабочих и поддержание их в тонусе. Тем, кто оказался в бизнесе воспитания детей, уборки, готовки и тому подобном, приходится рассчитывать на благотворительность со стороны тех, кто работает за зарплату. Подобные условия часто загоняют людей в отношения, основанные на унижении. Альтернатива — идти работать самой.

И даже трудоустройство не приносит облегчения. Миллионы женщин работают за меньшую зарплату, чем их коллеги-мужчины на тех же должностях, а после рабочего дня приходят домой на вторую смену, чтобы уже бесплатно работать для своей семьи. А потом будет ещё третья смена — эмоциональная забота, улаживание конфликтов и секс. И обычно это всё ожидается именно от *женщины*.

Капиталистам крайне прибыльно существование этого неоплачиваемого домашнего труда, как им выгодно эксплуатация рабочих. Представьте себе, что бы было, если бы им пришлось оплачивать рождение, уход, кормление и чистку каждого работника! Как рабство за зарплату оказалось более надёжным, чем античное рабовладение, потому что рабы теперь сами оплачивают все издержки, так и все заботы по воспитанию и уходу за рабочими выгоднее переложить на плечи их семей.

Это крайне выгодное положение дел поддерживается разветвлённой сетью политических и общественных институтов, которые разделяют деятельность на *оплачиваемую и неоплачиваемую*. На производственную и непроизводственную. Социальная роль домохозяйки поддерживается законами и обычаями, которые систематически изгоняют женщин из общественной жизни и отказывают им в доступе к ресурсам. Многим из этих институтов и обычаев сотни, если не тысячи, лет. Капитализм не самая древняя система, создающая дисбаланс во власти, и не самая фундаментальная. Она развилась на основах, заложенных патриархатом и другими видами иерархий. Невозможно сражаться с этими видами угнетения по отдельности: сексистский антикапитализм всё равно будет порождать дисбаланс в доступе к капиталу, как капиталистический феминизм всего лишь переложит бремя эксплуатации на более бедных женщин.

Кстати, многим женщинам на самом деле *платят* за уход за детьми и работу по дому. Но не за уход за своими собственными семьями. Женщины из рабочего класса зачастую тратят вплоть до половины своей зарплаты на низкокачественную систему детских садов, чтобы только у них было время для работы в качестве нянек у богатых. Спасибо движению феминисток 1960-1970-х. Теперь ещё больше женщин из среднего класса могут найти себя на рынке труда, чтобы покупать услуги у других женщин по уходу за домом.

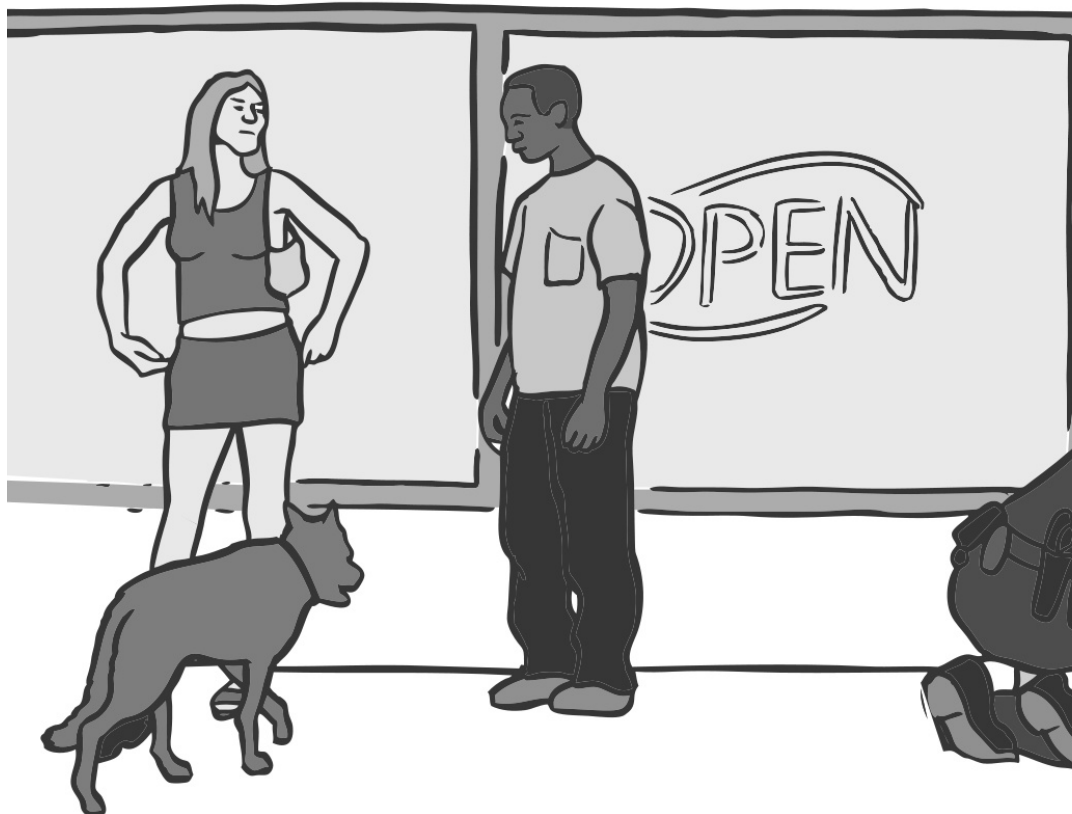
Как и уход за детьми, уход за больными и престарелыми в значительной степени оказался поглощён рынком и обрёл формы больниц, домов престарелых и хосписов. Как и всё остальное, капитализм распределяет заботу о человеке в зависимости от его благосостояния, а не потребностей.

*Как на работе,
так и дома*

Pearl Of The Orient MASSAG

Секс-индустрия

Продавать своё тело за деньги: из этой фразы мы многое можем узнать о капитализме. «Использовать свои природные дарования в недостойных целях для получения финансовой выгоды». И кто же этого, интересно, *не делает* в наши дни? Однако никто не назовёт бизнесмена или профессора *проституткой*, сколь ни недостойно они применяют таланты, которыми наградила их природа. Всё недостойное, конечно же, это исключительно женщины и гендерные ренегаты, которых называют иногда «эскортом». Как и в случае с работой по дому, постыдным считается именно сам факт откровенного требования оплаты за то, что все остальные продают окольными путями. Ведь подобные практики бросают слишком много света на неприглядное распределение власти на всех уровнях общества. Сексуальность свята. Другими словами, формы, которые она может принимать и цели, которым может служить, строго регулируются патриархальными традициями. *Использование природных дарований в недостойных целях* касается исключительно тех, кто вынужден так поступать, чтобы выжить. А вовсе не тех, кто заставляет других так выживать.

Работницы секс-индустрии получают от своего ремесла не больше прибыли, чем шахтёры от работы в забое. Большая часть денег течёт прямоком в карманы порнопродюсеров и сутенёров. Законы, которые столь яростно оберегают общественную мораль и «защищают» женщин, в основном служат для контроля над единственной областью индустрии, где женщины и другие люди, выделяющиеся своей сексуальностью, могли бы получить преимущество. Что это за нормы общественной морали, когда приемлемо и законно срезать вершины гор, но незаконно и неприемлемо для женщины вырваться из нищеты, получая деньги за секс?

С другой стороны, «успешные» секс-работницы играют свою роль в спектакле, наглядно демонстрируя, что лучший способ преуспеть — это подчиниться сексуальным запросам мужчин. К Мадонне и Анджелине Джоли и другим, которые продают свою сексуальную привлекательность, это относится ровно в той же степени, что и к откровенным порнозвездам. Мысль о том, что работа в

секс-индустрии может наделить человека властью, одна из версий всё того же мифа, что капитализм якобы порождает демократию и свободу. Безусловно, лучше получать 2000 рублей в час, чем 200, но это всё равно *работа*. Большинство из «добившихся чего-то в этой жизни» секс-работниц обязаны этим патриархальным представлениям о сексуальности, которые систематически унижают женщин, подобно тому, как рабочие кооперативы всё равно зависят от капиталистического рынка и эксплуатации труда.

Секс-индустрия представляет собой поучительный микрокосм взаимодействия между технологическим развитием, социальным отчуждением и капиталистической эксплуатацией. Менее ста лет назад секс-работа находилась на доиндустриальной стадии развития и, прежде всего, состояла в личном взаимодействии между людьми. В XX веке новые технологии позволяют капиталистам накопить капитал в виде порнофильмов: теперь уже им достаточно заплатить секс-работнице один раз за получение продукта, с многократных продаж которого они получают прибыль. Конечно же, порнография существует не одну тысячу лет. Новой является лишь возможность массового производства реалистичного симулякра. Как фабрики изменили характер экономики, так и описанные изменения ускорили процесс накопления капитала в секс-индустрии. А также наделили компании, производящие подобную продукцию, колоссальной властью над представлением о сексуальности у миллионов потребителей. Они не просто продавали сексуальность. Они её переопределили.

Последующее технологическое развитие дало возможность в ещё большей степени формировать представления о сексуальности. В большей части того, что теперь принято называть «развитым миром», большая часть мужского сексуального опыта приходится либо непосредственно на компьютеры, либо не обходится без их участия. Современная сексуальность настолько сосредоточена на виртуальном, что участники сексуальных взаимодействий в реальном мире стараются воспроизводить роли, навязанные секс-индустрией. В этом отношении порнография закрепляет существовавшие веками гендерные роли, хоть она одновременно обновляет и изменяет их. За последние несколько поколений диапазон сексуальных практик и гендерных идентичностей стал разнообразнее, но и здесь не обошлось без влияния капитализма. С точки зрения экономиста, это всего лишь вопрос новых потребительских ниш.

Императивы получения прибыли не просто формируют общественное восприятие секса и гендера. Они влияют и на биологические аспекты этих конструктов. Виагра, тестостерон, гормональные таблетки для контроля рождаемости. Теперь гендер производится в лабораториях фармакологических компаний, тогда как раньше этим занимались более древние социальные институты вроде семьи. Это справедливо и по отношению к спортсменам, принимающим стероиды, и по отношению к красавицам, закачивающим в себя силикон. Гендер не просто используется для реализации товара.

Он одновременно является потребительской идентичностью, это товар, который одновременно является частью проекта *продай себя*. Проекта, над которым люди работают даже тогда, когда выходят с работы.

В этом контексте отклонение от устоявшихся гендерных норм было апроприировано в качестве медицинского феномена и использовалось для подтверждения тезиса о том, что эти самые нормы даже более «естественны», чем сами тела, в которых мы рождаемся. Поощряя нарратив, в соответствии с которым транссексуалы — это женщины, «запертые в мужские тела» и тому подобное, психиатрические и медицинские власти говорят на самом деле о том, что *мужчина и женщина* — универсальные и всеобъемлющие категории. Парадоксально, но, дав возможность людям переходить из одной категории в другую, на самом деле закрепляется гегемония патриархальной двуполой системы. И продолжается процесс по исключению тех, кто не может или не хочет выбрать одно из двух.

Таким образом, капитализм оказывает влияние даже на самые интимные аспекты наших жизней, от удовольствия до гендерной идентичности. Те аспекты наших личностей, которые в прошлом развивались вне его власти, теперь колонизируются рынком. Это будет продолжаться до тех пор, пока доступ к человеческой сексуальности не будет полностью подчинён капиталу: например, мужчины, которым проблематично мастурбировать без просмотра порнофильма. Когда сексуальность всё полнее определяется экономическими силами, а сексуальные отношения всё чаще случаются между партнёрами с неравным доступом к ресурсам, становится трудно разделить секс-работу от секса. Точка.

Военные, полиция и частные охранные предприятия

“Я могу нанять половину рабочего класса, чтобы она истребила вторую”.

Финансист Жей Гу

Как заметил мэр Чикаго, Ричард Дейли, по поводу бунтов во время Национального Съезда Демократов (DNC) в 1968 году: «Полиция нужна не для того, чтобы создавать беспорядок, а для того, чтобы *охранять* беспорядок».

Чем более несправедливым становится распределение ресурсов и власти, тем больше силы требуется, чтобы всё сохранить таким, как есть. Это можно увидеть в макрокосме военных оккупаций целых наций и в микрокосме частного охранника в продуктовом магазине, который накручивает один круг за другим. Каждый день Агентство Национальной Безопасности США перехватывает и сохраняет более двух миллиардов почтовых сообщений и телефонных звонков; камеры ССТV(наружного наблюдения) направлены на каждую кассу каждой заправочной станции. Эти факты очень многое говорят о том, в каком гармоничном обществе мы живём.

Можно задаться вопросом, каков толк от всего этого, если уровень домашнего насилия и преступлений в бедной среде продолжает расти. Но смысл вовсе не в том, чтобы не дать совершиться насилию, а в том, чтобы монополизировать контроль: пока насилие не представляет угрозы для Власти, оно не является приоритетным для полиции. Да, хаос и насилие возрастают по мере применения репрессий, но это может легитимизировать дело оккупантов и расколоть оккупированных.

Поддержанию системы способствуют противоречия, свойственные капитализму. Капиталистическая система производит безработных; им предлагается работа по надзору за поведением других людей. На дому или с возможностью повидать мир. Наёмная армия — это самый социальный сектор экономики США. Без

этих рабочих мест, которые предлагаются в первую очередь бедным и возмущённым, многие из них давно бы уже искали удачи в какой-нибудь другой армии.

Вооружённые силы не только поддерживают дисбаланс, они его углубляют. Военные интервенции вроде Опиумных Войн и вторжения в Ирак обеспечивают победителя дешёвой рабочей силой. Оккупации, политические перевороты, войны чужими руками в странах третьего мира с использованием военных советников и более тонкие формы «демократизации» — всё это просто-напросто инструменты для обеспечения контроля над приглянувшимся бизнесу регионом. Вот почему большая часть бюджета США тратится на оборону: государство функционирует в качестве пула ресурсов для реализации капиталистических интересов, а армия — один из самых ценных доступных инструментов.

Конечно, в теории солдаты и полиция существуют для защиты своих граждан от других вооружённых головорезов. В этом смысле можно говорить о своего рода рэкрете и крышевании, поскольку граждан легитимно «обязывают» бояться других головорезов больше, чем своих собственных, которые служат собственным властям. И эта ситуация отлично подходит власть предержащим: чем больше их подданные боятся других наций (или друг друга), тем меньше они будут возражать против собственного угнетения.

В те дни, когда правительства помышляли о своих интересах в рамках отдельных наций, а не участниках глобальной экономики, открытые войны были не редкостью. Но в наши дни международные конфликты обычно подаются в обёртке широкой мировой общественности, пытающейся приструнить очередное «государствозгой» вроде Ирака или Северной Кореи. Вместо борьбы за превосходство правительства углубляют совместную работу по укреплению основ капитализма. Поэтому старомодные войны уступили

место *полицейским операциям*, а полицейская деятельность переросла в войну с *населением собственной страны*: война с наркотиками, война с «терроризмом», война с нелегальными иммигрантами, война с политическими недовольными.

На самом деле, хотя армии существуют больше тысячи лет, полиция — достаточно новое явление. Ещё совсем недавно сообщества старались сами обеспечивать собственную безопасность. Иногда богатые и знаменитые привлекали наёмников для «обеспечения мира», но, как правило, речь шла о защите их привилегий и наказании за неподчинение. Вторжения таких сил в бедные общины были делом нечастым и очень заметным.

Когда на смене XVIII и XIX веков появились современные полицейские участки, это было сделано не для того, чтобы сообщества стали более безопасны для проживания, а для того, чтобы подчинить их центральной власти. Это было одним из пунктов инициативы по расширению бюрократического контроля над всеми аспектами человеческой жизни. Если раньше несогласные могли воспользоваться раздором и конфликтами во властных структурах, то теперь сопротивление полиции означало открытый вызов, брошенный всему государственному аппарату.

В ходе промышленной революции произошла концентрация эксплуатируемых и производимых ими товаров в хаотичных городских кварталах, где многие пытались заниматься самоорганизованным перераспределением богатств. В сложившейся ситуации капиталисты уже не могли бороться каждый сам за себя. Поэтому появление централизованной полицейской силы на самом деле преследовало две цели: обеспечить монополию государства по контролю над населением и защиту частной собственности купцов и промышленников (которые в свою очередь платили налоги в казну). В соответствии с этими целями полиция сосредоточила усилия на борьбе с кражами и «бездельем», хотя и тогда, как и сейчас, для оправдания их существования использовались сенсационные новости о жестоких преступлениях против личности.

Многие из полицейских практик впервые применялись и были разработаны королевскими шпионами для борьбы с распространением вредных идей и заговоров. И это не является совпадением: по мере того как судьба государства оказалась в прямой зависимости от капиталистического накопления ресурсов, общественные преступления против частной собственности стали одной из главных угроз государственной стабильности.

Поэтому по своей сути политические репрессии и предотвращение преступлений служат одной и той же цели. Прожжённый полицейский чин может без проблем сместить акцент с борьбы с преступностью на борьбу с политическим экстремизмом и обратно в ходе публичных выступлений. Смотря что сейчас в моде. Когда политические течения покупаются на подобную риторику и начинают работу по выявлению в своей среде «криминальных элементов», они просто делают за полицию её работу.

В наши дни, когда всё больше и больше «общественного» пространства оказывается в частной собственности (торговые комплексы, студенческие городки, огороженные поселения богатей), частные компании и прочие неправительственные организации начинают брать на себя рутинные задачи по обеспечению безопасности. В США сейчас более миллиона частных охранников. Больше, чем штатных сотрудников полиции. И это в дополнение к тому, что бизнес часто заключает контракты с полицией об оказании специфических услуг. Это можно организовать за деньги или в обмен на предоставление неких услуг (в России самое яркое проявление — это покупка для ОВД дорогих иномарок в благодарность за «эскорт-услуги» на дороге), в том числе за более частое патрулирование. В некоторых частях страны НКО и полиция совместно нанимают гражданских лиц в качестве дружинников.

Но это не означает, что мы возвращаемся в до-полицейскую эпоху. Скорее, мы видим новый этап развития полиции. Нужда в централизованных полицейских силах возникла во времена бурных общественных волнений, когда большинство людей не идентифицировало себя с капитализмом. Полиция была нужна для создания гомогенной среды, в которой могла процветать торговля. И до сих пор полицейских применяют для подавления восстаний — отсюда возросшая популярность SWAT (МАТ, ОМОН и т. п.) и тактик управления толпой. Но теперь, когда капитализм подчинил себе большую часть мира, преимущество за приватизированными и децентрализованными полицейскими силами: они могут адаптироваться к действиям в специфических обстоятельствах и при этом не будут ограничены такими условностями как закон или правосудие. Как и сама работа, полиция стала гибкой и диверсифицированной.

Одновременно со снижением роли национальных государств в международной политике происходит снижение роли армии. Национальные вооружённые силы снова вытесняются частные наёмные компании. ЧОПы нанимают для войн за границей (Black Water и другие субподрядчики МО США, действующие в Ираке), а государственные войска привозят на родину, чтобы подавлять бунты среди своего населения.

В эпоху всё возрастающей безработицы полиция по отношению к исключённым является тем же, чем является босс по отношению к рабочим. Они стоят на передовой навязывания нам несправедливого распределения прав собственности, они — главная цель накопившегося гнева обездоленных. И когда гнев закипает, настолько, что угрожает смести упомянутые несправедливости, мы сразу же видим, что всякое государство на самом деле полицейское государство.

Руки вверх! Вы свободны.

Приимерно в 2005-м году мой друг решил пойти в армию. Помню, как меня, убеждённого антимилитариста, успешно скрывавшегося не первый год от военкомата, это сильно удивило. Тем более, что этот человек происходил из непростой семьи: сын полковника ФСБ, он мог себе позволить не только дорогой алкоголь, сигареты, наркотики и машины, но и дорогих друзей и дорогих любовниц. Зачем же в армию?

По случаю проводов был устроен роскошный приём в одном из столичных «элитных» клубов. Уже антимилитарист, но ещё далёкий от анархических идей, я поплёлся туда в полной растерянности, чтобы отдать дружеский долг.

Помимо наших общих знакомых (кто-то был мне добрым другом, кого-то я видел всего пару раз), за столом сидели родители А. и мрачные люди в камуфляжах с офицерскими знаками отличий, а также один достаточно высокий чин из ВДВ, участник боевых действий на Северном Кавказе, герой России. На самом деле мрачные офицеры тоже щеголяли наградами, но я не запомнил какими.

Прежде чем оставить нас делать то, что ожидается от любого собрания молодых людей и девушек в нашем возрасте (напиваться, накуриваться и разбредаться парочками по углам), должна была состояться официальная часть. Было сказано много речей о чести и совести российского офицера, о том, что не мальчик, но муж сделал правильный выбор. Что родина в опасности, враги подступают, и поэтому надо взрослеть и избавляться от иллюзий, брать в руки оружие для защиты родного края.

Надо ли говорить, что, пока взрослые сменяли друг друга, спрягая на разный манер эти нехитрые мысли (исключением была мама А., но по доброй патриархальной традиции её выступление прервали, и мысль доброй женщины потонула в пьяных криках героев России), молодёжь уверенно напивалась. Вскоре было достигнуто то состояние, когда язык напрямую связывается с душой, минуя мозг. Тосты подошли к концу, но взрослые решили выдержать паузу для приличия и «отобедать» с нами.

Застольные разговоры, ясное дело, крутились вокруг войны на Кавказе и геройских подвигов российских офицеров.

Нам с гордостью поведали о частых командировках всех присутствующих в Чечню, о том, что и самого виновника торжества возили в зону КТО, где он прыгал с парашютом и «охотился на зверьков». В ледящих душу подробностях было рассказано о карательных операциях против горных сёл, чьи жители уничтожались специальными группами ФСБ (офицеры одной такой группы и сидели с нами за столом) за родство с предполагаемыми «террористами».

Как говорится в известной сцене в «Бесславных ублюдках»:

- Что это?*
- Железный Крест.*
- Получил его за то, что убивал евреев?*

Позже в тот день уже в квартире своего друга я с тупым интересом рассматривал фотографии из «турпоездки» и пытался переварить всё услышанное. Люди, призванные защищать свой народ, уничтожают его без жалости и сожаления, даже не считая своих жертв людьми. Взрывают заживо, расстреливают из КПВТ, дают БТРами. И получают за это Героев России, чины и авторитет. Безусловный бестселлер начала 2000-х «ФСБ взрывает Россию» на тот момент ещё не попался мне на глаза, и я был далёк от всякой (в том числе и антиполитичной) политики. Но тень пролегла между мной и молодым потомком славного полковника ФСБ. Общение наше стало эпизодическим, а потом и вовсе сошло на нет.

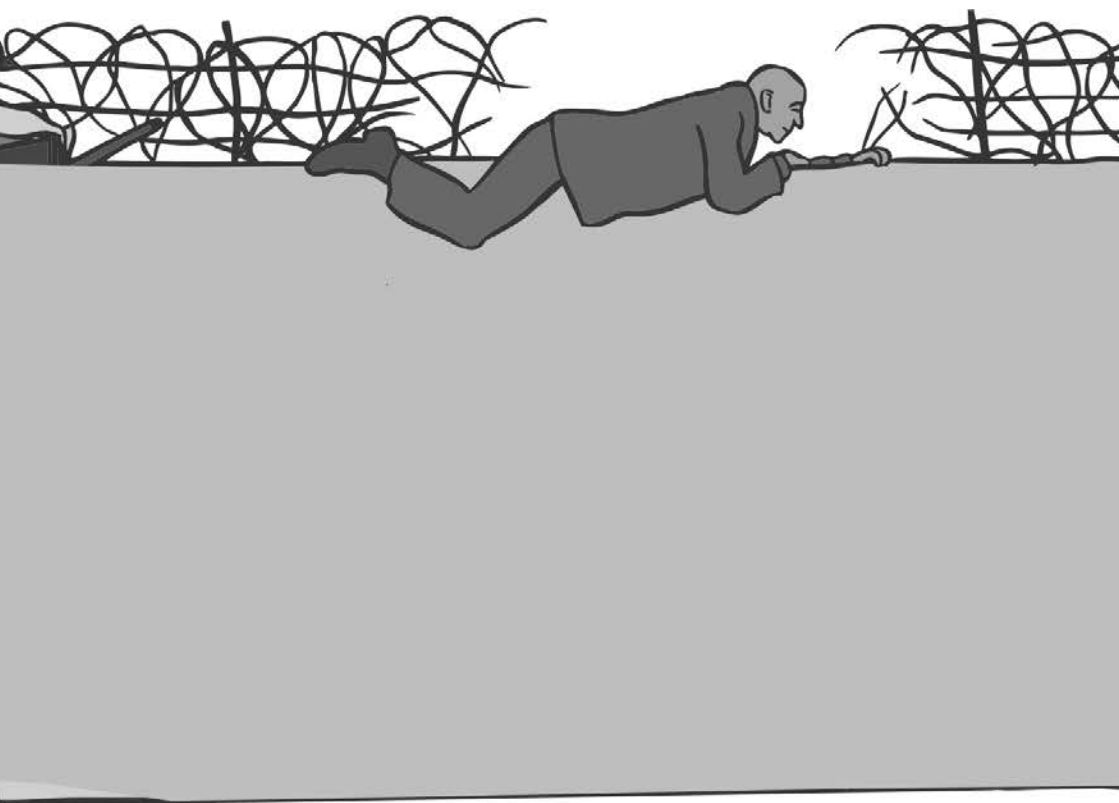
Несколько лет спустя я получил весточку о своём бывшем друге. Отучившись для вида один год в одной петербургской военной академии (занимаясь в основном вымогательством денег у дилеров героина), он вернулся в столицу и устроился в офис к бывшему сослуживцу отца. Всё вернулось на круги своя: алкоголь, машины, наркотики, дорогие любовницы. С военной карьерой было покончено. Родина может спать спокойно.

DO NOT CROSS

POLICE

*Нужно ли нам ещё раз
повторить, что мы здесь,
чтобы охранять вашу
свободу?*

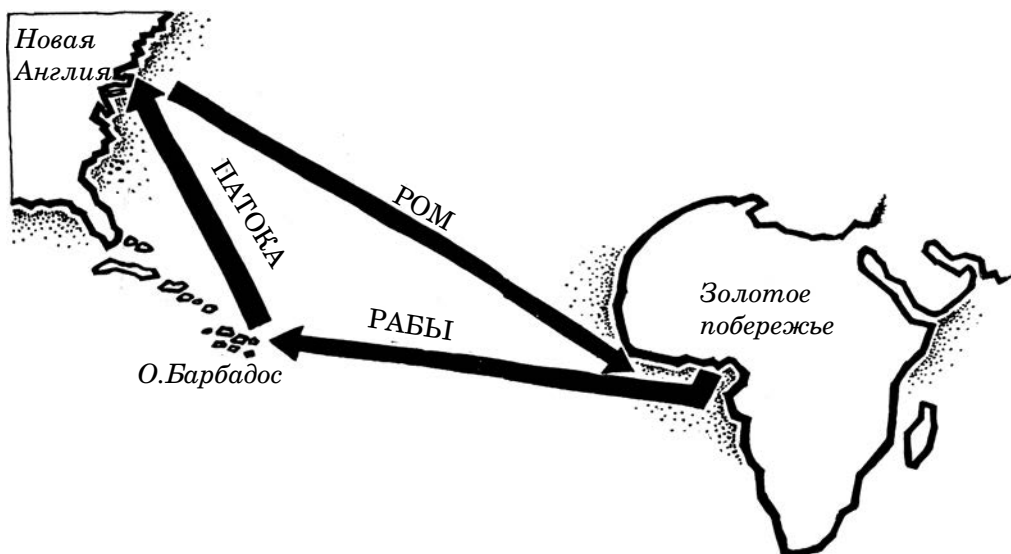
Гастарбайтеры

Зачем люди нелегально пересекают границы в поисках работы? Разве это не является доказательством того, что экономические условия в США, ЕС и России лучше, чем в Мексике, Марокко и Узбекистане? Разве у нас нет права защищаться от этих незваных гостей?

Весь этот нонсенс — всё *та же* экономика. Товары, работа, прибыль теперь беспрепятственно пересекают границы, которые служат исключительно для ограничения свободы перемещения простых людей, чтобы упростить их эксплуатацию. Не только границы, но и сами нации являются искусственными конструктами, как и термин «нелегальный иммигрант» — все вместе они служат легитимизации разделения рабочих на касты. Но чтобы разобраться во всём этом, придётся отправиться на пару веков в прошлое.

Когда конкистадоры подняли свои паруса, их главной задачей было получение ресурсов, чтобы поддержать борьбу своей родины на европейском континенте. Там, где им встречались иерархические общества, они, прежде всего, избавлялись от местной знати. Там, где с местными жителями возникали трудности, их вырезали полностью или изгоняли с земель. К наиболее богатой в биологическом отношении части планеты — тропическим лесам — отнеслись как к сокровищнице: её принялись грабить. До сего дня эта часть Земли остаётся наиболее бедной и эксплуатируемой. Более холодные регионы, менее богатые тем, что можно было бы разграбить (вроде Северной Америки), были заселены людьми, для которых не нашлось места в Европе. В итоге потомки этих переселенцев сами стали богатой нацией, потому что им удалось добиться того, что богатство оставалось в их стране, а не отправлялось в Европу. Это справедливо даже для Австралии, которая вообще начинала в качестве тюремной колонии. Когда империи первоначальных колонизаторов начали рушиться, новые властные структуры уже достаточно прочно укрепились, чтобы захватить господство.

Поэтому сказка об иностранцах, которые приезжают, чтобы

захватить местные ресурсы и выкачать деньги из местной экономики, это проекция. Потому что именно это делали поселенцы с родиной этих самых иммигрантов многие столетия подряд. Аналогично Франция нещадно эксплуатировала Северную Африку, а Российская Империя — Кавказ и страны Средней Азии. Каждый раз, когда американская корпорация создаёт аутлет в другой стране и отправляет прибыль на родину, процесс эксплуатации работника работодателем воспроизводится на уровне отношений между народами. Международный Валютный Фонд и Всемирный Банк могут навязать так называемым развивающимся странам «программы структурной адаптации»⁵ в обмен на денежные ссуды. Они могут делать это именно потому, что эти страны слишком долго давали себя эксплуатировать.

Гастарбайтеры — это неизбежный результат неравномерного «развития». И в этом явлении нет ничего нового. Китайские иммигранты были завезены в США уже после отмены рабства для поддержания хлопковой индустрии и строительства трансконтинентальных железных дорог. Расистские законы отказывали им в гражданстве и праве на землю и, в конечном счёте, десятки тысяч этих людей были выдвинуты из страны, но в скором времени их место заняли мексиканцы.

В XX веке процессы приглашения иммиграции и изгнания мексиканцев сменяли один другой. В течение обеих мировых войн

⁵ В рамках так называемой программы структурной адаптации МВФ и ВБ определяют жёсткие условия кредитования развивающихся стран, включая дерегулирование, либерализацию и приватизацию. Эти меры укрепляют позиции транснационального капитала, одновременно ослабляя позиции большинства населения в развивающемся мире. Ликвидация социальных и экологических защитных механизмов (которые могли бы охладить пыл инвесторов) и сокращения в общественном секторе оборачиваются недоступностью образования и здравоохранения, крайним ростом стоимости жизни, сокращением рабочих мест, безработицей и урезанием профсоюзных прав.

их покупали как дешёвую рабочую силу, а потом изгоняли, чтобы пережить неизбежный экономический кризис. Первоначально контроль за границей находился в ведении Министерства Труда, потому что это имело отношение к управлению трудовыми резервами. И даже тогда, когда законы должны были бы защищать права мигрантов, работодатели умудрялись обходить законодательство, чтобы урезать их заработную плату. А мигранты продолжали трудиться из экономической необходимости.

Коллапс мексиканской экономики в 1980-х заставил мелких земельных собственников продать свою собственность и отправиться на рынок труда в поиске наёмной работы. В северной части страны появились макиладорас, которые использовали преимущество в дешёвой рабочей силе для того, чтобы избежать влияния североамериканских законов об охране труда и окружающей среды. Десятилетие спустя, те же самые факторы вынудили часть этих предприятий переместить свои мощности на Дальний Восток, а рабочим ничего не осталось, как отправиться дальше на север, чтобы искать трудоустройства на фермах и мясокомбинатах США. В наши дни выходцы с Дальнего Востока также используются в качестве гастарбайтеров, многие в недавно ставших богатыми регионах вроде Арабского полуострова.

Допускать гастарбайтеров на свою территорию лишь на тот срок, когда их труд выгоден, запрещать им оставаться или привозить свои семьи, это способ получить максимальную прибыль при минимальных затратах. Даже если рабочие отправляют на родину все заработанные деньги (за вычетом расходов на жизнь), всё равно их работодатели имеют большую выгоду, чем если бы они использовали труд местных жителей. А правительство экономит на школах и социальном обеспечении детей и родителей этих людей. То же самое касается и поденной работы, когда работодатель платит за часы работы. При такой схеме нет нужды оплачивать сотруднику соцпакет или платить за часы, когда он ничего не производит. Иммигранты без документов, которые работают «из-под стола», воплощают в жизнь «либертарианскую» мечту капиталистов о нерегулируемом рынке прямо сейчас. Так, те, чьи родные страны оказались разграблены колонизаторами, должны сами же доставлять себя к порогам жилищ колонизаторов, чтобы снова предлагать себя на разграбление.

Не-граждане, «нелегальные» или нет, являются особенно уязвимой прослойкой рабочего класса, даже когда они не происходят родом из разграбленных регионов. У них нет той защиты перед «законом», которая есть у граждан. Если они пытаются организоваться для рабочей борьбы, их сразу же увольняют или депортируют (это произошло со всеми участниками первой в новейшей российской истории демонстрации гастарбайтеров в 2011 году). Поэтому их чаще всего используют, чтобы сорвать забастовки и помешать работе профсоюзов. И это только подливает масла в расистские настроения на рабочих местах.

Штрафы для работодателей, которые нанимают нелегальных иммигрантов, всего лишь снижают зарплату для рабочих. С точки зрения начальства, риски оправданы только в случае, если падает цена, а рабочие всё равно готовы работать, неважно, за какую зарплату. Аналогично пограничная служба не столько препятствует въезду иммигрантов без документов, сколько не даёт им покинуть страну: если людям нужна работа, они найдут способ пересечь границу. Но с надеждой легко вернуться домой придётся распрощаться. В результате в США постоянно растёт вечно маргинализированная популяция, которая уже не может быть привлечена к труду специфическими вакансиями. В наши дни на территории США проживает порядка 12 миллионов нелегальных иммигрантов, многие из которых прожили в этой стране большую часть своих жизней.

Противоположностью труда мигрантов является аутсорсинг: рабочее место мигрирует, а сами рабочие остаются на своих местах. Благодаря новым технологиям корпорациям, больше нет нужды отправляться в «развивающиеся страны», чтобы грабить их. И зазывать оттуда рабочих тоже не нужно: они могут эксплуатировать их труд за смехотворно низкую плату прямо по месту жительства.

Сегодня, в то время как различные народности всё больше смешиваются, мировая экономика поделена на *зоны привилегий*, которые не столько навязываются в пространственном измерении, сколько в измерении идентичностей. Некоторые из них встроены в закон и их поддерживают соответствующие предписания; другие навязываются экономическими или социальными структурами. В данном контексте система национальностей дополняет классовую старомодными кастами, в результате чего происходит легальное ограничение прав и свободы передвижения бедных иммигрантов, если только они не могут устроить брак с представителем(представительницей) высшей касты. Это лишь один из многих способов, которыми осуществляется фрагментация рабочего класса с целью сделать его наиболее уязвимым для эксплуатации.

Завоёвывай, грабь и эксплуатируй выживших за конкурентно низкую зарплату

Через пару часов мы остановились в одном из боковых каньонов, чтобы перебинтовать раны девушки. “Сколько тебе?” — спросил я.

“Пятнадцать. Я жила в Орегоне с тех пор, как мне исполнилось два. Что же мне делать в Мексике? Я там никогда не была. Я не знаю там никого. Я так и не смогла связаться с родителями с самого дня депортации. Придётся продолжать пытаться установить с ними связь”.

Вот уже четыре дня и четыре ночи они блуждали в пустыне, потерянные. У сальвадорца был сотовый, который не обслуживался на территории США. На нём было полно фотографий тех мест, где они побывали, и людей, которых увидели. “Смотри, какая гора! — он действительно предлагал мне посмотреть. — Мы перешли через неё! Там было так красиво. Мы думали, что там и умрём”.

Пока они приходили в себя, он спросил меня, сколько стоит завезти бак моего пикапа. Я ответил, что порядка 75 бачей.

— “Семьдесят пять? Долларов?”

— “Ага, — подтвердил я, полагая, что для него это, должно быть, большие деньги. — А в Эль Сальвадоре сколько?”

— “150, может быть 200”.

— “Двести? Долларов? Господи боже! Сколько там платят в час?”

— “До того, как уехать, я зарабатывал 8 долларов в день на стройке”.

Я достал карандаш, и мы занялись математикой. После долгих вычислений мы пришли к трём выводам:

1) 150-200 долларов за бак — это порядка 20 дней работы при зарплате 8 долларов за день.

2) Я зарабатываю порядка 15 долларов в час, то есть около 120 долларов в день.

3) Получалось, что бак бензина на 175 долларов для жителя Сальвадора стоил столько же, сколько для меня 2500-долларовый запас бензина.

“Мда, это проблема”, — выдавил я.

“И очень серьёзная, — согласился мой спутник. — Они привязали нашу валюту к доллару, и всё выросло в цене. Там попросту невозможно жить теперь”.

Через неделю он позвонил от брата в Юте. Они пересекли пустыню.

Один день в тюрьме. Два дня в тюрьме. Три дня в тюрьме. Месяц в тюрьме. Дверь закрывается и открывается, потом снова закрывается и снова открывается. Три месяца тюрьмы. Год тюрьмы. Мне необходимо знать, думают ли обо мне друзья так же сильно, как думаю о них я. Дни тянутся слишком медленно. Четыреста восемьдесят два дня тюрьмы. Четыреста восемьдесят три дня тюрьмы. Четыреста восемьдесят... Сбился. Блядь. Так даже лучше. В тюрьме попытки отсчитывать время лишены смысла. Арифметика лишена смысла. В тюрьме особый запах. Запах, который проникает глубоко-глубоко и навсегда остаётся с тобой. От него не отмыться. Вчера отмечал два полных календаря в тюрьме. Два ёбанных года. Не спал. Забыл уже, как улыбаться. Как видеть сны. «Щёлк-щёлк» в ночи. Утренняя проверка. Что они рассчитывают найти, нары? Семьсот пятьдесят один день в тюрьме. Удовлетворены, дорогие мои судьи? Свиньи. Семьсот пятьдесят три свиньи. Приходят и уходят. Они уходят, и я ухожу. Камера — 3х3 метра. Из окна второго этажа я вижу 20% неба. Всё остальное — ебучая тюремная ограда. Я выхожу на прогулку как робот. Накручиваю километры в тюремном двореке, а он всего-то несколько метров в длину. Сегодня я выблевал душу. Выблевал прутья, стены, одиночки, годы заключения, приговоры. Выблевал три года срока. Не хочу больше считать. Зажмуриваю и думаю. Думаю о товарищах, которых спрятали подальше от меня в других тюрьмах. Думаю о горящих тюрьмах. Думаю обо всём том, о чём я должен был забыть, сидя в тюрьме. Думаю об улыбке, о ласке, о путешествии, которое не заканчивается здесь, о взгляде, который не могут заточить в тюрьму. Хватит думать. Разжимаю ладонь. Смотрю на пилку. Теперь я знаю. Я точно знаю, что я должен сделать. Итак, ещё разок. Теперь с чувством. И до конца. Да здравствует Анархия!

Заключённые

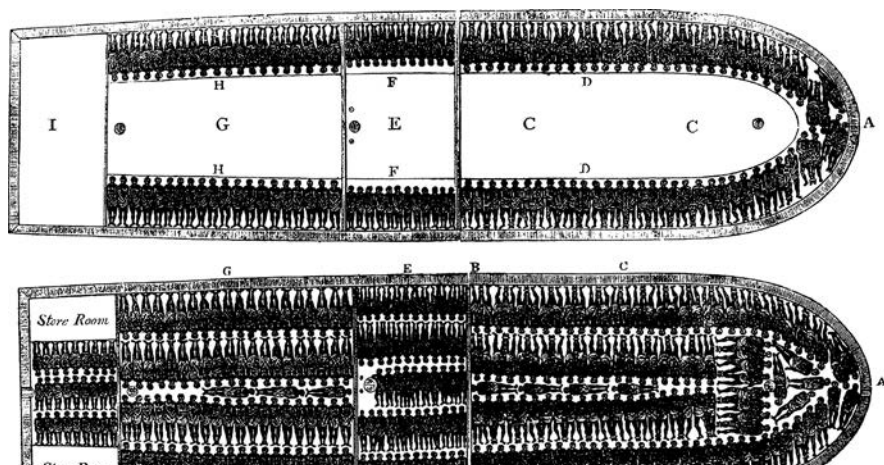
Какова функция тюремной системы? Прежде всего, удерживать в повиновении людей, находящихся *в тюрьмах другого рода*. Тюрьмы нужны не столько для охраны порядка, сколько для защиты и навязывания неравенства, производимого рыночной экономикой. Принуждение и контроль, символами которых они являются, — это не сбой в работе свободного общества, а необходимое условие для существования капитализма. Тюрьмы — это просто-напросто более крайнее воплощение той же логики, которая проявляется в праве частной собственности и государственных границах.

На данный момент в тюрьмах и изоляторах США содержится более 2,4 миллионов человек (в России это число приближается к 650 тысячам). Это самое высокое число заключённых в мире. Ещё порядка 5 миллионов находятся под домашним арестом, или подписками о невыезде, или освобождены под залог до суда. Большая часть заключённых отбывает срок за преступления против частной собственности или незаконную предпринимательскую деятельность. Тюремная индустрия сама по себе является составной частью экономики США: один час труда заключённого стоит меньше доллара, полученную продукцию можно продавать как самим заключённым, так и правительству США, а к производству привлечены сотни тысяч тюремщиков, которые в иных обстоятельствах имели бы весьма смутные карьерные перспективы.

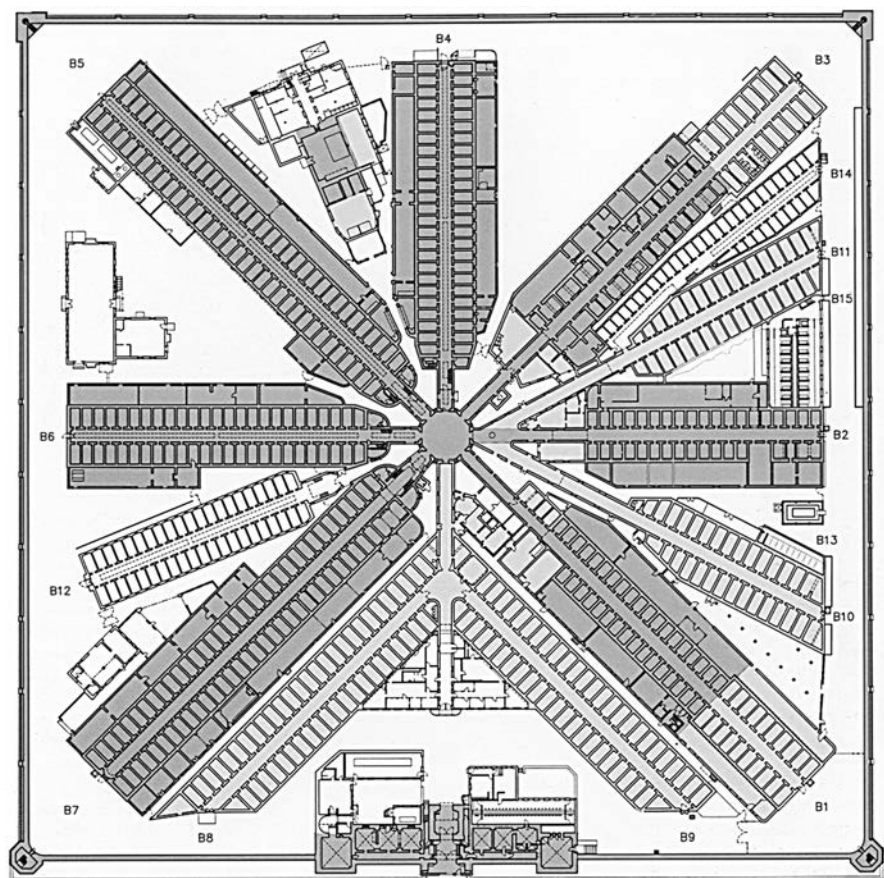
Почти половина заключённых — чёрные, хотя чернокожие американцы составляют вовсе не 50% от общего населения США. Можно с легкостью проследить, как тюремная система развилась из рабовладельческой. В некоторых случаях это очевидно: например, приговорённые к пожизненному заключению в Государственной тюрьме Луизианы до сих пор работают на хлопковых плантациях точно так же, как до Гражданской Войны это делали рабы.

Очень легко было бы объяснить такую ситуацию фразой: «Расисты зарабатывают на цветных», — но не всё так просто. Тюрьмы являются фундаментальным инструментом в разрешении ряда проблем, которые неизбежно возникают при капитализме.

По мере того, как капиталисты накапливают всё больше и больше богатств, у эксплуатируемых и угнетённых остаётся всё меньше причин подчиняться законам, защищающим частную собственность. До формирования современной тюремной системы, большая часть городского населения или принимала участие в «криминальной» деятельности, или по крайней мере с симпатией относилась к тем, кто ей занимался. Для решения этой проблемы было необходимо изолировать непокорных. Было создано понятие «криминальный элемент» — теперь можно было перейти к изоляции и контролю. Тюремная система и сопутствующие ей формы наказания и надзора обеспечивают институционализированное

Тюрьмы — корабли работорговцев на суше

разделение на рабочих и «преступников», закрепляют в культурных и этических терминах то, что уже удалось закрепить в физическом разделении общества на две части. Как и всякое прочее разделение (рабочий и раб, гражданин и иммигрант), это разделение призвано раздробить и ослабить тех, кто оказался «не с той» стороны капитализма. Для «добропорядочного» трудяги проблемы преступников — это их собственные проблемы. И винить за них они должны только себя.

Поэтому тюрьмы являются лишь одним из проявлений проекта по созданию класса преступников. Он жизненно необходим для функционирования промышленного капитализма. Не является совпадением и тот факт, что современная тюремная система появилась в ходе промышленной революции одновременно с заводами. Из него же мы можем получить ответ на вопрос о том, почему так распространены случаи «рецидивизма» и почему эту проблему никогда не решают: чем больше уголовники как класс отличаются от всех других, тем легче их контролировать. Как только класс преступников отделён от прочего населения и поставлен в оппозицию к обществу, всякое преступление автоматически рассматривается как антиобщественное, а рабочие считают преступников, которые, может быть, когда-нибудь украдут у них, своими врагами, вместо того чтобы считать таковыми капиталистов, обкрадывающих рабочих на постоянной основе.

Тюрьмы также используются и для иных капиталистических задач по управлению эксплуатируемыми и исключёнными. Например, переход от одного способа производства к другому всегда требует колоссальных трудозатрат и большого количества ресурсов. Так, Британия смогла завершить индустриализацию только благодаря разграблению заморских колоний. В то же время, по мере того как производство становится всё более эффективным, всё большая часть населения страны оказывается «избыточной»: в труде этих людей нет никакой необходимости. Во времена Британской Империи эта проблема решалась путём отправки «преступников» в тюремные колонии вроде Австралии. Тюремная индустрия помогает решить обе эти проблемы: и насильно привлечь большое количество дешёвой рабочей силы, и установить контроль над теми, кто оказался вытеснен из экономики. Как правило, и та, и другая задачи решаются одновременно.

Активное использование труда заключённых появилось в США сразу после Гражданской Войны для упрощения задачи получения дешёвой рабочей силы, обеспечения белого контроля над недавно освобождёнными рабами и ускоренной индустриализации Юга. Два поколения спустя большевики захватили власть в России, используя для этого платформу сильной государственной власти как наиболее эффективного метода индустриализации, целью которой было догнать и перегнать Запад. Процесс индустриализации потребовал разграбления, заточения в ГУЛАГ и убийства миллионов человек: сначала во имя национализации богатств, по-

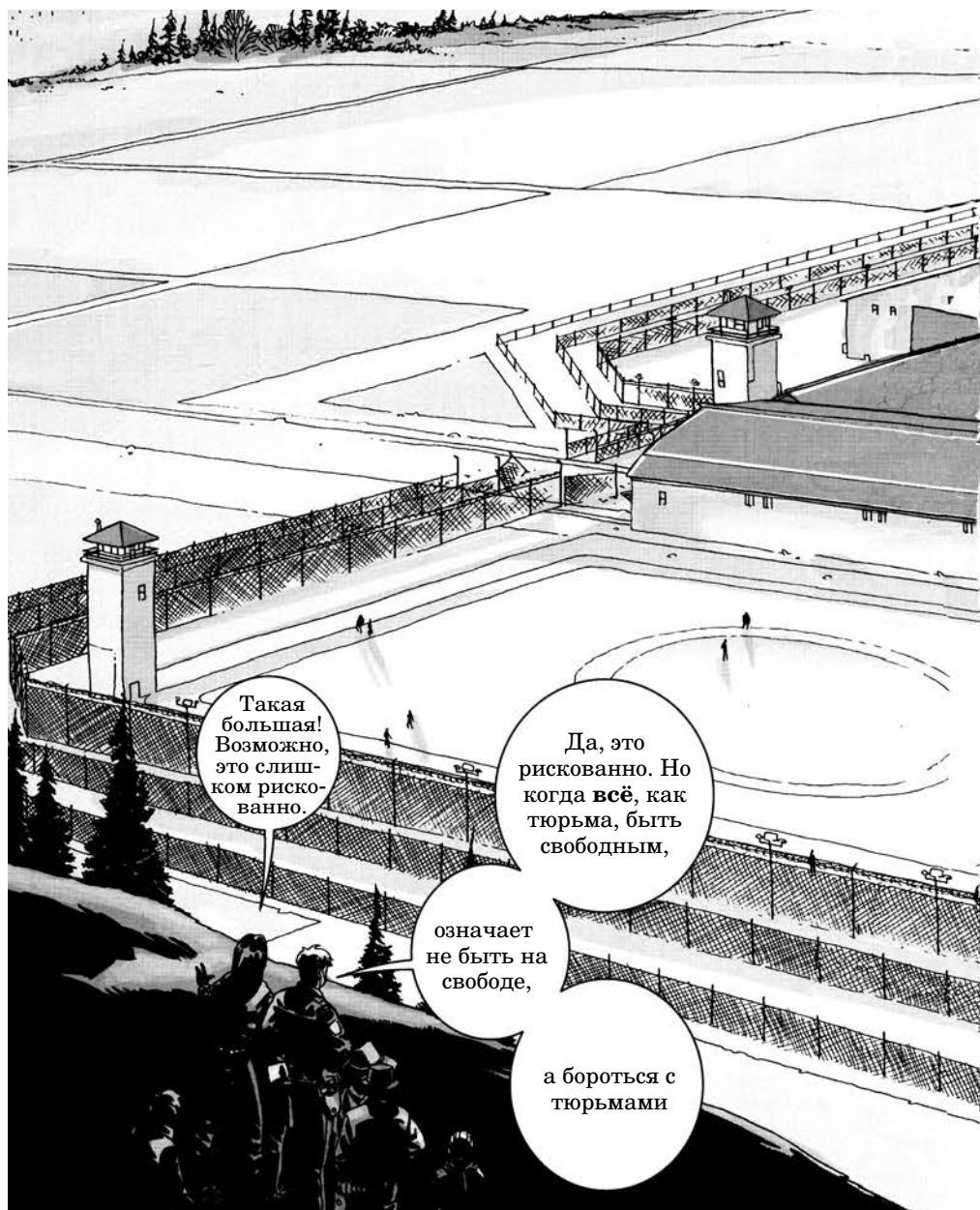
том для запугивания и навязывания экономических ролей гражданам страны. Нацисты использовали похожий подход при попытке вдохнуть вторую жизнь в германскую экономику. Так же поступал и целый ряд «развивающихся государств» по обе стороны железного занавеса уже после Второй мировой войны. Таким образом, многие бывшие колонии промышленно развитых западных держав смогли начать стремительные экономические преобразования ценой жизни собственных граждан. К жителям собственных стран власти стали относиться так же, как в прошлом к ним относились иностранные империалисты.

В долгосрочной перспективе оказалось, что обкрадывание собственного народа и массовое тюремное заключение являются эффективными стимулами экономического роста на начальном этапе, но не оправдывают себя при продолжительном развитии. Советский Союз и другие страны государственного капитализма были вынуждены в конечном счёте перейти к использованию модели свободного рынка, которая предлагала больше возможностей для конкуренции, при этом сохраняя все иерархии, развившиеся за время существования так называемого социализма.

Но тюрьмы не потеряли своей роли при переходе от государственного капитализма к капитализму свободного рынка. По мере того как процесс индустриализации в более бедных странах заставил компании переместить производственные мощности в погоне за дешёвой рабочей силой, а ряд технологических инноваций просто-напросто отменил целый пласт рабочих мест, в США появился целый новый класс людей, которые оказались избыточными для системы массового производства. Это совпало с мощными государственными репрессиями против освободительных движений чёрных и ко-

ренных народов Америки в 1960-х. Что же могло сделать правительство, чтобы сохранить под контролем этот избыточный и буйный класс граждан? Ответ заключался в стремительном росте тюремного населения страны.

Сегодня в тюрьмах США томится не меньше людей, чем в со-

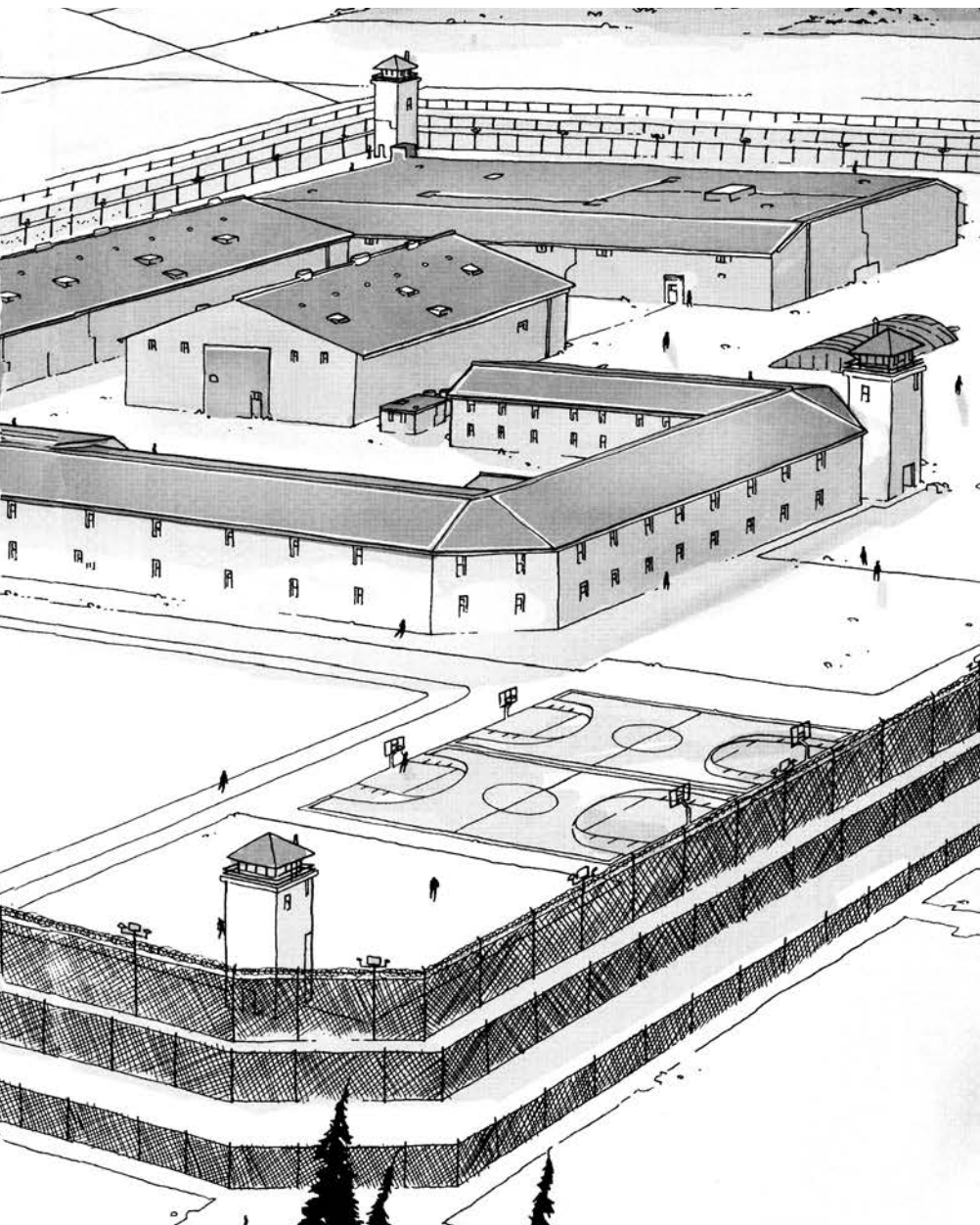
Такая
большая!
Возможно,
это слишком
рискованно.

Да, это
рискованно. Но
когда **всё**, как
тюрьма, быть
свободным,

означает
не быть на
свободе,

а бороться с
тюрьмами

ветском ГУЛАГе на пике могущества Сталина. Это больше, чем общая численность вооружённых сил США, включая резервы. Тюремная индустрия использует беспрецедентно высокое количество средств наблюдения и контроля, но в результате создаёт прослойку людей, которым нечего ждать от капитализма.

Безработные и бездомные

В мире достаточно товаров для всех нас, но они скорее выкинут их, чем поделятся с тобой.

Разве может быть где-то хуже, чем в тюрьме? Должно быть, ведь некоторые люди стараются попасть в тюрьму, чтобы пережить зиму.

Люди могут упасть в цене, как и любой другой рыночный товар. К работе применимы те же законы спроса и предложения: чем больше доступно рабочих, тем дешевле их можно купить. Безработная часть населения служит двойной цели снижения заработной платы и напоминания работающим товарищам об угрозе оказаться один на один с мусорным контейнером. Безработные унижаются вдвойне, когда вынуждены умолять взять их на унижительную работу, и это запутывает всех ещё больше, потому что стороннему наблюдателю кажется, что они и рады быть эксплуатируемыми, когда на самом деле это вопрос выбора наименьшего из двух зол.

Сто лет назад апостолы технологического прогресса заявляли, что прогресс освободит людей от работы и создаст общество, наполненное приятным досугом. И хотя новые технологии действительно уничтожили рабочие места, это в значительной степени использовалось для экономии средств работодателей, а не на благо всего общества. С точки зрения безработных, свободное время и доступ к ресурсам — это разные части экономического спектра. Вот и говорите теперь о том, что технология освобождает!

Да, капитализм производит богатство, но он также производит куда больше нищеты. Не существует верхнего предела накопления личного богатства, зато существует вполне определённый нижний предел, до которого можно грабить любого человека. Поэтому для существования нескольких миллиардеров требуется так много бедняков.

Безработица — это одна из форм исключения из рыночных отношений. Вторая — это бездомность. И обе они усиливают друг друга по линиям обратной связи. В США насчитывается более миллиона безработных. По всему миру таких больше миллиарда:

люди живут в фавелах, лагерях беженцев и в ещё более худших условиях. Когда мы думаем о малоимущих, то на ум приходят самострой и самозахват на периферии крупных городов, но в ряде стран в подобного рода местах живёт большая часть населения. Значительное число вновь прибывающих в такие места жителей руководствуется вовсе не поиском работы — их сгоняют с насиженных мест в результате уничтожения их традиционных жизненных укладов. Нужда в рабочей силе на фабриках стабильно падает, и трущобы функционируют в качестве накопителя нежелательных элементов в тех регионах, которые не могут себе позволить развитый сектор услуг. Смысл в том, чтобы удерживать эту часть населения в пределах досягаемости потогонных мастерских и заводов, но при этом подальше от богатых.

Как и безработные, исключённые играют отведённую им роль в капиталистической системе уже самым фактом своего существования — они напоминают всем остальным о последствиях выпадения из системы. Но этого недостаточно: ради того, чтобы экономический успех ассоциировался с личными качествами человека, необходимо, чтобы казалось, что исключённые *сами повинны* в своей судьбе. Их, лишённых всякой собственности и надежды, легко изобразить озлобленными и социально опасными. И вместе с тем совсем недавно, до появления частной собственности, люди поровну распределяли между собой доступ к необходимым ресурсам. И если какие-то люди и народы оказались сейчас за чертой бедности, так это потому, что их самих — или их предков — *ограбили*. Для подтверждения этой мысли достаточно всего лишь открыть книги и прочитать об истории жестокой колониальной политики в Америке, Африке, Индии и Китае. И этот процесс продолжается по сей день, пока работа одного обогащает другого.

Некоторые возмущаются программами помощи малоимущим, которые финансируются за счёт налогов: почему это кто-то должен жить за счёт тяжёлого труда других? Но этот вопрос разумнее адресовать политикам и начальству. Потому что каждый бедняк, который когда-то работал за заработную плату, помогал богачам наживаться за счёт своего собственного тяжёлого труда. Часть налогов, направляемых на социальные программы, — это лишь один из примеров того, как богатство возвращается в распоряжение того самого класса, который его производит. Программы социальной помощи — это плод многолетней борьбы общественных активистов. И каждый раз, когда богатые чувствуют себя достаточно уверенно и не боятся немедленного восстания бедняков, они пытаются их отменить.

«Есть такие тюрьмы, где человек находится за решёткой, а всё, чего он жаждет, — снаружи; а есть другие, где всё наоборот: человек находится снаружи, а всё, чего он жаждет, — за решёткой».
Эптон Синклер

Мы не говорим, что подобные программы могут стать эффективным лекарством от капитализма. Они (и благотворительные организации) плодят бюрократов из числа представителей среднего класса, в то же самое время распространяя вокруг нуждающихся ауру стыда и бессилия. Системы социальной поддержки и благотворительности распределяют богатство на условиях богатей: другими словами, этот процесс служит сохранению существующего властного дисбаланса. Социальные службы особенно грешат плотными связями с тем самым аппаратом контроля и репрессий, который и выгоняет на улицы людей: они пользуются теми же самыми базами данных, навязывают такие же обязательные к выполнению программы и относятся к нищим с тем же презрением, что и полиция. Единственное средство от бедности — это самозахват бедняками ресурсов и использование их по своему усмотрению.

Тактики, находящиеся в распоряжении исключённых, относятся к разделу скорее революционных, чем реформистских. Они не могут бастовать, но они могут заблокировать дорогу, как это делают пикетерос в Аргентине. Они не могут устроить бойкот, но могут взять товары в магазине и выйти, не заплатив. Они не могут отказаться платить по счетам, но могут захватывать дома и землю. С распространением нищеты распространяются и эти тактики.

«Всякий, кто работал с "программами по борьбе с бедностью" в американских гетто или был свидетелем их функционирования, прекрасно понимает, как действует "гуманитарная помощь" для "недоразвитых" стран. В обоих случаях обогащаются самые пронырливые авантюристы; в обоих случаях наиболее болеющие душой за помощь нуждающимся или выгорают, или впадают в отчаяние, или уходят в подполье. На фоне продолжающейся нищеты плодятся безмолвные миллионы лишённых. И более того, их реакция на навязанные условия жизни показывается широкой мировой общественности как "криминальная"».

Джеймс Болдуин

Вне рынка

На периферии рыночных отношений находятся такие люди, которым удаётся вести докапиталистический образ жизни. Некоторые из них — это индейские народности, сражающиеся за сохранение своих традиций. Другие — исключённые, которых экономика проглотила, пожевала и выплюнула. С ростом мыльного пузыря глобального рынка те, кто существует вне системы, обнаруживают, что их жизненное пространство постоянно сужается. Поэтому уже почти никто не может представить себе, какой была жизнь в те времена, когда все необходимые ресурсы были доступны каждому и каждой.

До недавнего времени большая часть человечества получала всё необходимое непосредственно с земли, на которой жила. Это обеспечивало определённую безопасность в тяжёлые времена. Теперь же практически всякий вынужден покупать всё, что ему необходимо для выживания: экономическая рецессия стала катастрофой столь же опасной, как землетрясения и цунами, хотя рецессия — катастрофа абсолютно искусственная. И тогда как природные катастрофы случаются время от времени и остаются в прошлом, капитализм «всегда с тобой»: голод может быть временным, а бедность постоянна.

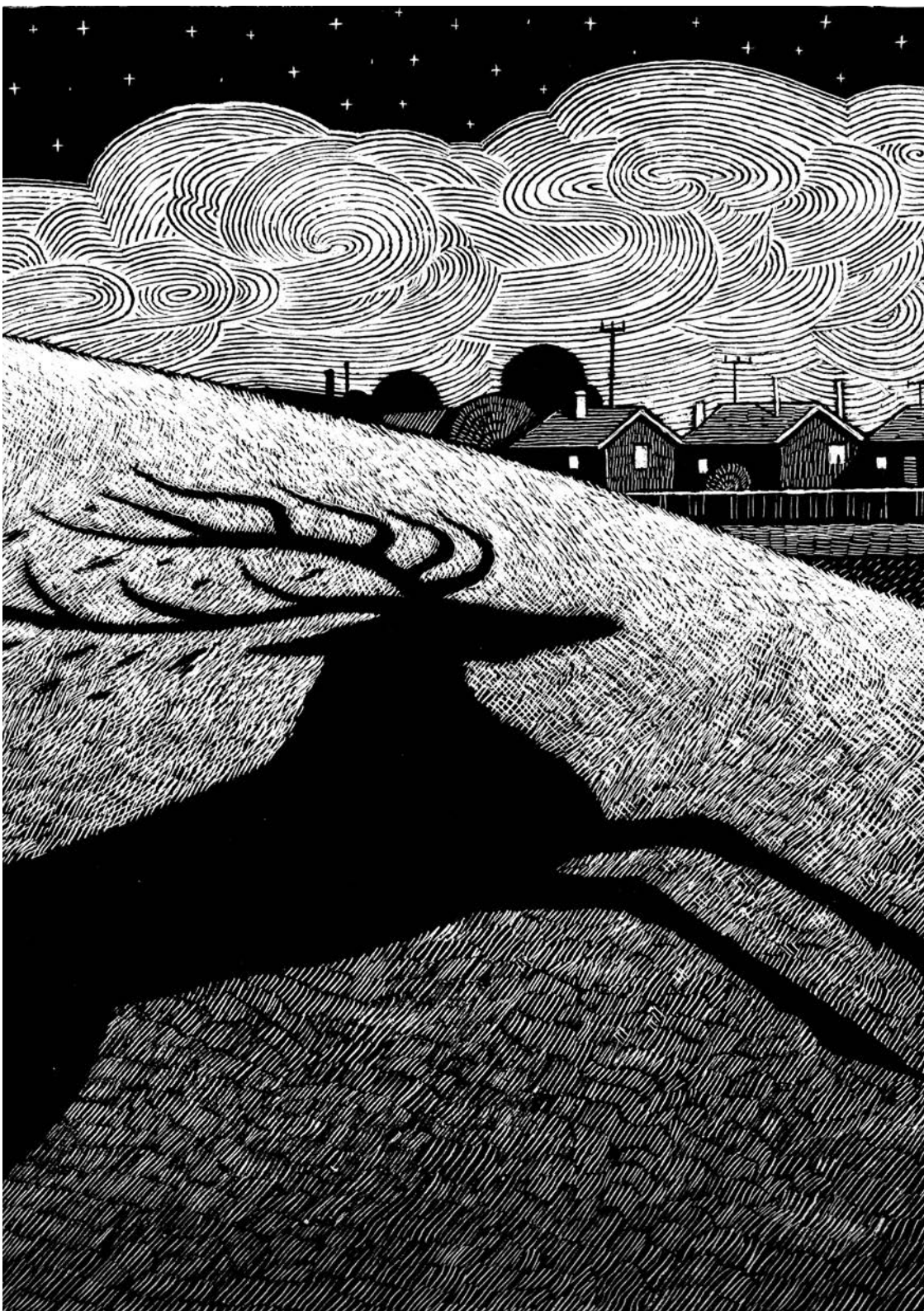
И всё же даже сегодня ещё сохранились те аспекты человеческих жизней, где не властна логика прибыли и конкуренции: отношения между друзьями и родными или тёплый ветерок в летний полдень. Самое лучшее в жизни по-прежнему бесплатно. Это такая деятельность, которая сама по себе является наградой, это дарение без всяких условностей и ожиданий. Всё это по-прежнему необходимо в нашем обществе, принимают ли эти отношения форму дворового чемпионата по футболу или программного обеспечения open-source⁶. Да, многое из этого находится в карантине сужа-

⁶Открытое программное обеспечение — программное обеспечение с открытым исходным кодом. Исходный код таких программ доступен для просмотра, изучения и изменения, что позволяет пользователю принять участие в доработке самой открытой программы, использовать код для создания новых программ и исправления в них ошибок — через заимствование исходного кода, если это позволяет совместимость лицензий, или через изучение использованных алгоритмов, структур данных, технологий, методик и интерфейсов (поскольку исходный код может существенно дополнять документацию, а при отсутствии таковой сам служит документацией).

ющего социального контекста, многое возможно только между равными, подобно тому, как древние афиняне практиковали демократию среди равных и при этом поголовно имели рабов. Но показательным является то, что даже самые богатые, те, кто всеми силами пытается сохранить свои привилегии, всё равно предпочитают именно такие отношения, когда они могут себе их позволить. Крайне трудно себе представить, что всё будет поглощено экономикой, как бы далеко ни заходил процесс колонизации в наши дни.

С другой стороны, те, кто пытается бежать за пределы рынка, редко уходят далеко. Большая часть отдалённых коммун всё ещё вынуждена приобретать в собственности или арендовать пространство для жилья, платить налоги, решать проблемы, возникающие вследствие того, что члены коммуны сохраняют капиталистическую систему ценностей и эмоциональные травмы, полученные за время жизни в системе. В долгосрочной перспективе такая автономия способна породить такого же рода систему ценностей, как и частное предпринимательство. Попытки создания автономных пространств на задворках капиталистического общества, в условиях колоссального давления и влияния со стороны этого самого общества, как правило, представляют собой более бедные версии того, каким мог бы быть другой мир. В худших случаях они деморализуют своих участников, и те способствуют распространению мысли о том, что подобные утопические альтернативы обречены на провал, вызывая в товарищах ощущение того, что проект рухнул по причине их собственных ошибок, а не вследствие влияния капиталистических условий. Те пространства, которым удаётся выжить, часто замыкаются на себя, теряя всякую надежду стать катализаторами более массовых общественных изменений.

Подобные попытки эскапизма часто применялись для ещё большего распространения капитализма. Это имело место при исходе европейских беженцев в так называемый Новый Свет. Но в те дни беглецы, по крайней мере, могли перейти фронтир и присоединиться к некапиталистическим сообществам — и очень часто они именно так и поступали, принимая сторону индейских племён в борьбе с бывшими соотечественниками. Но в наши дни фронтир отодвинут на самый край земли. И тем, кто хочет вырваться из капиталистического ярма, придётся сражаться там, где они живут.

Животные, растения, минералы

Животные, а в равной степени и растения, минералы, да и *всё прочее*, рассматриваются экономикой точно так же, как и мы сами. С гамбургером в руке рабочий глядит в зеркало. Что он там видит? Он видит колоссальный жизненный потенциал другого живого существа, низведённый до уровня товара массового потребления. То же самое верно и в отношении веганской альтернативы: монокультура соевых бобов наносит природе не меньший вред, чем промышленное сельское хозяйство. Трупы миллиардов живых существ сваливаются к основанию экономической пирамиды. Если нанести визит на скотобойню или в лабораторию по вивисекции, легко представить себе, что ещё существующие на планете виды живых существ очень завидуют уже исчезнувшим.

От требований рынка не застрахованы ни ледники, ни горы. Сама земля систематически превращается в отходы производства. Это — конечный результат жизни, которую мы ведём в рамках института частной собственности и руководящих подобной жизнью мотивов. Живые существа редуцированы до объектов экономики, а материальный мир вокруг нас подчинён власти предрассудков о самодовлетворении через потребление.

Не-люди насильно загоняются в рамки экономической системы точно так же, как до недавнего времени поступали со всеми не-европейцами. Некоторым позволено сохранять свою маленькую автономию для развлечения потребителей: в национальных парках, охотничьих заказниках, в качестве одомашненных животных. Те же зоны привилегий, разделяющие человеческое общество, разделяют и другие виды: собака Лионы Хелмсли наследует миллионы долларов, а коров и свиней убивают миллиардами.

Но если мы относимся к нашим ещё живым соседям по планете как к игрушкам в наших играх во власть, то легко забыть, что не так давно человеческие существа тоже ощущали себя частью природы. Мир всё ещё в состоянии показать, какой может быть жизнь без экономики. Прогуляйтесь по древнему лесу, и вы начнёте понимать, как много изобилия и разнообразия мы потеряли.

«Управленцы говорят нам, что всё, что плавает, ползает, ходит и летает, проводит всю свою жизнь в работе, чтобы прокормиться. Они торопятся убедить нас в своей победе. Ещё не все виды уничтожены. Тебе, читатель, достаточно лишь оказаться среди них или же понаблюдать за ними издали, чтобы увидеть, что их жизни наполнены танцами, играми и праздниками. Даже охота, выслеживание, нападение и убийство не являются тем, что можно было бы назвать Работой. Это то, что мы бы назвали Весельем. Единственные живые существа на планете, которые трудятся как каторжники — это мы с вами».

Фреди Перлман

Производство

В результате работы производится множество всего: это и материальные товары, и информация, и организации, и культура, и даже сам её смысл. Но, прежде всего, работа производит рабочих и капиталистов, одно поколение за другим. Функция производства — это не просто создание потребительских товаров, но воспроизводство социальных структур и властных отношений, которые вынуждают людей работать. Другими словами, работа *производит цену ради воспроизводства ценностей*.

Капитализм необычайно продуктивен, и с этим трудно спорить. Вознаграждения и опасности свободного рынка заставляют людей искать инновационные решения и трудиться в поте лица. Но впечатление может быть обманчиво. Производство не создаёт товары из ниоткуда. Оно преобразует время, энергию, полезные ископаемые в товары массового потребления. Это в полной мере относится и к неосознаваемым товарам вроде компьютерных программ. И хотя у произведённых таким образом товаров существует рыночная стоимость, но время, энергия и полезные ископаемые могли бы быть более ценными для нас в своих первозданных формах. Например, деревья представляют большую ценность для экосистемы, если их ещё не превратили в бумажный мусор, аналогично тому, что иногда программист предпочтёт провести солнечный полдень в лесу с дочерью, а не за компьютерным кодом. Термином «производство» можно описать процесс, при котором всё встраивается в экономику: приватизация целого мира, дерево за деревом, рабочий час за рабочим часом, идея за идеей, геном за геномом.

Это вовсе не значит, что при капиталистическом производстве никогда не получается товаров, которые были бы желаемы вовне капитализма. Наше общество производит огромное, избыточное количество товаров. Много больше, чем необходимо для нашего выживания. Значительная их часть — это разные полезные инструменты, доставляющие удовольствие предметы роскоши и элементы знания, которые расширяют наш кругозор. Но эти же самые товары играют роль символов статусности, устанавливая иерархии и способствуя стратификации власти: вот почему существуют дизайнерская одежда и загородные виллы, пустующие большую часть года. Они необходимы для овеществления и конкретизации существующего социального неравенства.

Всё возрастающий темп производства иногда заслоняет от нашего взора всё возрастающую диспропорцию во власти. В 1911 году автомобили могли себе позволить только очень богатые люди. К 2011 году на каждые 11 жителей планеты приходится 1 автомобиль. И если бы мы мерили качество жизни исключительно по доступности материальных благ, то можно было бы утверждать, что

жизнь большинства жителей планеты улучшилась. Однако вряд ли кто-то назовёт улучшением жизненных условий необходимость простаивать в пробке утром и вечером и по пути в магазин. Свидетельством этому является возвращение среднего класса из пригородов в густонаселённые центральные районы городов, где можно обходиться без машин. Тот класс, который в 1911 году использовал автомобили, давно пересел на частные реактивные самолёты, а все существующие автомобили с ужасающей скоростью отравляют атмосферу планеты — и расплачиваются за это своим здоровьем, как правило, вовсе не те, кто может себе позволить машину.

Если сутью человеческой жизни является не *контроль над миром вещей*, а *социально воспроизводимый смысл жизни и человеческие отношения*, тогда вся эта избыточная продукция лишена смысла. Пока богатство и власть распределены несправедливо, рост промышленного производства лишь в незначительной степени улучшает жизнь большинства. И по мере того, как всё больше и больше людей лишаются влияния на протекающие в обществе процессы, положение большинства будет неуклонно ухудшаться.

Производство проникает всё глубже в жизнь рабочих. Когда мы думаем о производстве в XIX веке, мы представляем себе рабочего, который принужден физически исполнять приказы. В наши дни приказы приходится выполнять умом, телом и душой. Приходится ассоциировать себя с работой. Нужно не просто производить материальные товары, но производить внимание, данные, моду, тренды; если человек работает аниматором или если он просто хипстер, то можно пытаться продавать собственный образ, но при этом надо всегда поспевать за модой.

Грань между производством и потреблением стирается по мере того, как новые сектора *экономики* поглощают рабочих целиком, погружая их с головой в процесс производства прибавочной стоимости. Например, при обновлении онлайн-профиля в социальной сети студент дополняет интернет-контент, за что компания, занимающаяся контекстной рекламой, получает прибыль.

Большая часть подобного производства культуры и информации остаётся неоплаченной, хотя при этом мы помогаем капиталистам зарабатывать. Когда-то журналисты могли получить работу в местных газетах маленьких городков; теперь эти газеты вытеснены из бизнеса блоггерами, которые делают своё дело бесплатно. Когда-то андеграундные музыкальные группы делали собственные релизы и продавали их за незначительную цену. Теперь, если они хотят, чтобы кто-то пришёл на их концерт, им придётся заплатить за запись, чтобы потом выложить её в Интернет для бесплатного скачивания. По сути, они предлагают демо непосредственно публике, минуя звукозаписывающую компанию. Весь бесплатный контент добавляет к капитализации самого Интернета, наполняя карманы таких магнатов от технологии как Билл Гейтс или Стив Джобс, которые продавали (один из них ещё продаёт) средства доступа к контенту. И пока капиталисты контролируют

средства производства материальных благ, свободное распределение информации будет скорее склонять чашу весов в их пользу, растворяя средний класс в потоке информации и индустрии развлечений.

«Свободные» формы производства не остались без внимания. Мы говорим о вещах вроде краудсорсинга, когда добровольцы организовываются для решения конкретных проблем или улучшения какого-то товара. И свободное распределение, и добровольное производство являются идеалом эры тотальной безработицы, когда существует насущная необходимость не только успокоить безработных, но и найти им какое-то применение. Возможно, в будущем бесплатная волонтерская работа станет частью капиталистической системы, вместо того чтобы находиться к ней в оппозиции, как сейчас, по мере того, как богатая элита будет привлекать всё больше и больше временных и безработных ради сохранения своей власти и их зависимости. И самое подлое — это то, что подобная бесплатная работа для стороннего наблюдателя будет казаться чем-то, что делается в интересах общества, а не элиты.

Ирония заключается в том, что бесплатное производство и распределение кажутся сейчас отличительными признаками антикапиталистической деятельности. Но чтобы в результате нашей деятельности наступил перелом в распределении власти, мы должны покончить с частной собственностью на капитал.

Придаток плоти на стальной машине

Потребление

«Единственное «свободное», что есть в так называемом «свободном времени», — это то, что босс свободен за него не платить. Мы тратим свободное время на то, чтобы подготовиться к работе, добраться до работы, вернуться с работы и отдохнуть от работы. Свободное время — это эвфемизм для того удивительного процесса, при котором рабочий, являясь субъектом производства, не только сам оплачивает своё перемещение на рабочее место и обратно, но ещё и несёт всю ответственность за собственное обслуживание и восстановление. Уголь и сталь на это не способны. Станки и печатные машины этого не делают».

Боб Блэк

Для успешного функционирования капитализма необходимо, чтобы рабочие имели доступ к производимым ими самими товарам только через рынок. Если они смогут производить и напрямую брать всё, что им необходимо, капиталисты не смогут получать прибыль. Это разделение между производством и потреблением навязывается при каждом переходе к капитализму. По мере его распространения вширь и вглубь, мы становимся свидетелями отделения рабочих от всех аспектов окружающего мира.

И само собой, что потребляются не только продукты *оплачиваемого* труда. Европейские колонизаторы обвиняли индейские племена в каннибализме зачастую для оправдания их порабощения. Но в наши дни многие из этих народов остались в людской памяти только в виде названий городов или спортивных команд, а их сельскохозяйственные культуры и религиозные традиции продаются на бензозаправках. Ну и кто кого поглотил?

Как только всех удаётся загнать в рамки рыночных отношений, на свет являются новые аспекты капитализма. С ростом производства само выживание оказывается подвержено инфляции: необходимо всё больше ресурсов для полноценного участия в общественной жизни. Несколько веков назад крестьяне полагались

только на экономику бартера для получения небольшого количества необходимых товаров. Всё остальное они спокойно выращивали сами или выменивали у соседей. Современный потребитель обязан иметь сотовый телефон, телевизор, компьютер, машину, банковский счёт и открытый кредит, страховку и ещё кучу всякой всячины — и всё это только для того, чтобы быть частью общества и при этом даже не иметь в нём какого-то влияния. Если бы нашему крестьянину из прошлого посчастливилось каким-то чудом стать хозяином любого из вышеперечисленного, он бы сразу стал богачом по меркам своего времени, но современный потребитель может иметь всё это и оставаться бедняком. Инфляция производит класс людей, которые исключены из общества прямо посреди великого изобилия всевозможных товаров.

То же самое случается и на уровне наций и народов. Когда одно общество несётся со всех ног в погоне за тем, чтобы обогнать в научном и производственном плане всех соседей, чтобы завоевать их (или, как минимум, получить прибыль за их счёт), всем остальным волей-неволей приходится включаться в гонку. Кому же хочется быть бедным и эксплуатируемым? Подобного рода давление является причиной столь разрушительной для дикой природы индустриализации в «развивающихся» странах.

Сами став товарами, рабочие потребляют товары, потому что только так они могут проявить собственную власть. Как только альтернатива бесконечному потреблению скрывается за горизонтом, покупки перестают считаться необходимым злом и становятся священным ритуалом; в капиталистической религии, где финансовая власть тождественна общественной значимости (и, следовательно, возможность тратиться является показателем больших человеческих достоинств), трата денег стала формой общения с всевышним. Магазин — это храм, где регулярное отправление ритуала покупки подтверждает место потребителя в обществе. Большая часть нашего свободного времени отведена ритуалам, в которых единственный смысл — это трата денег: это то, о чём потом говорят: хорошо провели время или сходила на свидание.

В XX веке массовое производство создало гомогенную потребительскую культуру. Но как только расширение рынка достигло пределов, капиталисты сместили акцент в сторону диверсификации потребительского выбора. В результате бунтарские субкультуры, возникшие как реакция на общество массового потребления, оказались превращены в рыночные ниши. Продвижение индивидуальности и «отличий» стало формулой для продолжающегося распространения культуры потребления и получения прибыли с каждого недовольного антикапиталиста.

Сегодня для каждой идентичности есть своя линия продуктов: для каждой этнической группы, для людей всех возможных сексуальных предпочтений и политических взглядов. Эти товары невозможно отделить от идентичностей, которым они предназначены: когда поп-звезда поёт о том, что ему нравится в женщине, он

поёт о её духах, косметике и одежде. Даже самые бунтарские субкультурные идентичности основаны на потребительских паттернах, а именно — на общей эстетике.

Сейчас, когда рабочие силы и местные общины постоянно разбиваются и переформируются вновь под воздействием экономического давления, не является удивительным тот факт, что люди определяют себя больше через свою потребительскую деятельность, чем через роль в процессе производства. Неуправляемые кварталы джентрифицируют, бунтующие этнические группы делят на тех, кого отправляют в тюрьму, и тех, кого ассимилируют; всякое общественное объединение, которое занимает радикальную позицию в вопросе защиты своих интересов, скорейшим образом уничтожают. Возможно, это объясняет, почему антикапиталистическая оппозиция распространяется как идеологическая идентичность, но уменьшается в качестве силы, способной бороться за средства производства и физическое пространство. В сложившихся условиях сопротивление невозможно. Оно должно принять новые формы. Значительная часть недавних инноваций в тактиках сопротивления стала возможной при смене театра повстанческих действий с производственного на потребительский.

В то же время всякая форма сопротивления, которая не апеллирует к источникам проблемы, абсорбируется обратно в рыночные отношения. Всплески гнева против отдельных симптомов капитализма создали этическое потребление, которое служит только дальнейшему стимулированию экономики. Для продуктов, вроде «выращенные на свободе цыплята» или «фейр-трейд⁷ кофе», «этическая» составляющая — всего лишь ещё один маркетинговый козырь, призванный повысить потребительскую стоимость товара. В условиях свободного рынка цена продукции определяется вовсе не материальными затратами на производство, а тем, сколько готов заплатить потребитель. Поэтому цена не заложена в товар: даже бензин можно продать только в рамках определённых общественных отношений. Общественные конструкты вроде «возобновляемый», «перерабатываемый», «натуральный» — это востребованные товарные характеристики, которые помогают добавить *нематериальную составляющую стоимости* к продукции, позволяя продать её по завышенной цене даже в условиях экономического спада. Благие намерения потребителей используются для упрочнения системы, которая и породила эти проблемы. И пока на планете правит капитализм, всякие свободные куры и сапатистские сборщики кофе будут существовать только до тех пор, пока это будет выгодно.

⁷Справедливая Торговля (Fair Trade) — пока совершенно неизвестное российскому потребителю социальное движение и рыночная модель международной торговли, обеспечивающая правовые гарантии фактически производителям товара, адекватную стоимость продуктов труда и защиту окружающей среды. Чаще всего это товары, для изготовления которых применяется ручной труд (кофе, чай, бананы, шоколад, рис, какао, мёд, хлопок, вино, свежие фрукты, специи).

Давным-давно
Это был лес
И всё было бесплатно

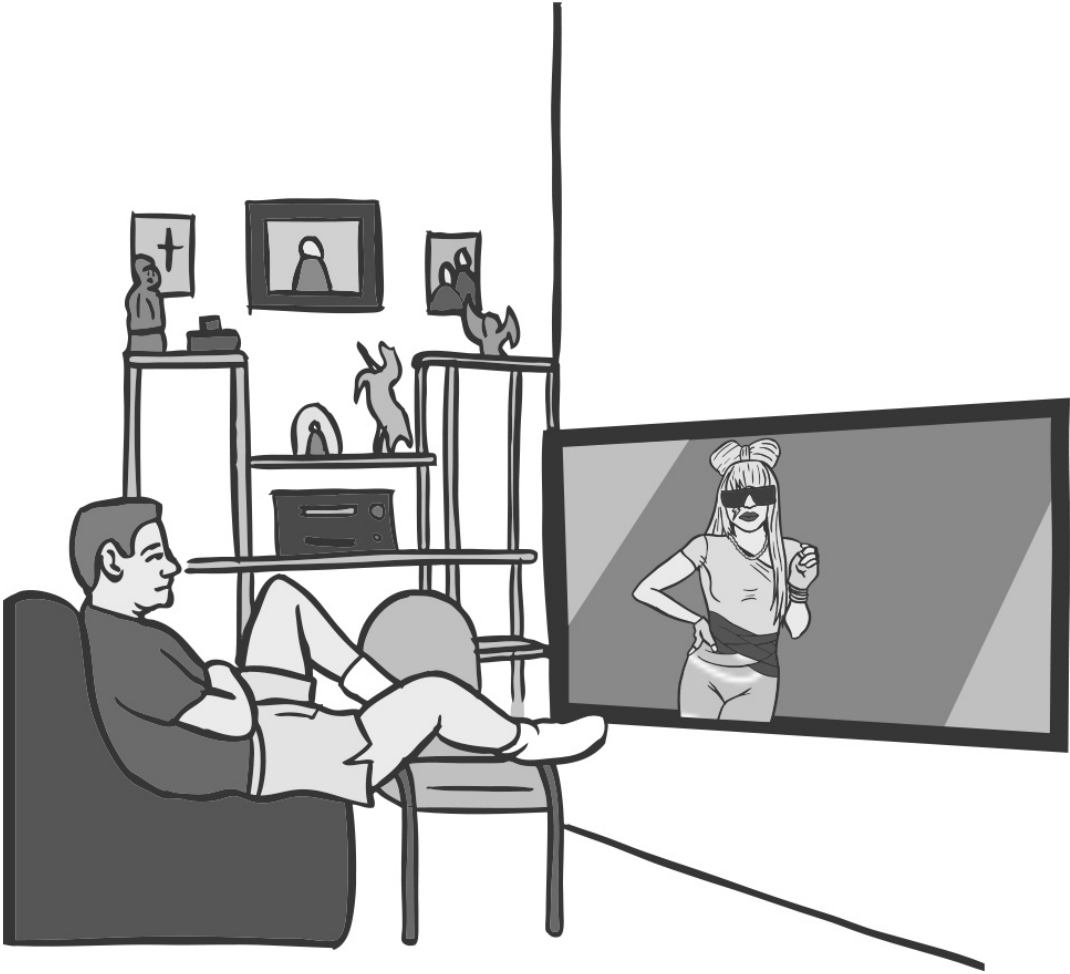
Медиа

В общем и целом СМИ создают своеобразное пространство человеческих мыслей, определяющее коллективное мышление. Медиа превращает наше существование, память и формы общения в нечто искусственное и внешнее по отношению к нам самим, хотя технологический процесс стремительно встраивает это внешнее пространство в наше внутреннее мироощущение. Книги, аудиозаписи, фильмы, радиопередачи, телевизор, Интернет, сотовые телефоны — все эти последовательные инновации всё глубже и глубже проникали в нашу повседневную жизнь, взяв на себя функции посредников во всё больших аспектах нашего каждодневного существования.

Средства массовой информации появились наряду с массовым производством, они сделали стандартизированный поток информации единым и понятным миллионам потребителей. Реклама — лишь один из примеров того, как важны были СМИ для формирования рынка массового потребления, ведь именно СМИ формируют покупательные запросы тех, кто поддерживает шестерёнки мирового капиталистического агрегата. Корпорации до сих пор рассматривают общество как чашку петри, где человеческие предпочтения выращивают подобно бактериям. Для этого используются все средства: начиная с психологии и заканчивая авангардной эстетикой. Последствия затронули все аспекты наших жизней. Например, политики давно уже продают себя как товар, они рассматривают избирателей как потребителей, которые накануне выборов хотят знать, *какого политика они покупают, что под упаковкой.*

До конца XX века СМИ были односторонними: информация текла в одну сторону, а внимание — в другую. В общем и целом вся критика СМИ сводилась именно к этому аспекту структуры медиа. Их обвиняли в том, что маленькая клика по сути получила колоссальную власть над обществом, превратив всех остальных в зрителей. Альтернативные, подпольные медиа-проекты исследовали более коллективные и децентрализованные формы организации.

С появлением широкодоступных цифровых медиа участие и

децентрализация стали мейнстримом. Во многом именно Интернету мы обязаны появлением свободных и достаточно сильных пространств для новых видов общения. Базовая модель развивалась академическими исследователями, чью работу финансировали военные, а вовсе не частный сектор, поэтому модель получилась функциональной, а не прибыльной. По сей день большая часть Интернета остаётся чем-то вроде Дикого Запада: в сети крайне сложно навязать применение традиционных законов, охраняющих частную собственность. Появившаяся у миллионов людей возможность напрямую и совершенно бесплатно обмениваться контентом оказала колоссальное влияние на несколько направлений индустрии, а совместные проекты вроде Википедии и программ с открытым исходным кодом наглядно демонстрируют, как люди могут сообщать удовлетворять свои нужды без института частной собственности. Корпорации до сих пор ломают головы над тем, как зарабатывать деньги на Интернете таким образом, чтобы вырваться за рамки онлайн-магазинов и рекламы.

Однако несмотря на то, что всё больше и больше нашей жизни оцифровывается, мы не должны принимать на веру тезис, что это обязательно к лучшему. Капитализм процветает благодаря своей способности поглощать те аспекты нашего мира, которые в прошлом были свободными, чтобы затем предлагать их же за определённую плату. И мы имеем в виду не только деньги.

Мы должны обратить особое внимание на то, как *удобны* стали новые СМИ: удобство это может означать, что бесконечные возможности, дающиеся человеческой жизнью, преднамеренно ограничиваются. И действительно, в наши дни все эти инновации уже вовсе не столь опциональны: очень сложно поддерживать дружеские или деловые отношения без сотового телефона. Всё больше умственного труда и общественной жизни перетекает в технологическое пространство, где чётко картографируются все наши действия и связи. Это нужно корпорациям и государственным спецслужбам. От формата по определению зависит и характер всякой подобной деятельности и отношений.

В социальных сетях вроде ВКонтакте нет ничего нового. Новое только то, что они кажутся нам чем-то внешним по отношению к нам самим. Мы всегда жили в социальных сетях, просто раньше их нельзя было использовать для продажи рекламы. Теперь же они «открыты» заново, чтобы мы могли ими пользоваться. Люди поддерживали контакт со старыми друзьями, учились чему-то новому и узнавали об общественных событиях задолго до появления электронной почты, Гугла и Твиттера. Конечно, эти технологии оказались крайне полезными в мире, где столь немногие могут похвастаться тёплыми отношениями с собственными соседями или прожить больше пары лет на одном месте. Формы, которые принимает технология и наша повседневная жизнь, влияют друг на друга, делая всё менее возможной мысль о том, чтобы отделить одно от другого.

Ещё одно последствие распространения цифровых технологий — это инфляция информации. В мире накапливается всё больше и больше данных, поток информации постоянно ширится и убыстряется. Это ведёт к обесцениванию: обмен файлами и свободный доступ привели к спаду цен на фильмы и музыку в онлайн-магазинах. Также уменьшается наша возможность сосредотачивать внимание на какой-то определённой информации. Прежде всего, это означает, что мы видим в каждой отдельной новости всё меньше и меньше *смысла*. Мы оказались отлично приспособлены для ответа на вопросы «как?», но в полной растерянности, когда возникает вопрос «почему?».

По мере того, как наша потребность в доступе к информации и сам доступ продолжают расти и уже вышли за пределы того, что мы разумно можем осмыслить, информация как будто начинает существовать отдельно от нас. И это подозрительно напоминает разделение, которое необходимо для превращения рабочих в потребителей. Информация в сети на самом деле не является бесплатной: за компьютеры и доступ к Интернету всё равно приходится платить, не говоря уже об электрических и экологических издержках производства всего необходимого и поддержания в рабочем состоянии всех серверов планеты. А что если, когда мы станем совсем зависимы от этих технологий, корпорации решат взвинтить на них цены? Если им это удастся, то уже не только власть и знания, но даже и возможность поддерживать социальные связи будет напрямую зависеть от благосостояния человека.

С другой стороны, вероятно, этого можно и не опасаться. Возможно, что денежные конгломераты старого образца не смогут консолидировать свою власть в новых для условиях. То, как капитализм колонизирует наши жизни посредством цифровых технологий, совсем не похоже на старые формы колонизации.

Как в любой пирамидальной схеме, капитализму необходимо постоянное расширение, он должен поглощать всё новые и новые ресурсы и субъекты. Он уже распространился по всей планете. Последняя колониальная война ведётся у подножия Гималаев, на краю света. В теории, он вот-вот должен коллапсировать, потому что расширяться дальше некуда. Но что если он сможет продолжить расширяться в нас? Что если эти новые технологии — своего рода Нина, Пинта и Санта Мария⁸, приближающиеся к нашему собственному континенту умственных процессов и социальных связей?

Тогда Интернет можно рассматривать как ещё один слой отчуждения, основанный на материалистичной экономике. И если большая часть информации в сети доступна бесплатно, то это не только потому, что колонизация ещё не завершена, но и потому, что главной валютой для медиа является не доллар, а *внимание*. Внимание играет в информационной экономике ту же роль, кото-

⁸Санта-Мария, Пинта и Нина. Корабли флотилии Христофора Колумба, на которых он отправился на поиски морского пути в Индию, но в результате открыл новый континент — Америку.

рая отведена материальным ресурсам в промышленной. И даже если внимание не превращается в прибыль *онлайн*, оно всё же может обеспечить прибыль в оффлайне. Внимание и финансовый капитал — разные валюты, и ведут себя они по-разному, но обе усиливают дисбаланс власти.

Что на самом деле есть капитал? Как только мы лишим его всего флёра предрассудков, которые наделяют его аспектами чуть ли не природного явления, останется суть: это социальная конструкция, которая наделяет определённых людей возможностью накапливать власть. Без понятия частной собственности, которое на самом деле существует лишь до той поры, пока все в него верят, невозможно использование никаких материальных ресурсов в качестве капитала. В этом отношении права частной собственности служат той же цели, которой раньше служили заявления о божественном праве монархов на власть: и то, и другое — не более чем основания для системы распределения властных полномочий. Некоторые люди настолько страстно верят в право на частную собственность, что не отказываются от своей веры даже тогда, когда эти самые права используются для того, чтобы лишить их всякого влияния на общественные процессы. Можно сказать, что подобные люди находятся под воздействием *заклинания частной собственности*.

Аналогично, когда рекламный агент намеревается сделать некий мем «узнаваемым» и «звучащим», можно сказать, что он пытается *наложить заклинание*. И если внимание — это валюта в мире медиа, то получение внимания — это способ заставить людей поверить в существующие властные отношения. Решающим фактором является не то, верят ли люди тому, что им говорят, не то, считают ли они информацию достоверной, а то, насколько информация повлияла на их поведение.

Цифровые СМИ якобы могут похвастать децентрализованным характером, но в то же время каналы распространения этой информации крайне стандартизированы. Остерегайтесь сущностей, которые работают на привлечение внимания масс, даже если они не превращают это внимание в финансовый капитал. Настоящая власть Гугла и ВКонтакте не в их финансовых возможностях, а в том, как они структурируют поток информации.

Это не стоит воспринимать как критику технологии самой по себе. Мы просто хотим сказать, что технология — не нейтральная сила: технология всегда формируется общественными структурами, которые её породили и используют. Большая часть известных нам технологий была сформирована под воздействием императивов получения прибыли, но общество, основанное на иных ценностях, безусловно, могло бы произвести другие. По мере того, как цифровые технологии всё больше и больше оказываются встроены в ткань существующей реальности, самым важным вопросом становится уже не то, использовать технологии или нет, а то, как подорвать структуры, которые их произвели.

Масс-медиа XX-го века

Масс-медиа XXI-го века

Тела и симулякры

В век информации люди уже не столько физические тела, сколько набор данных. Наличие горячей воды и электричества в доме зависит больше от вашей кредитной истории, чем от того, сколько у вас денег в бумажнике. И подавно это никак не связано с тем, насколько вы замёрзли. То же самое справедливо по отношению к вашей способности взойти на борт самолёта, пересечь границу, быть нанятым на работу, снять квартиру или купить дом. Нас можно взломать, редактировать и даже стереть. Кража идентичности заменила похищения. Наши тела из плоти и крови стали неудобными дополнениями к записям о нас, которые хранят врачи, корпорации, школы, банки и федеральные службы безопасности.

В этом отношении проекции нас самих на социальную среду существуют не вовне экономики, но как её продолжения. Теперь резюме нужны не только вашим работодателям: на их основании принимаются решения о походе на свидание или формировании дружеских отношений. И наши работодатели, в свою очередь, уделяют большее внимание именно этим вторым, неформальным резюме.

Создаётся факсимиле целого мира: патенты на генетический материал, права собственности на идеи и произведения искусства, распечатки телефонных переговоров, результаты ЕГЭ, mp3 для музыки. Всё это картографируется и кодируется для удобства рынка и сил, которые навязывают его нам. И это факсимиле заменяет собой другие формы реальности: дети играют в интерактивные онлайн-игры вместо того, чтобы бегать на улице; экосистемы уничтожаются ради того, чтобы обеспечить энергией Интернет-серверы.

Это проявляется в том числе в том, как мы записываем данные. Например, с появлением цифровых технологий всё бесконечное разнообразие комбинаций стало возможным представить в бинарном коде. Когда мы превращаем уникальный сигнал в последовательность нулей и единиц, создаётся впечатление, что всё в мире можно свести к некоему набору взаимозаменяемых единиц. По той же логике материальный достаток можно представить в долларах. И пока мы вынуждены оценивать в деньгах часы наших жизней, к самому человеческому потенциалу относятся так, как если бы у него был абстрактный разменный курс.

Но ничто не является взаимозаменяемым. Некоторый обмен возможен только в одном направлении. Да, мы можем продавать собственные жизни по часам за деньги, но мы не можем их купить обратно ни за какие деньги на свете. Мы можем потреблять репрезентации различных приключений, которые бы хотели пережить, но это вовсе не то же самое, чем бы были наши собственные приключения и переживания. Мы можем создавать виртуальные образы самих себя, но это происходит вместо того, чтобы быть *самими собой*. И даже если мы определяем себя через оценки в дипломе о

высшем образовании или сумму на банковском счёте, мы всё равно живём в качестве людей из плоти и крови.

Мысль о том, что всё взаимозаменяемо, чрезвычайно широко распространилась в обществе. Например, есть люди, которые верят, что решением проблемы парникового эффекта является установление систем кредитов на углекислый газ, которые корпорации смогут покупать и продавать, чтобы регулировать выбросы CO₂. Это тот же самый подход, при котором все деревья кажутся взаимозаменяемыми: уничтожение Химкинского леса не причинит вреда экологии, если кто-то где-то посадит столько же деревьев, даже если это будет корпоративная гомогенная ферма для лесозаготовок.

Аналогично есть такие, которые утверждают, что переход к электронным медиа на самом деле благоприятно отразится на окружающей среде. Но желание защищать конкретный лес имеет больше общего с привязанностью к конкретным книгам, чем с идеей о том, что можно без каких-либо потерь оцифровать все библиотеки. Информационная база данных — это совсем не то же самое, что коллекция книг. И любой, кто этого не понимает, смотрит на мир через те же очки абстракции, которыми пользуются лесорубы.

Ты — твой ID

Защити свою собственность

Защити себя

Как и другие отжившие своё парадигмы, старомодный материализм стал прибежищем самых богатых. Так, коллекционирование произведений искусства является одним из немногих видов деятельности, где отдельные предметы до сих пор ценятся именно за свою уникальность и непреходящую ценность: картина Ван Гога ценна сама по себе, а не как эстетическая композиция, которую можно воспроизвести и продать.

Но теперь стала старомодной и ассоциация жадности с материализмом. Алчность стала абстрактной и метафизической. Теперь это не столько желание обладать чем-то в реальном мире, сколько стремление редуцировать материальное до символов статусности и контроля.

Несколько лет назад мне довелось работать в сельскохозяйственном комплексе площадью 42 акра в сердце тоmatной индустрии Северной Америки.

Парники полностью находились под компьютерным управлением, их обогревали паром и горячей водой из гигантской системы бойлеров и труб, а охлаждали вентиляторами и механическими веерами. Томатные побеги вырастали неестественно длинными, и их приходилось поддерживать сложными системами жизнеобеспечения. Их поливали из автоматических кранов, обкладывали утеплителем Horticultural Rock Wool, купали в химикатах и удобрениях, растягивали на леске, срывали все листья и оплодотворяли пчёлами, которые жили в специальных картонных ульях, разбросанных тут и там на манер миниатюрных панельных домов. Ульи неизбежно вымирали по мере того, как пчёлы гибли от отравления пестицидами. Поэтому их периодически заменяли новыми картонными многоэтажками.

Мы использовали круглые магнитные «ключи» для входа и выхода из теплицы. Режущий уши сигнал тревоги звучал всякий раз, когда дверь надолго оставалась открытой. У каждого сотрудника была пластиковая карточка учёта рабочего времени, которую надо было пробивать в начале и конце каждого рабочего дня. Знак, установленный рядом с перфоратором, гласил: «НЕТ ДЫРКИ — НЕТ ЗАРПЛАТЫ».

У каждого из нас был наладонник в водонепроницаемой упаковке. Мы носили их, прикреплёнными к поясу или на плече, и заносили туда всевозможные данные в ходе работы. Каждое утро я вводил свой идентификационный номер, задачу, номер парника и номер ряда. Наладонник начинал отмерять время моей работы. Он продолжал, пока я не заканчивал работу с данным рядом, или не уходил на перерыв, или не переключался на другую задачу. Если я собирал урожай, я вносил данные о количестве собранных ящиков урожая. Ящик за ящиком, ряд за рядом — каждая минута рабочего дня была запротоколирована.

Каждый день после работы мы выстраивались, чтобы сдать

наладонники на док-станции перед офисом, откуда данные автоматические загружались в какую-то гигантскую базу данных. Наши машины (а мы называли их именно так — нуэстрас макинас) присваивали нам «рейтинги эффективности», в процентах. «109» — могла иногда выдать моя машина в конце особенно напряжённого трудового дня. Это означало, что я выполнил 109 процентов того, что какой-то гринго в деловом костюме решил считать приемлемой дневной нормой выработки.

Когда «машины» только внедрили, надсмотрщик («супервайзор») сказал нам, что те, у кого будет самый высокий рейтинг эффективности по итогам недели, будут получать оплачиваемые выходные. Трудно передать, как сильно это отразилось на нашей культуре солидарности. Там, в парнике, мы всё делали с более-менее одной скоростью. Те, кто работал споро, притормаживали, чтобы помочь более медленным на их грядках, и в конце рабочего дня все выходили практически в одно время. Ящики каждого наполнены томатами. Под угрозой высылки обратно в Мексику мы все меньше всего хотели выделиться из общей массы, неважно, работая слишком медленно или слишком быстро.

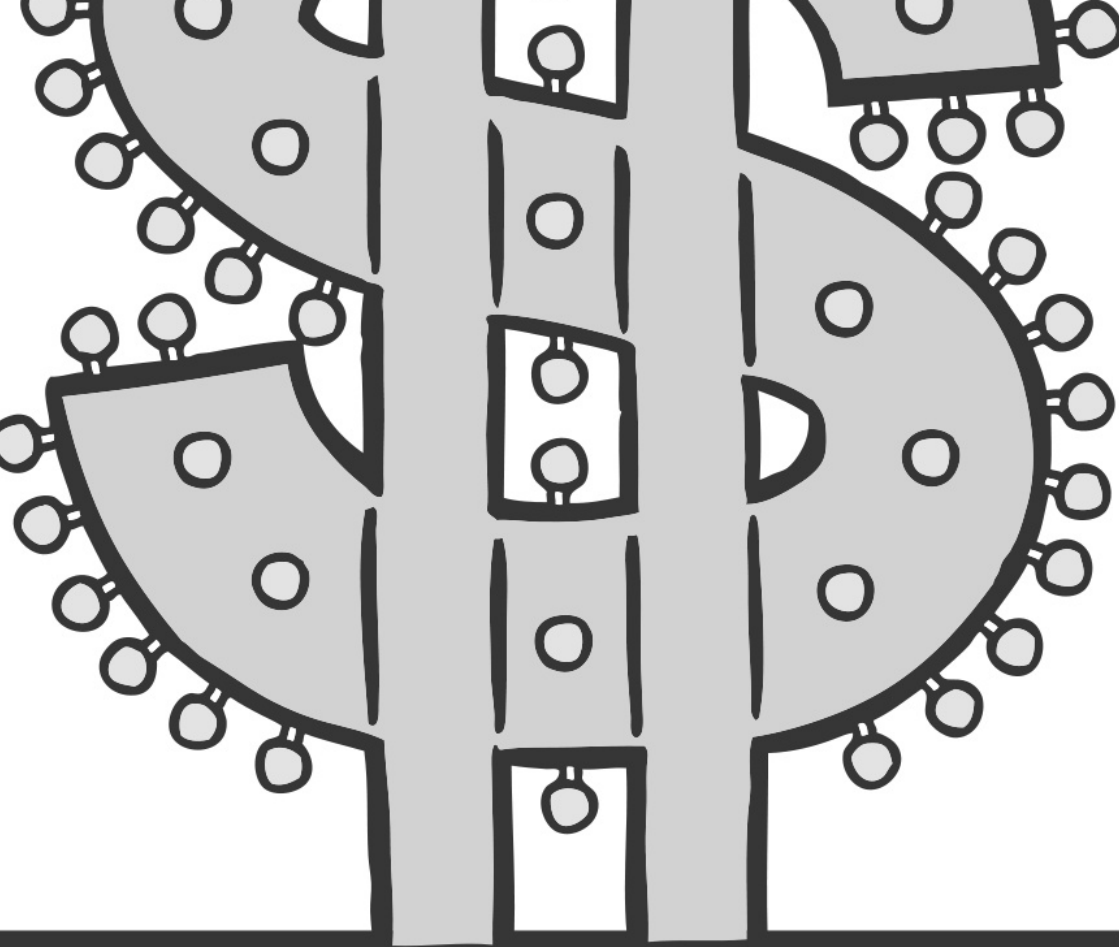
Но с внедрением нового планшетного режима, защищавшая нас анонимность равномерной работы была поставлена под удар, потому что каждый рабочий бросился вперёд с твёрдым намерением улучшить свой рейтинг эффективности. Товарищи теперь рассматривались как злые враги, которые только и ждут возможности выдать такой же или более высокий рейтинг. В конце концов, мы собрались, обсудили всё это и решили отказаться от использования наладонников. Наши хрупкое перемирие просуществовало несколько дней, пока, наконец, управляющие не нанесли ответный удар, отправив шестерых подозреваемых лидеров обратно в Мексику и объявив, что приз для самого быстрого работника отменяется. Тех, кого отправили на родину, заменили гастарбайтеры с Ямайки — откровенное проявление тактики «разделяй и властвуй». Все остальные сдались и вернулись к использованию планшетников.

Наладонники были столь эффективным средством контроля, что мы редко когда видели гринго, управлявших производством. Человеческий надзор был излишен. Контроль осуществлялся незаметно и легко — идеал для любого корпоративного департамента людских ресурсов. Начальнику не приходилось приглядывать за нами с кнутом наготове: кнут висел у нас на шеях, практически проник в наши головы.

С тех пор прошло достаточно много времени, но я часто возвращаюсь мыслями к наладонникам. Они дали мне возможность по-другому посмотреть на те технологии, которые мы принимаем как данность. Многие из них являются неотъемлемой частью нашего «досуга» — и они действительно являются «нашими» машинами. Но это всего лишь означает, что у них расширенные права доступа к нам.

Каждый раз, когда друзья шлют мне смс, я думаю о копиях сообщений, которые немедленно заносятся в базы данных федералов и корпораций. Когда они обновляют профили в "мордокнижке", я думаю о том, как скоро работодатели и арендодатели начнут использовать социальные сети для отслеживания нашей деятельности, определения уровня наших зарплат и страховых выплат. Что если наша эффективность на производстве, рейтинг кредитного доверия, количество «друзей» в «Вконтакте» и количество просмотренных роликов на YouTube — всё это будет учитываться при вычислении основного «рейтинга эффективности», который будет указывать нашу ценность для экономики? Что если нуэстрас макинас будут напрямую связаны с рынком ценных бумаг, чтобы брокеры могли продавать и покупать акции в реальном времени в зависимости от изменения этих рейтингов? И что если все мы получим доли в этом рынке ценных бумаг — не финансовые доли, а доли во внимании и статусности? Будет ли тогда возможно отделить самих себя от собственных экономических ролей?

Возможно, я слишком мнителен. В Египте люди просто-напросто использовали все эти технологии для координации широкомасштабного восстания. Хотя как только оно стартануло, правительство выдернуло вилку из розетки. Может быть, и мы тоже могли бы организовать что-то подобное в этой стране? Или мы слишком увлечены созданием виртуальных альтер эго в Вконтакте? Им придётся также отключать интернет на всей территории, или до этого даже не дойдёт?

400 *DJ BEST BUY CO (BBY) MKT ON CLOS

NIU	MUSE	MUSE	YH00	Y
50.15	1603.9	723.8	121	427.9
				3.5 37

Финансы

При капитализме *всё*, в конечном счёте, оказывается на рынке: не только материальные ценности и труд, но также и закладные, страховые полисы, налоговые льготы и всякая другая мыслимая форма богатства или прибыли. Долговые обязательства становятся точно таким же товаром, который можно купить или продать. Над материальной экономикой, в которой люди производят, покупают и продают товары, формируется ещё один слой капитализма, который состоит из иного рода спекуляций. Они всё больше и больше оказываются отделены от всякого материального воплощения.

Результат сюрреалистичен. Цены на акции стали столь важны, что корпоративные СЕО приносят в жертву краткосрочному росту цены акций долгосрочные прибыли. Сотрудники хедж-фондов⁹ с Уолл-стрит троллят блоги фермеров Среднего Запада ради получения преимущества при заключении фьючерсных сделок на сельскохозяйственную продукцию. Астрофизики по призванию разрабатывают сложные стратегии инвестирования в опционы. Банки скупают все налоговые долги в разных странах, чтобы потом продать их инвесторам в качестве финансового обеспечения. Одна инвестиционная компания приобретает долговые облигации только для того, чтобы играть против них же на бирже, а потом получать сверхприбыль в результате коллапса экономики.

Отношения на этом уровне рынка настолько сложны, что за ними не уследить даже самым влиятельным дельцам. И всё же с 1960-х годов огромная часть экономической деятельности сместилась с производства материальных товаров и услуг в сторону спекуляции на финансовых рынках вроде рынка ценных бумаг и производных от него.

В результате этого именно спекуляционный сектор экономики породил недавние экономические кризисы. Вопрос больше нельзя свести к прискорбному факту, что корпорации производят больше

⁹ Хедж-фонд (англ. *hedge fund*) — частный, не ограниченный нормативным регулированием, либо подверженный более слабому регулированию инвестиционный фонд, недоступный широкому кругу лиц и управляемый профессиональным инвестиционным управляющим. Отличается особой структурой вознаграждения за управление активами.

товаров, чем могут продать, или что они берут в долг больше, чем могут отдать. В наши дни банкиры, хедж-фонды, страховые компании и им подобные плетут огромную и сложную паутину финансовых взаимозависимостей по всему миру. Поэтому когда кто-то объявляет дефолт, инвесторы по всей сети теряют доверие, и вся паутина содрогается.

На первом уровне спекуляционной экономики находятся рынки, где реализуются более или менее понятные вещи. Это могут быть акции, которые являются ни чем иным, как правом на часть корпоративной собственности. Это могут быть товары, вроде полезных ископаемых или сельскохозяйственной продукции. И это могут быть облигации, которые по своей сути — долговые расписки, выданные корпорациями или правительственными структурами. Цену этих товаров относительно легко определить. Компания имеет некую цену, потому что владеет зданиями и техникой и приносит определённый ежеквартальный доход. Товары имеют цену, потому что все в них нуждаются и готовы за них платить. Облигации имеют цену, потому что представляют собой воплощённое обещание заплатить в будущем, как правило с процентами.

Но на основании этих рынков был возведён ещё один уровень «деривативов». Дериватив¹⁰ — это такой вид инвестиций, у которого отсутствует априорная цена. Цена получается за счёт чего-то другого. Например, опцион, который, по сути является контрактом, описывающим потенциальную сделку. Покупатель выплачивает определённую сумму и получает право или купить, или продать данные акции за предопределённую цену в течение конкретного временного периода. Сам по себе опцион не имеет цены. Его цена определяется разницей между фактической ценой акций, которые в него включены, и обговорённой ценой купли/продажи. Например, если инвестор приобретает опцион, который даёт ему право покупать акции определённой компании по цене \$100 за штуку в течение всего ноября, а накануне сделки акции выросли в цене до \$110, то цена опциона — \$10 за акцию. С другой стороны, если к ноябрю акции упадут в цене ниже \$100 за штуку, то наше капиталовложение стало бессмысленным.

¹⁰ Производный финансовый инструмент (дериватив) (англ. derivative) — договор (контракт), предусматривающий в соответствии с его условиями для сторон по договору реализацию прав и/или исполнение обязательств, связанных с изменением цены базового актива, лежащего в основе данного финансового инструмента, и ведущих к положительному или отрицательному финансовому результату для каждой стороны. Обычно, целью покупки дериватива является не получение базового актива, а хеджирование ценового или валютного риска во времени, или получение спекулятивной прибыли от изменения цены базового актива. Отличительная особенность деривативов состоит в том, что они не связаны с количеством базового актива, обращающегося на рынке. Обладатели базового актива обычно не имеют никакого отношения к выпуску деривативов. Например, суммарное количество контрактов CFD на акции компании может в несколько раз превышать количество выпу-

Первоначальным замыслом при формировании рынка деривативов было создание стабильности на финансовых рынках. Если инвестор владел большим количеством акций, которые продавались по \$100, и очень переживал по поводу возможного падения цен на акции, он мог за небольшую сумму купить опцион, который гарантировал ему возможность продать эти акции по \$100, — это была своего рода страховка цены акций. Но поскольку для покупки опциона не требуется наличие самих акций, деривативы стали дешёвым и доступным способом оказывать влияние на колебания цен акций. Опционы — лишь один из видов деривативов; фьючерсы являются их эквивалентом для материальных товаров. Существуют и другие виды деривативов для других видов материальных активов.

Активы были стандартизированы, чтобы ими было легко торговать в больших объёмах за предсказуемую рыночную стоимость, и получили название «securities»¹¹. Акции и облигации — одна из форм секьюритизации, но есть и другие. Например, банк может скупить тысячи ссуд на покупку автомобилей по всей стране. Эти ссуды представляют собой обязательства будущих крупных выплат наличными. Банк может разбить этот пул на тысячи фрагментов, чтобы минимизировать риск дефолта отдельных должников, и продать небольшими частями инвесторам. Теперь у каждого инвестора есть небольшая доля в будущей прибыли, которую обеспечивают долговые обязательства. Этот процесс крайне выгоден банкам и известен как «секьюритизация».

Как и в случае с секьюритизацией, инвесторы часто распределяют свои фонды между различными инвестициями, чтобы потеря денег в одной из них не носила катастрофический характер. Одним из способов добиться этого — объединить множество инвестиций в один пул, а потом продать акции этого пула. Некоторые хедж-фонды предлагают услуги по профессиональному управлению подобного рода диверсифицированными инвестициями.

Если смотреть на весь этот сектор экономики в целом, возникает образ гигантского игорного притона. Как во всяком казино, есть победители и проигравшие, но заведение всегда в выигрыше. Брокерские конторы получают прибыль с любой сделки, а корпо-

ценных акций, при этом само это акционерное общество не выпускает и не торгует деривативами на свои акции. По сути дериватив представляет собой соглашение между двумя сторонами, по которому они принимают на себя обязательство или приобретают право передать определённый актив или сумму денег в установленный срок или до его наступления по согласованной цене.

¹¹ Секьюритизация (от англ. securities — «ценные бумаги») — финансовый термин, означающий одну из форм привлечения финансирования путём выпуска ценных бумаг, обеспеченных активами, генерирующими стабильные денежные потоки (например, портфель ипотечных кредитов, автокредитов, лизинговые активы, коммерческая недвижимость, генерирующая стабильный рентный доход и т. д.).

ративные инвесторы обладают преимуществом перед любым частным предпринимателем.

В данном контексте самым ценным товаром оказывается *информация*. Она служит капиталу, помогая спекулянтам принимать правильные инвестиционные решения. Что, в свою очередь, увеличивает потребность в ультрасовременных аналитиках и технологиях, величина затрат на которых исключает большинство людей из конкуренции на этом уровне. И подобная информация является, по сути, вещью в себе: инвесторы вкладывают деньги, основываясь на показателях производительности корпораций и экономических прогнозах, а также на том, что, как они думают, предскажут другие инвесторы. Коллективная психология участников процесса становится решающим фактором в спекулятивной экономике. Ее изучает целая плеяда оракулов и предсказателей.

На верхних уровнях этого рынка элита использует суперкомпьютеры для оперативного определения колебания в цене и получает колоссальные прибыли благодаря высокоскоростным сделкам купли-продажи. Большая часть активности на финансовых рынках США в наши дни связана именно с этим «высокочастотным трейдерством». В этом отношении можно утверждать, что искусственный интеллект уже управляет определёнными секторами экономики. Без всякого участия здравого смысла, конечно же. Примером может служить «флеш-обвал» мая 2010 года, когда индекс Доу-Джонса вошёл в самое крутое пике за всю свою историю, только чтобы выровняться через несколько минут. Вот где доступ к технологиям *напрямую* определяет возможность получения прибыли: чем быстрее компьютер, тем больше преимущество.

Бум финансовых спекуляций, превратившихся в самостоятельный сектор экономики, расширяет спектр грозящих обществу опасностей. Та лёгкость, с которой капитал перетекает из одной инвестиции в другую, может вызывать искусственное завышение цен. Это создаёт финансовые пузыри, которые рано или поздно лопаются. Примером может служить «.com» («дотком») бум на рубеже веков. Даже самые прожжённые инвесторы не представляют, во что они вкладывают или какие материальные активы стоят за вложениями. Глобальная взаимозависимость только увеличивает риски. И хотя большинство инвесторов могут пережить небольшие потери, последствия больших потрясений (вроде финансового кризиса 2008 года) ощущаются по всей планете.

Смещение с производства в сторону спекуляций — это ещё один шаг в направлении расширения рыночной логики. Теперь у капитализма есть оплот в каждом аспекте человеческой жизни: голландский банк может владеть акциями кафе, где вы обедаете, а часть выплат по ипотеке, возможно, уходит в бразильский хеджфонд, хоть вы и брали её в местном банке. Возможно, капиталисты продолжают придумывать всё более сложные абстракции для ещё большей концентрации капитала; вы можете получить весьма

ограниченную прибыль от игры на бирже ценных бумаг, но рынок деривативов даёт инвесторам возможность несоразмерного увеличения прибыли вплоть до стоимости самого базового товара.

Спекуляция создаёт всё более абстрактные структуры конкуренции, которые всё больше и больше отдаляются от материального мира. Но и частная собственность, и деньги также являются *абстрактными предассудками*. Они не более реальны, чем большинство дутых цен на акции. Можно утверждать, что законы физики определяют жизнь на планете, но законы экономики всего лишь навязаны нам нашим собственным согласием терпеть определённые рамки. Давным-давно полезные товары вроде соли использовались в качестве валюты. Постепенно их заменили более осязаемые, но совершенно бесполезные в хозяйстве предметы вроде серебряных и золотых монет. Изначально предполагалось, что доллары имеют золотое обеспечение, но с течением времени они были отделены от всякого обеспечения в материальном мире. Отныне доллар стоил столько, на сколько люди соглашались. В наши дни даже бумажные инкарнации доллара становятся редкостью: деньги переместились в пространство финансовых отчётов, призрачных явлений, имеющих зловещую власть над человечеством. Единственное, что осталось *реальным*, — это сложившийся в результате дисбаланс в распределении власти.

Вера в капитал произвела на свет крайне сложную паутину других мифов, которые оказали самое драматическое влияние на жизни тех, кто в них поверил. Нет ничего неизбежного в существовании капиталистической экономики. Это всего лишь вопрос организации распределения ресурсов и взаимоотношений, когда власть сосредотачивается в руках немногих. Да, это намного более сложный механизм для получения того же результата, что и при феодализме, но более гибкий и эффективный. Но если бы мы использовали другой набор критериев для определения своего отношения к окружающим людям и природе, мы бы получили совсем иной мир.

Инвестиции

Да вы что! Я уважаемый бизнесмен! У меня 78% акций чёрного блога¹²!

В прошлом отличить капиталиста от эксплуатируемого было достаточно легко: у кого-то был капитал, а у кого-то — нет. В наши дни спекуляции и кредиты делают задачу намного более сложной. Кого считать капиталистом? Всех, у кого есть акции? Всех, кто получает с них *прибыль*? Если у вас есть дом, рыночная стоимость которого неуклонно растёт, являетесь ли вы капиталистом? Что если при этом ваш банк владеет большей его частью? А если цены на жильё вдруг рухнут, значит вы внезапно перестали быть капиталистом?

Сто лет назад бóльшая часть населения США не имела инвестиций в рынок ценных бумаг, и лишь немногие рабочие являлись собственниками своих жилищ. Теперь, когда инвестиционные планы стали обыденной вещью, а ипотека сделала доступной для многих собственность в реальном секторе, многие рабочие стали микрокапиталистами, которые связывают свои интересы с поведением рынка, хотя они не обладают сколько-нибудь значительным влиянием на него. Они проводят жизни в рабском труде на начальство, но, когда рынок рухнет, надеются на рост цены их портфеля, а не на крах капитализма.

До недавнего времени сотрудникам, отработавшим определённый срок, гарантировалась пенсия, которую должен был выплачивать работодатель, а также пакет социального страхования от правительства. Теперь всё меньше компаний предлагают программы пенсионного обеспечения, а социальное страхование считается ненадёжным. Вместо пенсий рабочим предлагается подписать пенсионный план 401(k), в соответствии с которым работодатели перенаправляют часть зарплаты специальным управляющим компаниям, которые являются инвесторами на фондовом

¹² Чёрный блог (Blackblog.info) — сайт анархистов, на котором публикуются отчёты о совершённых атаках на полицейские участки, банки, строительную технику и пр.

рынке. Как правило, эти инвестиционные планы связаны с акциями самой компании, чтобы у сотрудника была дополнительная мотивация. Подобная зависимость может поставить сотрудников в очень рискованное положение: вспомните всех тех, кто потерял миллиарды долларов с банкротством Энрон¹³.

На самом деле происходит накопление личных средств представителей среднего и низшего классов в спекулятивном секторе экономики, которые пускаются в оборот наравне с деньгами капиталистов. Когда люди говорят о хедж-фондах и инвестиционных проектах, они обычно представляют себе миллиардеров на яхтах. Но на самом деле миллиардеров в этом бизнесе очень мало. Почти все большие игроки — это структуры, в распоряжении которых оказались деньги работников, заключивших инвестиционные договоры с собственными работодателями. Таким образом создаётся «прямая связь» между «простыми людьми» и высшими финансовыми сферами, и получается, что рабочие богатеют или становятся банкротами в зависимости от того, как идут дела у «больших рыб». Смешно, ведь если бы рабочие до сих пор получали пенсии вместо выплат по инвестиционным планам, экономический кризис 2008 года, скорее всего, оказался бы намного менее разрушительным и затронул бы «Мейн-стрит» (главная улица, то есть большинство американских обывателей — прим. пер.) в намного меньшей степени, чем Уолл-стрит.

Другим важным фактором, который поощряет рабочих связывать собственные интересы с рынком, является вопрос владения жильём, которое играет роль одной из форм инвестиций. Одним из основных мотивов в правительственной политике США всегда была попытка сделать жильё доступным для среднего класса. И в этом есть что-то альтруистическое. Но экономисты искренне говорят, что подобный подход позволяет усмирить рабочую силу. Ипотеки обычно рассчитаны на 15-30 лет — это период карьерного роста человека.

До Второй Мировой войны простому человеку было очень сложно получить кредит, и мало кто мог взять и купить дом. После войны правительство гарантировало выдачу ссуд на покупку жилья через Фанни Мэй и Фредди Мак, частные компании, финансирувавшиеся из бюджета страны, которые скупили все кредиты на жильё в стране, чтобы мелкие банки не рисковали при выдаче кредитов людям, которые не смогут выплачивать проценты. С тех пор рабочим семьям и представителям среднего класса стало намного легче заделаться домовладельцами.

¹³ *Enron Corporation* — ныне несуществующая американская энергетическая компания, завершившая деятельность в результате банкротства в 2001 году. До банкротства в Энрон работало около 22 000 сотрудников в 40 странах мира. В конце 2001 года стало известно, что информация о финансовом состоянии компании в значительной степени была сфальсифицирована с помощью бухгалтерского мошенничества, известного как «Дело Энрон». С тех пор Энрон стал популярным символом умышленного корпоративного мошенничества и коррупции.

На бурно развивающемся рынке владение домом — это форма микрокапитализма. Домовладелец будет получать прибыль, пока рыночная стоимость дома растёт быстрее, чем проценты по ипотеке. Предположим, что кто-то берёт ипотечный кредит с высокими процентами и покупает дом за, скажем, \$200,000. Если дом оценён в \$220,000, то наш герой уже выгадал, даже если смог оплатить лишь проценты по ипотеке. Если, конечно, процент был меньше \$20,000. Что более важно, так это то, что «дополнительные» \$20,000 стоимости дома делают такого человека более надёжным в кредитном плане, а значит, он может взять новый кредит под более низкий процент вместо старого. Вуаля, он только что улучшил своё экономическое положение.

Итак, у домовладельцев достаточно причин желать роста цен на недвижимость. И пока рынок работает как надо, именно это и будет происходить. Таким образом, все оказываются подвержены влиянию капиталистической ментальности: вместо того чтобы искать освобождения от работы, рабочие стараются заработать собственный капитал, сколь бы убог он ни был. Как только вы владеете чем-то, у вас есть, что терять; вы встроены в систему частной собственности и все связанные с ней прелести. Борьба с несправедливостями системы означает рисковать всем, что у вас есть. Поэтому чем больше вы имеете, тем меньше у вас стимулов бунтовать. Такого рода законы продолжают действовать даже тогда, когда у вас на самом деле *ничего* нет, кроме каких-то вложений, которые, *возможно*, окупятся.

Вот почему люди продолжали получать кредиты даже на невыгодных для себя условиях на фоне разворачивающегося кризиса в 2008-м, когда уже очень многие должники объявили о банкротстве. Пока жильё продолжает расти в цене, не имеет никакого значения, каковы условия вашей ипотеки, ведь вы всегда можете рефинансировать кредит. Но большая часть собственности, представленной на рынке, не может *бесконечно* расти в цене. Стратегия инвестирования в реальный сектор — это простейшая пирамидальная схема, в которой те, кто пришёл на рынок позже, являются источниками прибыли для тех, кто оказался там раньше. Пока число участников растёт, всё идёт хорошо, и жильё действительно растёт в цене, но рано или поздно пузырь лопнет. И тогда обязательства по кредитным выплатам обрушиваются дамокловым мечом на головы бедняков, которые пытаются спекулировать на рынке, подражая богачам.

«Деньги делают деньги» — это первый закон капитализма. Поэтому очень логично взять деньги в долг, чтобы сделать больше денег. По крайней мере, пока вы рассчитываете заработать больше, чем потребуется на выплату долга плюс проценты. Это то, чем занимаются частные предприниматели, когда берут кредит на открытие своего дела. Корпорации делают то же самое, когда выпускают облигации, а хедж-фонды — когда берут деньги в долг для покупки акций. Но деньги, которые будут использованы для

выплаты по долгам, должны откуда-то появиться, поэтому если все ставят на то, что выиграют, очевидно, что кому-то суждено рано или поздно проиграться по-крупному.

Предпосылкой неолиберальной эпохи накануне краха 2008 года было то, что рынок может расширяться бесконечно. История показала, насколько глупой была эта мечта. Чтобы пирамидальная схема расширялась бесконечно, необходим бесконечный источник ресурсов и бесконечное число потенциальных участников. Капитализм может произвести более эффективные технологии, но полезные ископаемые на планете — конечный ресурс. И есть предел тому, сколько прибыли можно выжать из эксплуатации людей. Ближе к делу: даже если бы индекс Доу-Джонса мог бы расти бесконечно, всё равно мы не могли бы все стать богаче по отношению ко всем остальным. Каждый раз, когда кто-то получает значительное финансовое преимущество по отношению к остальной части общества, другие люди его теряют. Капитализм концентрирует богатство во всё более малочисленных кругах, а это значит, что большинство людей оказываются в стане проигравших. Многие домовладельцы узнали это на собственном горьком опыте, когда их инвестиции в реальный сектор обрушились, в то время как банки продолжали зарабатывать на них.

Выдача кредитов начинающим капиталистам — это хороший бизнес. Единственный риск заключается в том, что пирамида рухнет, если слишком многие из кредиторов не смогут выплатить кредит. Тогда разорятся и должники, и кредиторы. Но даже в этой ситуации бедные платят за богатых. Ведь тем, кто находится на вершине пирамиды, всегда помогают правительства (из налоговых поступлений, полученных от тех, кто находится в самом низу, конечно же).

*Покончить с капитализмом? Нет, спасибо!
Я в него, знаете ли, инвестировал.*

Долг

«Зарплату заменил кредит — деньги, которые можно было потратить, но которые нужно потом вернуть. Отныне когда-то бунтарские слои общества оказались накрепко привязаны к бесконечному циклу воспроизводства капиталистических отношений. Долг — это идеальный товар. Само будущее стало новым рынком. Так родился финансовый рынок, подготовивший почву для эпохи постмодернизма».

Аноним, Введение в Апокалипсис

Кредит исполняет ряд важных функций в капиталистической системе. Это способ для людей с деньгами получить прибыль просто за счёт одалживания под процент. Это инструмент расширения рынка, который даёт капиталистам возможность продавать даже тогда, когда в карманах потребителей уже пусто. Это возможность обеспечения экономической мобильности, поощряющая людей попробовать себя в качестве частных предпринимателей или инвесторов (и, таким образом, направить свои амбиции в русло улучшения своей доли в рамках существующей экономики вместо того, чтобы бросить ей вызов). Наконец, кредитование предоставляет возможность рабочим с низкой заработной платой подражать жизням богачей, а именно: покупать дома и машины, обучаться в ВУ-Зах. В результате люди думают о самих себе как о представителях среднего класса, даже если банки и кредитные компании обдирают их до нитки.

Потребительский кредит был решением проблемы экономической нестабильности начала XX века. Без него массовое производство могло обогащать капиталистов за счёт рабочих только до того момента, пока первые платили последним. С внедрением практики кредитования капиталисты колонизировали будущее наравне с настоящим, накапливая не только немедленную прибыль, но и долгосрочные обязательства по кредитам.

Для непрерывного производства было необходимо, чтобы рабочие отказались от желаний и подавили спонтанные импульсы.

Для максимизации продаж стала желанной спонтанность, импульсивность и постоянный поиск удовлетворения. И вот для оптимизации прибыли капиталисты оказались вынуждены навязывать обществу подобие раздвоения личности. Система кредитования действует по обе стороны уравнения. Со стороны потребления, кредит предлагает рабочим вкусить сладкой жизни своих начальников, позволяет окунуться в роскошь, позволить себе которую они обычно не в состоянии. В рамках рабочего места полученные в результате долги заставляют сотрудников *дисциплинировать самих себя*: вместо того чтобы пытаться сбежать из рабства, они мечтают только о том, как бы оплатить то, чем уже «владеют».

Такое было возможно не всегда. Последние десять лет общий внутренний долг США рос намного быстрее, чем ВВП. И у многих бедных, занятых на непостоянной работе и безработных американцев нет никаких надежд на избавление от долговой кабалы.

В «городах при заводе» прошлого рабочие приобретали необходимые инструменты и товары в кредит, а потом оказывались в пожизненном услужении у нанимателя. Сегодня подобный подход по-настоящему злит очень многих. Но что если эту аферу проворачивает целый класс, а не одна компания? Студенческие кредиты на образование привязывают молодых специалистов намного более эффективно, чем любая военная кафедра. В наши дни единственной разницей между кредитными обязательствами и крепостным правом является то, что при крепостном праве вы были должны экономике в целом, а не конкретному человеку или властному институту.

Если мы будем рассматривать долг как форму *обязательства*, то всё начинает звучать подозрительно знакомо. Кто-то рождается в нужде и может позволить себе самое необходимое только при условии, что поступит на службу. Другие рождаются в роскоши,

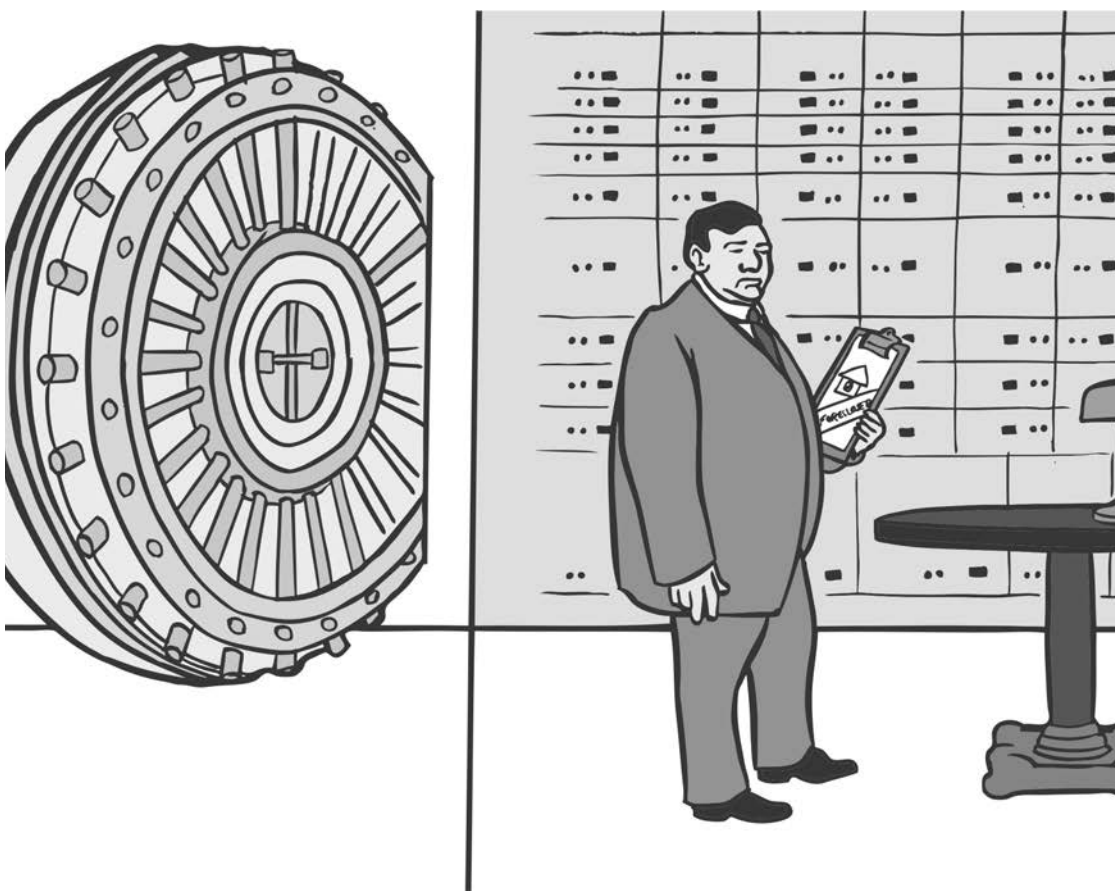
и поэтому могут позволить себе раздачу кредитов от своих щедрот в обмен на клятвы верности. Это просто-напросто очередная инкарнация вассальных обязательств бедных по отношению к сеньорам, общественные отношения феодальной эпохи, подретушированные, чтобы казаться добровольными.

Состояние многих в прямом смысле состоит из долгов бедняков. Долг — это идеальный товар, потому что благодаря процентам он всегда накапливает стоимость быстрее, чем съедает инфляция. Вот почему кредиты так привлекают банки и инвесторов. Но это очень рискованное вложение средств, если принять во внимание тот факт, что бедные только беднеют. Чтобы долг сохранял свою стоимость, необходимо исключить какой-либо шанс на общественные перемены. Будущее должно оставаться вечно замороженной версией настоящего. Агенты по сбору долгов навязывают это настоящее должникам, а полиция ведёт бои на передовой. Насладитесь зрелищем отрядов SWAT (американский аналог ОМОН-СОБР), в прямом эфире выселяющих должников из домов.

Но даже отрядов SWAT не хватило, чтобы выселить всех неплательщиков по ипотекам. И когда должники начнут восставать и бороться за свои права, начнут в открытую захватывать и защищать то, что им необходимо для жизни, перед лицом кредиторов замороженное будущее начнёт трескаться и таять. Не стоит стыдиться банкротства в обанкротившейся системе.

Мы все — злостные неплательщики в этом супермаркете.

Банки

Когда наёмный работник получает свою зарплату и хочет чуть-чуть сохранить на будущее, он кладёт её в банк. Это считается более надёжным, чем спрятать под матрас. В США банковские вклады застрахованы федеральным правительством, поэтому риска потерять деньги практически нет. Настоящий риск заключается в том, что банки делают со всем нашим богатством. Иронично, что даже те небольшие сбережения, которые удаётся скопить эксплуатируемым, они передают капиталистам, чтобы те получали ещё большую прибыль.

По сути, клиент даёт деньги в долг банку точно так же, как в иных случаях банк даёт деньги в долг другим клиентам. Бизнес-план банка — это брать деньги в долг как можно дешевле и давать в долг как можно дороже, получая прибыль с разнице в процентах. Разница должна быть достаточной, чтобы покрывать операционные расходы и иногда случающиеся банкротства должников. Конечно, точно так же, как оно обеспечивает вклады частных лиц, государство защищает и сами банки на случай массовых банкротств должников: для этого используются законодательные меры вроде продажи с аукционов имущества банкротов (их домов, например), а также выкуп закладных и тому подобное. Поэтому когда что-то идёт не так, то платят за это налогоплательщики, а банки продолжают получать прибыль.

Банки не просто делают деньги на вкладчиках: для них деньги сами по себе — товар. И они достают его по дешёвке. В наши дни правительство выдаёт деньги банкам под 0% (ноль процентов), а иногда и того меньше. Отменены законы, запрещавшие банкам продавать акции и облигации. Если банку более выгодно играть на финансовом рынке, чем работать с кредитами, он может сосредоточиться на деятельности первого рода. Банки готовы выплачивать проценты по большим вкладам своих клиентов, но те вкладчики, кому не так повезло с объёмами наличности, будут вынуждены согласиться на меньшие проценты или даже заплатить банку за хранение суммы на счёте. И на этом примере наглядно

видно, как капитал «естественным образом» перетекает из области меньшей концентрации в область большей концентрации.

Практика выдачи в долг взятых взаймы денег имеет хитрый побочный эффект «умножения» имеющихся у банка средств. Представим себе, что человек кладёт на счёт в банке \$100, а банк выдаёт эти деньги в качестве кредита другому клиенту, который использует их для покупки товаров у первого вкладчика. Тогда первый вкладчик может разместить ещё \$100, а банк, в свою очередь, может и эти деньги выдать в кредит ещё кому-то. Предположим, что этот кто-то снова потратит деньги на покупки у первоначального клиента банка. Этот процесс может повторяться очень много раз, и в результате в распоряжении банка оказываются значительные средства просто потому, что ему должны разные люди.

Единственная загвоздка заключается в том, что все эти кредиты должны быть выплачены, иначе рухнет вся система: и поскольку у самых бедных проценты всегда самые высокие, они находятся в самых стеснённых рамках и должны буквально из ничего получить деньги. Это одна из причин, почему капитализм обязан бесконечно расширяться, чтобы избежать кризиса. На самом деле положение банков не такое уж и ненадёжное: обычно они достаточно уверенно себя чувствуют даже во время кризисов, ведь, с одной стороны, они выбивают деньги из должников, а с другой — их поддерживают правительственные дотации.

Когда у банков заканчивается наличность, они берут её в долг у банков федерального резерва. Эта сеть банков образует центральный банк США, который обеспечивает правительство механизмом контроля за ростом экономики благодаря возможности диктовать размер процентных ставок по кредитам другим банкам.

Конечно же, деньги в банках федерального резерва тоже должны откуда-то браться. Правительство США может прибегать к ряду методов для получения наличности. Можно поднять налоги. Можно урезать социальные программы, как сейчас делают многие европейские правительства. Можно продать облигации государственного займа, по сути взяв в долг у частных инвесторов. Наконец, можно просто напечатать ещё денег. В эпоху виртуальной реальности, это всего лишь значит подправить числа в электронной таблице.

Итак, получается, что деньги, источник стольких страстей, страданий и устремлений, попросту создаются из ничего. Хотя, конечно, для этого нужны особые условия. Подобно тому, как Церковь изобрела душу для установления своей власти, а короли пропагандировали святость долга, можно сказать, что деньги придуманы для того, чтобы *появился долг*. Всё это — этапы формирования общественной системы, основанной на обязательствах.

В соответствие с логикой этой системы, тысячи факторов объединяются, чтобы заставить всех, кто живёт по её правилам, стать абсолютно безжалостными; и всё же в самой системе нет особой нужды. От долговых ям отказались, потому что даже законодательная

власть была вынуждена признать, что банк не должен покупать чью-то свободу в случае банкротства. Так что если мы хотим, чтобы доступ к жилью и прочим жизненно необходимым вещам определялся чем-то иным, нежели интересами банков в получении прибыли, то и всё это тоже необходимо отсоединить от банковской системы.

Но как бы по-варварски опасно это не звучало, очень может быть, что капитализм сможет воспроизводить себя до бесконечности: каждый новый риск будет двигать его вперёд, каждый кризис — обновлять и наделять новыми силами. Настоящая опасность заключается не в том, что система рухнет, а в том, что она продолжит наносить такой вред своим существованием, за который мы никогда не расплатимся.

Финансовый кризис 2008!

специальная
бонусная
секция

ОСТОРОЖНО! ВНУТРИ — ТЕХНИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ!

Финансовый кризис 2008 года подвёл логический итог свободному рыночному развитию финансового сектора экономики который, в свою очередь, являлся логическим результатом поиска всё новых стимулов для капиталистической конкуренции. В этом смысле экономический спад демонстрирует свойственную капитализму нестабильность.

История коллапса начинается и заканчивается в реальном секторе. Ещё несколько десятилетий назад локальные банки выдавали кредиты местным жителям. Эти банки не обладали гигантскими суммами, которые они могли бы пустить в оборот, поэтому выдача ипотечных кредитов представляла для них достаточно большой риск. И им приходилось как-то убеждаться, что клиенты способны позволить себе ипотеку. Но поскольку речь идёт о местном бизнесе, банкиры могли позволить себе развивать личные отношения с клиентами, чтобы иметь возможность делать взвешенные решения по ипотечному кредитованию. И несколько десятилетий кряду это работало.

В конце 1980-х инвестиционные банки задумались об этой ситуации. Инвесторы хотели вкладывать в ипотечные кредиты по всей стране, поэтому банки разработали систему, где они могли обеспечить выплаты по ипотечным кредитам. Банки выкупали кредиты и образовывали пул, части которого продавали инвесторам. Одним из примеров такого рода секьюритизации является общедолговая облигация (Collateralized Debt Obligation — CDO). Рейтинговые агентства (компании, которым платят за оценку рисков различных инвестиций) заявили, что CDO являются достаточно надёжными, и присвоили им самый высокий статус: AAA.

Первые лет десять рынок CDO рос достаточно медленно. Но всё изменилось с миллениумом. В результате правительственной политики у крупных инвесторов возникли трудности с вложением средств в прибыльные предприятия. А процентные ставки по CDO оказались на 3% выше, чем ставки по другим инвестициям с таким же рейтингом. И деньги потекли на рынок. В 2004 году в CDO было вложено уже 20 миллиардов долларов. Три года спустя рынок раздулся до 180 миллиардов.

Банки, вроде Countrywide Financial Services, приветствовали рост спроса на CDO и изменили свои бизнес-модели, чтобы удовлетворить его. И вместо выдачи ипотечных кредитов и удержания их в своей собственности следующие 15-20 лет они начали продавать их инвесторам с Уолл-стрит сразу же после выдачи. Когда спрос на CDO достиг пика, у банков с трудом хватало наличности, чтобы их скупать.

Заёмщики с хорошими кредитными историями закончились. Но вместо того чтобы ограничить свою деятельность, банки стали выдавать «нестандартные» ипотечные кредиты клиентам, которые в намного меньшей степени были способны вернуть долг. Из-за повышенного риска эти кредиты предполагали более высокие проценты и более серьёзные штрафные санкции. Хотя первоначальные проценты оставались на том же уровне, что и у «обычных» ипотечных кредитов, они росли с течением времени. Рынок этих кредитов породил настоящую культуру афёра: банкиры убеждали клиентов, что те могут себе позволить ипотеку, которую на самом деле им было ни в жизнь не выплатить, а потом сами же помогали им подделывать документы, чтобы всё-таки получить кредит.

Первоначально казалось, что сбылась мечта всех банковских клиентов. Внезапно покупку дома в кредит смогли себе позволить даже те, кто раньше и мечтать об этом не мог. Да, условия кредита были хуже некуда, но новым домовладельцам это было уже не важно: они ведь могли рефинансировать кредит через пару лет, смягчив процентные ставки, потому что недвижимость продолжала расти в цене (см. главу «Инвестиции»). Другими словами, вся банковская система включилась в афёру в стиле «МММ».

Банки собирали в пул все ипотечные кредиты всех сортов «свежести» для продажи в качестве CDO, а некоторые из инвесторов с Уолл-стрит стали заглядывать в свои инвестиционные портфели. А там они увидели, что являются владельцами большого количества CDO, выплаты по кредитным обязательствам которых крайне маловероятны. Чтобы как-то упрочить положение, они обратились к страховым компаниям, в результате чего появилась такая штука как кредитный дефолтный своп (Credit Default Swap — CDS). Это был дериватив, основанный на CDO, по которому владелец CDO получает цену дериватива, если выплата по CDO оказывается невозможной. Например, если инвестор покупал у банка CDO, он одновременно мог купить у страховщика CDS, чтобы преобразовать CDO. Тогда страховая компания была обязана выплатить нужную сумму в случае, если этого не мог сделать банк.

Но, как и в случае с опционами, для покупки CDS было необязательно владеть CDO. Поэтому инвесторы развернули торги CDS. Очень скоро этот рынок взорвался и достиг размеров в несколько сотен раз больших, чем рынок CDO. Другими словами, за каждый доллар невыплаченного долга инвесторы в CDS должны были выплатить несколько сотен долларов. Система оказалась ужасающе нестабильной: малейший спад мог привести к колоссальным последствиям.

Всё началось на заре 2007 года. Всё больше и больше бедных домовладельцев объявляли себя банкротами по ипотечным кредитам. В результате инвесторы стали избавляться от CDO и других связанных с ипотекой капиталовложений, многие инвестиционные аналитики снизили рейтинги для этих продуктов, и вскоре спрос на них совсем иссяк.

Поскольку продавать связанные с ипотекой активы становилось всё более затруднительно, банки вроде Countrywide Financial оказались перед серьёзной проблемой. Их финансовая деятельность зависела от перепродажи ипотечных активов. Но так как рынок CDO и им подобных продуктов иссяк, они оказались недееспособны. Многие инициировали процедуры банкротства или же, как в случае с Countrywide, были куплены по дешёвке крупными банками.

На следующем этапе о банкротстве была вынуждена объявить гигантская финансовая компания с Уолл-стрит Lehman Brothers. Виной оказались инвестиции в «нестандартные» ипотеч-

ные кредиты. Коллапс Lehman Brothers был подобен выстрелу, разнёсшемуся по всему миру. Lehman являлась одним из столпов инвестиционного мира более ста лет. Если они обанкротились, значит любую компанию могла постигнуть такая же судьба.

Уолл-стрит охватил страх. В один момент все, у кого были инвестиции в ипотечный рынок, стали ненадёжными партнёрами. AIG, огромная страховая компания, выпустила CDS для CDO на сумму более 400 миллиардов долларов. И хотя AIG гарантировала выплаты по этим CDO, от неё никогда не требовалось иметь достаточно наличности, чтобы произвести единовременную выплату по всем облигациям. Но с распространением кризиса в ипотечном кредитовании, аналитики увидели риск в политике AIG и снизили кредитный рейтинг компании.

Снижение рейтинга означало, что AIG придётся выплатить процент по всем CDS, которые она продала. Конечно же, таких денег в наличии не оказалось. После случая с братьями Lehman правительство решило, что допускать банкротство таких огромных компаний — значит создавать своей экономике ещё больше проблем, поэтому оно вмешалось и внесло деньги за AIG. Как раз в этот момент ряд других компаний вроде Fannie Mae, Freddie Mac, Goldman Sachs и Morgan Stanley остро нуждались в подобных же выплатах. И все они получили помощь правительства.

Кредитный рынок рухнул. Никто уже не знал, насколько отразился кризис на каждой конкретной компании, потому что инвестиции были слишком масштабны и взаимосвязаны. Например, если CitiBank покупал CDS у AIG и потом продавал его Merrill Lynch, можно было бы подумать, что никакого риска нет. Но если Merrill Lynch потом требовала выплат по CDS, а AIG не могли это требование удовлетворить, внезапно CitiBank становился ответственным за этот долг. Вера в финансовый рынок стремительно таяла. Практически мгновенно компании лишились возможности получить хоть какой-то кредит.

Последствия нехватки кредитных ресурсов быстро отразились на потребителях, отправив рынок жилья в глубокий нокаут. Поскольку получить кредит стало очень тяжело, спрос на дома рухнул, как и цены на них. И вдруг тысячи домовладельцев оказались должны банкам за свои дома даже больше рыночной стоимости своего жилья. Это только подстегнуло банкротства. Рост числа банкротов означал увеличение проблем для финансового рынка, что, в свою очередь, означало ещё большее уменьшение кредитов, ещё большее снижение стоимости жилья и ещё большее количество банкротов. Всё шло по крутой спирали.

Рынок ценных бумаг обвалился. Акции потеряли до 50% в цене. Вместе с кредитным голодом это заставило компании паниковать. Они начали тысячами сокращать сотрудников. Многие из них не могли больше выплачивать ипотеку и заявили о банкротстве. Это ещё больше углубило финансовый кризис, ещё больше уменьшило предложения по кредитам и привело к ещё большим

сокращениям. Очередная зловещая спираль. В самой низкой точке кризиса без работы оказалось более 10% граждан США — и эта цифра возрастёт ещё больше, если принять во внимание тех, кто отказался найти хоть какую-то работу.

Правительство США не оставляло попыток оживить экономику, вкладывая огромные средства в те самые финансовые секторы, которые и вызывали крах. Вместо того чтобы вложить деньги в экономику США, банки и другие крупные корпорации стали их накапливать или инвестировать за рубежом. Поэтому к 2010 году корпорации снова рапортовали о росте доходов. Индексы рынка ценных бумаг снова взлетели до небес, акции некоторых компаний выросли в цене в два раза по сравнению с минимумом в 2009 году. А уровень безработицы в стране продолжал оставаться в районе 10% (где-то и того больше), и цены на жильё продолжали падать.

Банкиры, действовавшие с целью нажиться на ограблении клиентов, покупавших дома по ипотеке, всего-навсего действовали в соответствии с императивами финансового капитализма. Те, кто не стал так поступать, оказались вытеснены менее щепетильными конкурентами. То же самое относится и к покупателям жилья, которые брали кредиты на невозможных для себя условиях, и к страховщикам, чьи гарантийные обязательства только ухудшили ситуацию. Все они действовали абсолютно рационально в рамках капиталистических отношений. Но проблема заключается в том, что сами эти отношения лишены всякого смысла.

В 2008 году, на пике кризиса, капитализм содрогнулся до самого основания. Система сама доказала, что не функционирует. Впервые за многие поколения мы увидели, как большие шишки на самом верху дрожат от страха, поняв, что их пирамида — это всего лишь картонный домик. Наивный наблюдатель мог ожидать фундаментальных перемен в качестве реакции на катастрофу. Попытки перераспределения богатства на манер «Нового курса» Рузвельта после Великой депрессии.

Вместо этого мы стали свидетелями прямо противоположного. Капиталисты на верхушке пирамиды делают ставку на то, что им больше не нужен американский средний класс: ни в качестве рабочих, ни в качестве потребителей. Они уже вывели большую часть производства за границу. Теперь они рассчитывают на появление среднего класса в Китае, который будет потреблять производимые ими товары. В будущем, если только вы не являетесь представителем капиталистического класса в США, вам придётся или прислуживать им за гроши, или выживать без работы.

Налоги

Вид откровенного вымогательства — налоги — один из самых древних методов получения финансовой выгоды. Обязательный характер налогообложения делает его похожим на практики преступных синдикатов, которые требуют денег за «крышу». Конечно, государства — законопослушные структуры. Например, они могут выпустить закон, по которому *уклонение от налогов* станет преступлением.

Одна из причин, по которым налоги якобы необходимы, — это то, что правительство собирает их для накопления ресурсов, чтобы потратить их на общественные нужды. Но монархии изобрели вовсе не для того, чтобы решать проблемы простых людей! Исторически так сложилось, что правительства удовлетворяли нужды общества разве что *случайно*, чтобы успокоить недовольных. По большей части, государства всегда волнует только накопление богатств для самих себя. Они нуждаются в стабильном притоке капитала для сохранения власти, а не филантропии.

В наши дни возрастающее накопление богатств происходит в частном секторе, а не в государственном аппарате, но государство всё равно необходимо для управления рынком и сохранения дисбаланса, который в результате получается. Для доказательства этой мысли достаточно посмотреть, как тратятся налоги. Больше всего из федерального бюджета США получают военные и службы внутренней безопасности. Точно так же работает организованная преступность: *вы платите за то, что у вас вымогают*. И мы платим не только сами за себя: наши налоги финансируют доминирование над эксплуатируемыми по всему миру. Взамен мы можем наслаждаться привилегиями, которые нам даёт гражданство единственной оставшейся сверхдержавы, и ненавистью, которую питают к нам все попавшие под власть прозападных военных режимов.

Что бы ни говорили политики о необходимости антикризисной экономии или непостоянстве свободного рынка, военные и полиция всегда будут финансироваться за общественный счёт. ЧОПы тоже получают большую часть доходов за счёт правительства. Представьте себе, как многое можно было бы сделать для борьбы с нищетой на эти

сотни миллиардов долларов, которые тратятся год за годом на защиту структур, *создающих нищету*. А в это время продолжают сокращения программ в социальной сфере и сфере здравоохранения. И это будет продолжаться до тех пор, пока народный гнев не станет настолько мощным, что сдержать его можно будет только с помощью государственных репрессий. И в этом свете становится понятно, почему капиталисты считают армию и полицию более ценными с точки зрения *инвестиций*, чем социальные программы.

Это лишь один из аспектов налогообложения при капитализме. Некоторые налоги вроде НДС непомерным бременем ложатся на плечи бедных. Но когда даже бедняки платят больше, к богатым возвращается ещё бóльшая часть их налогов — в виде корпоративных субсидий и целевого финансирования ряда проектов, продвигающих интересы крупного капитала. Поэтому налоги — это больше, чем рэкет. Как и прибыль, налоги — это способ регулярного перераспределения богатства в пирамиде власти и капитала.

В век выкупа государством банковских обязательств, правительства стали достаточно наглыми в вопросах вторжения в сектор общественных услуг и приватизации прибыли. Для поддержки экономики правительства финансируют банки и выкупают обязательства по ипотечным кредитам, освобождая таким образом миллионы частных капиталистов, которые они направляют на игру на финансовом рынке. И когда они проигрывают, их убытки оплачивает общество. Нас имеют в два смывчка: крупный бизнес и правительство.

Наследование

Собственность переходит от одного поколения другому точно так же, как раньше переходила корона. Богатство не могло бы оставаться столь непропорционально сосредоточенным, если бы не накапливалось из поколения в поколение. Самоназванные сторонники капитализма часто заявляют, что заработали всё собственным трудом, но условия соревнования никогда не были честными.

Наследование как способ сохранения неравенства древнее капитализма по крайней мере на тысячу лет. Это один из самых древних патриархальных институтов. Его истоки, скорее всего, уходят в изобретение частной собственности. Брак — это один из освящённых государством институтов, который усиливает консолидацию собственности через наследование. Основным вопросом в дебатах о легализации однополых браков является экономический, а вовсе не культурный или религиозный, как это пытаются представить.

Во времена феодализма всякий европейский землевладелец был своего рода маленьким князьком, и его старший сын наследовал всё имение, чтобы оно не дробилось на слабые части между всеми отпрысками. Это вынуждало младших сыновей богатых родителей искать себя в государственной службе, бизнесе, Церкви или военном деле. Важным аспектом последнего являлась колонизация заморских земель. С течением времени эти институты стали влиять на денежные потоки так же, как и на права наследования. Но это всего-навсего означает, что существует множество способов производства и углубления противоречий, и все они поддерживают друг друга.

Деньги и частная собственность не являются единственным, что можно унаследовать. Богатые семьи передают социальные навыки и связи, разговорные акценты и вокабуляры, влиятельные фамилии, формат взаимоотношений с институтами власти. Так, колледж, получающий существенные «взносы в фонд развития», с большой радостью примет ребёнка «посвящённого», сколь бы туп он ни был. Как богатые белые дети могут наследовать все эти привилегии, так афроамериканцы наследуют долго-

срочные последствия рабовладельческого строя и расовой сегрегации, последствия террора против своих предков, разграбления родных стран и попыток борьбы за жизнь в расистском обществе. То же самое относится и к детям коренных американских народов и нелегальных иммигрантов: все они — эксплуатируемые и исключённые.

Поэтому неудивительно, что родители желают сделать всё, что в их силах, чтобы обеспечить будущее своих детей. Вопрос заключается в том, насколько рационально ради этих благих целей воспроизводить систему несправедливого распределения богатств. При передаче накоплений следующему поколению богачи также передают опасности, связанные с тем, что другие могут захотеть их отнять. Они оставляют своим наследникам мир, где каждый вынужден участвовать в конкурентной борьбе или оказаться лицом к лицу с нищетой. Мир работы.

Научно-исследовательская деятельность

Оптимисты всегда обещали нам, что технологическое развитие объединит людей, положит конец распрям и нужде. Антуан де Сэнт-Экзюпери красиво описывал, как внедрение авиации сотрёт из памяти людей войны и вызовет к жизни общество любви и согласия. Совсем немного лет спустя самолёты применялись для массированных бомбардировок в Европе и уничтожения Хиросимы и Нагасаки.

Прогресс сам по себе не является панацеей. Капитализм как никакая другая общественная система приспособлен для того, чтобы подгонять инновационный процесс, но он всегда делает это в собственных интересах. Технологии отражают те общественные и экономические отношения, при которых они и появились на свет. Чем лучше технология, тем совершеннее она служит породившему её обществу.

В нашем распоряжении есть множество способов справиться с большей частью трудностей, которые стоят перед человечеством, но силы, веками формировавшие наше общество, мешают нам сделать это. Та же логика, которая побуждает фармакологические компании разрабатывать новые лекарства, не мотивирует их продавать препараты бедным. Вместо этого многие люди вынуждены сносить лишения и невзгоды только потому, что наши технологии используются крайне абсурдно. На данном этапе развития общества нам нужны не технологические инновации, а социальные перемены.

Рынок и государство управляют производством всех знаний, начиная с военных и корпоративных исследовательских программ и заканчивая академическими исследованиями. Научная деятельность как вещь в себе — вроде космической программы NASA — всегда имеет сокрытую в глубине тайную цель вроде изучения новых видов оружия. И даже если работой напрямую управляют правительственные организации, процессы создания новых технологий вряд ли можно назвать «демократическими», хотя они, как правило, оказывают намного больше влияния на жизнь общества, чем всякая политика.

Те специалисты, которые возглавляют подобного рода разработки, совершенно необязательно желают человечеству зла. В общем и целом ими движет любопытство, желание применить свои таланты на деле, надежда помочь другим людям. Но единственный

способ, каким они могут получить ресурсы для своих работ (и саму возможность их проводить), — это подчиниться структурам, преследующим корыстные интересы получения прибыли и власти. Пара лет сочинения заявок на гранты на научные исследования вылечат от идеализма кого угодно. Сколько на планете таких инженеров и программистов, жаждавших изменить жизни людей к лучшему, а в итоге оказавшихся в военных лабораториях?

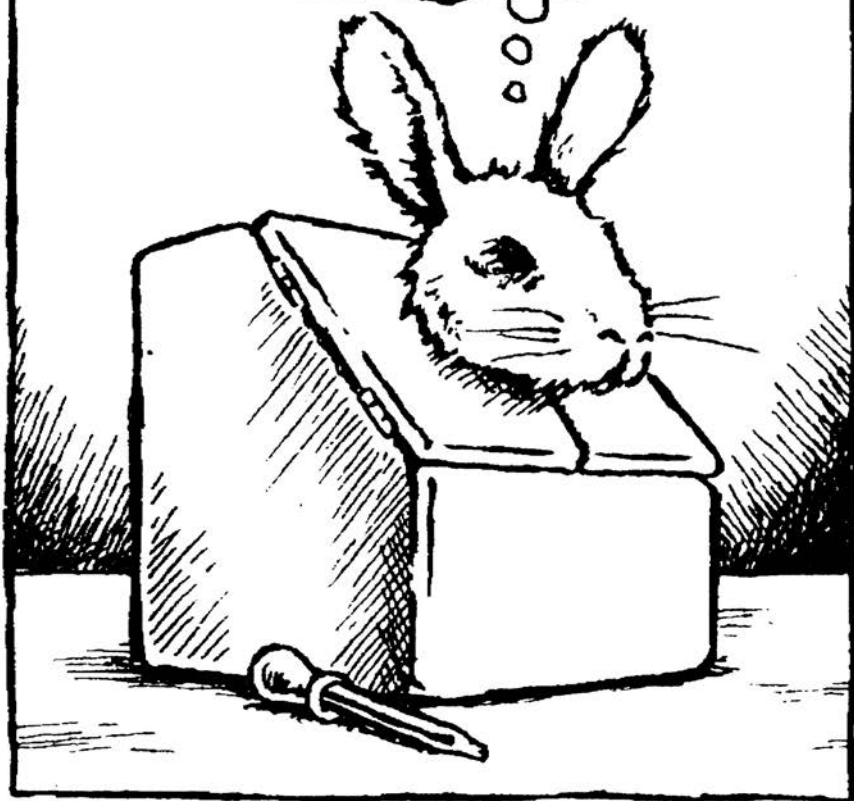
Чтобы не ставить под удар схему организации научных исследований, учёных изолируют от результатов их работы. Первооткрывателей искусственного интеллекта, в отличие от жителей Пакистана, не бомбят самолёты дроны. Когда научно-исследовательская деятельность отделена от её практического применения, этические соображения становятся лишней абстракцией. Учёные начинают относиться к поиску знаний как к универсальному благу, которое стоит того, чтобы пожертвовать личным здоровьем отдельных живых существ. Не только в лабораториях, где проводят вивисекцию, но и в обществе в целом.

Иронично, что капиталистическая наука использует общие интеллектуальные знания, но производит частную собственность. Люди становятся умнее, когда обмениваются информацией и идеями. Сегодняшние корпорации борются за максимизацию сотрудничества и одновременно требуют для себя лично монополии на результаты. Идеальный корпоративный продукт должен проводиться бесплатной рабочей силой всей человеческой расы, а распоряжаться им должен один-единственный дистрибьютор. Значительная часть исследовательской работы в любом научном направлении происходит задолго до того, как легально признанный владелец патента выходит на сцену. Патенты и права на интеллектуальную собственность могут вознаградить того, кто первый заявит об открытии, но эти же механизмы препятствуют распространению информации и идей.

И действительно, одной из основных функций корпоративных исследований является патентование и замалчивание изобретений, которые могут нарушить работу существующих бизнес-моделей. Мелкие инвесторы не могут конкурировать в тех областях промышленности, где средства производства монополизированы несколькими корпорациями, несмотря на то, какие гениальные у них идеи в кармане. Существующая система вовсе не является самой эффективной для производства *знаний*. Она эффективна в вопросе превращения знаний в *капитал*.

Поэтому исследования на самом деле являются способом накопления капитала, а также особой формой капитала сами по себе. Более того, они помогают открыть новые формы, которые может принимать капитал. Корпорации могут уже патентовать генетически изменённые организмы и использование генетической информации. Наша собственная биология становится очередной удобной для эксплуатации средой. К услугам корпораций богатые, нетронутые ещё

Давайте посмотрим...
Они ослепили меня,
заставляли испытывать
мучительную боль несколько
месяцев и каждый день делали мне
смертельную инъекцию... Но! Мои
волосы ещё никогда не были
такими блестящими и
шелковистыми.

накоплением капитала пространства. В то время как практически всё остальное, что нас когда-то объединяло, приватизировали.

Изобрели бы мы семена-терминаторы и другие формы запланированного самоуничтожения, если бы не капиталистические императивы? Сосредоточили бы мы больше ресурсов на производстве технологий, вызывающих рак, чем на поиске способов его излечить? А если бы этих императивов не было, что бы ещё мы создали?

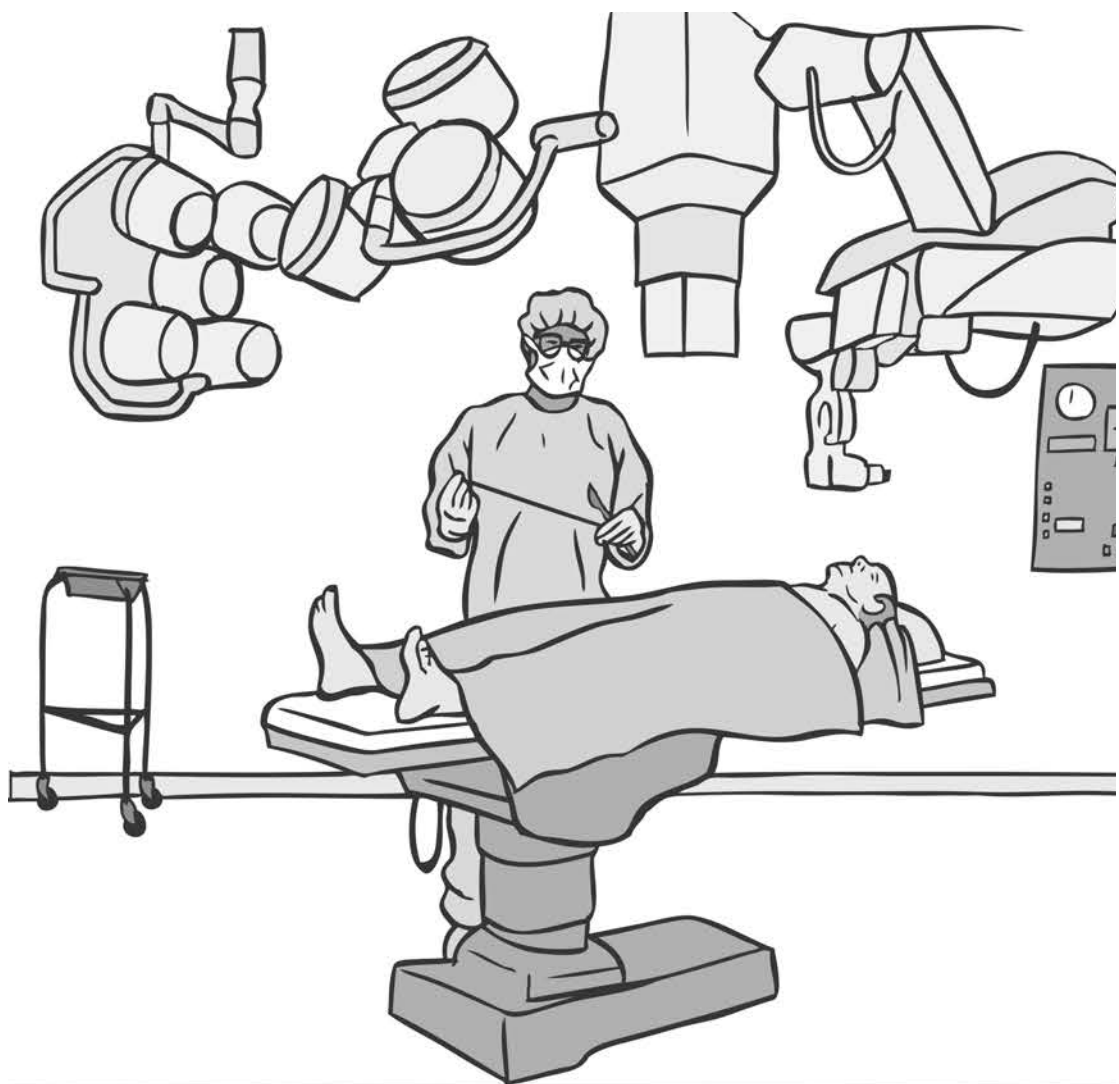
Медицина

Что может быть дороже здоровья? Развитие медицины при капитализме — один из самых убедительных доводов, которые приводятся за его сохранение. И в то же время ни одно другое общество в прошлом не распределяло медицинские знания и доступ к лечению столь же несправедливо, как наше. Трансплантация сердца — это уже не благо, если вам пришлось продать руку и ногу!

Но не всегда наши тела были нам чужими. Когда-то лекарства в прямом смысле росли на деревьях, и в каждой семье был кто-то, кто умел их использовать. В результате многовекового наступления на традиционную медицину (начиная с сожжения ведьм и заканчивая ограничением на количество практикующих врачей, которое наложено Ассоциацией Врачей США) мы оказались беспомощны перед элитным классом врачей. Это наступление проходило параллельно с колонизацией Нового Света — насильственным созданием новых рынков.

В наши дни для общения с собственным телом нам нужна помощь посредников: наши тела шлют нам сообщения, но мы недостаточно образованы или глухи. Вместо этого мы доверяем диетологам, гинекологам, стоматологам и ещё десятку разных специалистов. Мы вышли за рамки дуализма «тело-сознание» и разделили сами себя на множество дискретных частичек и систем, и к каждой из них относимся как к чуждой для нас сущности. Даже собственное сознание кажется нам чем-то запредельным для понимания, и мы препоручаем себя психиатрам, психологам и терапевтам.

Это вовсе не значит, что онкологи или токсикологи — бесполезные шарлатаны. Это не так: в столь загрязнённом мире как наш они играют важную роль. Целью всякой врачебной специализации является не лечение населения, но эффективное зарабатывание больших сумм денег. И именно с этой целью определённые виды медицинской деятельности пиарятся, в то время как другие скрываются.

Например, в исследования превентивной медицины нет смысла вкладывать денег больше, чем это необходимо для предотвращения эпидемий и обеспечения трудоспособности населения. Медицинская индустрия является столь значительной частью экономики, что если люди вдруг перестанут заболеть или получать увечья, наступит кризис. С другой стороны, опасности, связанные с современными формами занятости и потреблением, дают этому бизнесу прекрасные возможности. Дархам, Северная Каролина, раньше был центром табачной промышленности, а теперь рекламирует себя как Город Медицины. Как и предусмотрительно морально устаревшее оборудование, ятрогенные заболевания на самом деле являются *успешной формой бизнеса* с точки зрения капиталиста-медика. Пока, конечно, конкуренты не получают преимущество. Если считать ятрогенными все болезни, появляющиеся в результате деятельности всех видов индустрии, то медицинский сектор начинает походить на сборище рэкетиров, а индустрия страхования — надстройка в виде *ещё одной* банды вымогателей.

Капитализм всё глубже проникает во все аспекты наших жизней, и здоровье человека всё в большей степени определяется распределением капитала, а не оплатой счетов за лечение. Всего несколько поколений назад вся еда на планете была органической, а теперь это ещё одно рыночное свойство, причём очень дорогое. Кооперативы по выращиванию здоровой пищи в богатых пригородах предлагают новейшие удобрения для сельского хозяйства, в то время как в других районах нет даже продуктовых лавок: раз в неделю приезжает автолавка, и всё. Это в точности отражает организацию производственного процесса, при котором рабочие-мигранты подвергаются вредному воздействию химикатов в сельском хозяйстве, пока их начальники поправляют здоровье в ортопедических креслах.

И пока врачи не будут обладать возможностью лечить общественные и экономические причины болезней, они — при всех добрых намерениях многих из них — могут пытаться излечить лишь индивидуальные патологии. В обществе потребления это обычно означает выписывание рекомендаций на приобретение каких-то товаров. Взаимоотношения между врачом и пациентом становятся практически случайными событиями в медицинской профессии в целом по сравнению с тем, что происходит в лабораториях. Фармакологические компании определяют, что будет изучаться, как применяться и кто получит доступ к результатам исследований. Получается, что врачи — немногим больше, чем провизоры с высшим образованием.

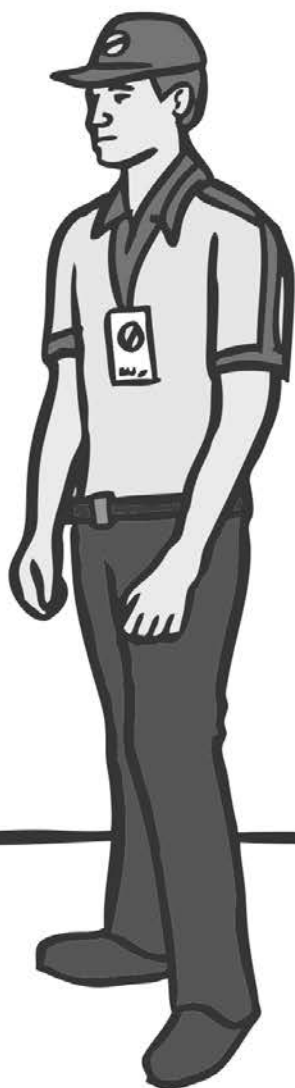
Это лишь укрепляет в людях потребительское отношение к экономике и «нажми на кнопку — получишь результат» взгляд на собственные тела. В некоторых слоях общества может сложиться впечатление, что практически *все* сидят на каких-то таблетках: список различных заболеваний среди среднего класса, которые

можно лечить безрецептурными препаратами, продолжает расти, в то время как болезни, разъедающие низшие классы, остаются без внимания. Какими бы ни были последствия индивидуального потребления медицинских препаратов (положительными или нет), они все играют свою социальную роль: нормализацию отношений «производитель-потребитель» и привыкание к процессам отчуждения, на которых этот социум основан.

В соответствии с логикой чистого капитализма, исключённые должны иметь доступ к медицинским услугам только тогда, когда становится необходимым их умиротворение, а эксплуатируемые должны получать помощь только такого рода, которая максимизирует их потребление и производство. США опасно приблизились к воплощению этой концепции (на радость всем страховым компаниям). Европейские правительства наперегонки доламывают структуры социальной поддержки населения. В тюрьмах и психиатрических лечебницах над заключёнными проводится «принудительная терапия». В основном как предлог для вторжения в личное пространство и принуждение к сотрудничеству. А в это время Риталин, Прозак, Ксанакс и литий выполняют те же функции, что и кофеин, и энергетические напитки: они — смазка в экономическом механизме. И нет особых различий между этими двумя аспектами: оба — способ держать народы в узде, чтобы они не взбунтовались против дисфункционального общества.

- Что у него было?
- Десять тысяч долларов.
- Нет, я имею в виду, что у него было, чтобы ему была необходима операция?
- Десять тысяч долларов.

Идентификация

«Личность, лишённая смысла жизни, хватается за спасительную соломинку в виде самоидентификации с теми самыми процессами, которые воруют осмысленность её существования. Он(а) становится Мы. Эксплуатируемые идентифицируют себя с эксплуататорами. И вот уже их власть становится Нашей властью: властью союза рабочих с боссами, известного как Развитая Нация».

Фреди Перлман

Мы не идентифицируем себя с собственными жизнями, из которых исчезло столь многое. Эти жизни *не могут* быть нашими. Мы перемещаем свои ожидания, надежды, чувство собственного достоинства на суррогатов — представителей, которые (странное совпадение!) правят нами и получают прибыль за наш счёт.

Зритель ассоциирует себя с главным героем фильма, читатель — с героем книги, гражданин в кабинке для голосования — с политическим кандидатом, покупательница в магазине — с моделью из рекламы. Спортивные болельщики переживают триумф через посредство своей любимой команды; религиозные люди чувствуют абсолютную мощь и благодать через причастие к своему богу. *Никто* живёт чужими жизнями знаменитостей со смешанными чувствами восхищения и презрения. Моя полы под музыку радиоприёмника после закрытия магазинчика, уборщица поёт в унисон с поп-звездой о том, как много денег они зарабатывают.

Рабочий ассоциирует себя с капиталистом. У него тоже есть частная собственность, которую надо защищать от любителей халлявы. Ну или во всяком случае когда-нибудь у него будет что защищать! В условиях свободного рынка он *потенциальный* капиталист. Разве не должен он защищать свои потенциальные интересы? Теперь практически каждый может жить как средний класс — или попытаться притвориться, что он средний класс. Спасибо банковским кредитам. Разве кто-то захочет сознаваться, что он проигрывает в классовой войне, в которой все остальные, кажется, побеждают?

Аналогично, студенты, вынужденные наниматься на низ-

кооплачиваемые работы, не воспринимают себя как низкооплачиваемых рабочих, но мечтают о светлых перспективах, которые ожидают их после завершения ВУЗа. И вот уже целый класс не ассоциирует себя с собственной ролью, не требует к себе лучшего отношения. Если вас убедили, что вы находитесь на верном пути к более тёплому местечку в пирамиде, *не стоит* допускать, чтобы нижестоящие вас обставили.

Национализм и патриотизм — это крайние проявления этого желания подчинённых идентифицировать свои интересы с интересами власти. Остерегайтесь первого лица множественного числа! «Наши стандарты жизни — самые высокие в истории человечества», — хвастается экономист перед читателями, чьи стандарты далеки от заявленных. «Настало время принести наши жизни в жертву во имя свободы», — заявляет президент, чья нога никогда не ступит на поле боя. Если бы вражеская армия вторглась в вашу страну, срубила бы все деревья, отравила реки, создала бы все условия, чтобы ваши дети выросли в нужде и страданиях, вы бы ни взяли в руки оружие, чтобы изгнать оккупантов? А сколь многие нанимаются в качестве добровольных соучастников преступлений, когда бизнесмены-соотечественники совершают

именно эти вещи.

Практически все формы идентичности, известные в наши дни, пытаются снизить противоречия в рамках одной категории, чтобы заострить противоречия между категориями. И все категории пытаются скрыть присущие им внутренние властные дисбалансы и конфликты, одновременно обличая эти недостатки в других подмножествах людей. Можем ли мы представить общность, которая бы не была основана на обобщениях? Общность, которая бы мыслила себя как сообщество уникальных личностей, в котором выше всего ценится взаимопомощь и поддержка? Можем ли мы начать идентифицировать себя *друг с другом*, а не с различными категориями наших господ?

Вообще-то, я музыкант.

Каждое утро в 5.30 мои радио-часы взрываются выпуском новостей. Обычно в этот момент я уже проснулась. Когда я впервые проснулась до будильника, я с презрением подумала о том, что он выдрессировал меня настолько хорошо, что я больше не нуждалась в нём. Потом я настроилась на более ироничный лад: будильник — это мой тренер по жизни, который подготавливает меня к тому, чтобы я пережила очередной день в своей жизни. И теперь пять минут до звонка будильника я трачу на то, что просто-напросто убеждаюсь, что тело отдохнуло и полностью восстановилось.

Я работаю уборщицей. Никогда не думала, что признаюсь в этом. В детстве я была исполнена решимости прожить жизнь, полную приключений. Я закончила колледж и приняла участие в программе по обмену, которая бы обеспечила продолжение обучения в Норвегии. Когда об этом узнал мой отец, он пришёл в бешенство.

«А как же твоя работа?» — вопрошал он о работе на местной фабрике, которую я нашла для подработки на пару летних месяцев.

«Уволюсь», — пообещала я. Это сбilo его с толку.

«Но через шесть месяцев тебя примут в профсоюз!» В этот момент мне казалось, что он готов меня убить. В следующем месяце я уехала в Трондхейм.

Прошло больше тридцати лет. Каким-то немыслимым образом я снова вернулась домой. Я одеваюсь перед очередной рабочей сменой в местном государственном университете. Я не очень опытна в своём ремесле — работаю всего пару лет. Но платят хорошо, а профсоюз выплачивает ещё столько же в виде социального пакета. Я живу в небольшом домике в рабочем районе. Мои дети выросли, и большая часть ипотечного кредита позади. Когда я уезжала из дома в те далёкие юношеские годы, мой отец казался мне безумцем.

Не могу сказать, что люблю свою работу. Студенты очень много мусорят и как будто смотрят сквозь меня. Профессура —

снобы, убеждённые в том, что тяжким научным трудом добились права не убирать за собой. Если бы не чек, который я получаю по почте, я бы давно забыла, что захожу в профсоюз. Большая часть сотрудников здесь — хмурые белые мужики-женоненавистники, а я одна из немногих женщин в их окружении. Приходится мириться с расистскими шуточками и мизогонией.

Работа хорошей уборщицы незаметна. Можно сказать, что я творю волшебство собственными руками: я заставляю кучу всякого хлама в коридорах просто-напросто исчезать. Благодаря мне вы не чувствуете вонь в туалете. Я тщательно закрашиваю сколы на облицовке ванных комнат. И я горжусь тем, что делаю. Не потому, что это доставляет мне удовольствие, а потому, что я делаю это на совесть.

И сами мы тоже невидимы. Мои друзья и я — бунтующие дети рабочего класса, которых лишили всех самых новых и модных приблуд. В 80-е мы были теми безумцами, которые устраивали собственные кишащие червями компостные кучи и пытались подорвать общественные устои в родной Америке, разрушить Американскую Мечту. В 90-е мы работали над тем, чтобы превратить растительное масло в источник энергии. В первое десятилетие нового века мы решили отдохнуть от приключений и обнаружили, что мейнстрим поглотил наши вкусы. Корзины для компоста, производимые на конвейере, биодизельные заправочные станции, гибридные автомобили, Интернет-магазины хэнд-мейда — всё это вызывает у нас ностальгию. В наши дни большая часть работы никому не интересна. Ни начальству, ни сотрудникам, ни клиентам. Я работаю 8 часов в день 5 дней в неделю, но большую часть этого времени я провожу за чтением книг в пустых аудиториях, заказом выращенных семян по Интернету прямо из своей коморки или же попросту сплю в пустом кабинете. И никому нет никакого дела, что моя смена длится 8 часов, а всю работу я выполняю за 3.

У такого рода работы есть свои материальные преимущества. Например, никто из моих друзей не тратится на покупку туалетной бумаги или чистящих средств. Офисное кресло с незначительным дефектом немедленно отправляется в дом к какому-нибудь соседу. С прибытием новых диванов снова наступает Рождество: завхоз ВУЗа избавляется от старых. Я ценю всё это не в качестве «дивидендов с работы», но в качестве важных инструментов поддержки подпольной экономики дара. Для меня это не столько политический вопрос, сколько стиль жизни.

Хотя именно в этом и заключается проблема. Всё в наших жизнях определяется нашей работой. Не только зарплата, но и межличностные связи, товары, которые мы приобретаем, навыки, на совершенствование которых мы тратим своё время. Всё это то, что образует связь одного поколения с другим, но этого недостаточно. Этого недостаточно, чтобы что-то изменить.

С другой стороны, не работать я не могу. Мне нужны деньги. Более того, мне нужно где-то засыпать каждую ночь, чтобы проснуться с чувством того, что я что-то совершила. Хотите верьте — хотите нет, но на поддержание зданий в рабочем состоянии требуется много сноровки. И эта работа одновременно трудная и удовлетворяющая. Но в те 300 с лишним секунд до срабатывания будильника, что я лежу в постели и смотрю в потолок, я думаю о том, есть ли другие способы как-то ещё реализовать себя в жизни, другие способы испытать чувство удовлетворения от своей деятельности. Чего бы ещё я могла достичь, помимо возможности платить по счетам и навыка быть человеком-невидимкой для студентов?

И каждое утро будильник срабатывает до того, как я нахожу ответы. Так что же, выходит, будильник, бывший тренером по жизни, стал теперь моим господином? Даже не знаю. Может быть, он мешает мне разобраться в себе. Может быть, он специально звонит как раз в тот момент, когда я уже вот-вот ухвачусь за ту самую важную идею в своей жизни.

И каждый раз, услышав радио-часы, я встаю и иду на работу. Я наклоняю голову, чтобы натянуть своё рабочее облачение. Вот она я, трущая полы в каком-то университетском закоулке, потенциальная сообщница в вашем глобальном заговоре по побегу из системы. Дремлющий до поры до времени товарищ. Спящая ячейка сопротивления. Но вам будет крайне непросто увидеть, кто из нас способен встать с вами бок о бок, кто может помочь вам в этой достойной задаче по изменению мира к лучшему.

Идентичность

«Жителей Африки поработили не потому, что они были чёрными. Их определили как чёрных потому, что поработили».

Ноэль Игнатьев

Выйти за рамки категорий идентичности — непростая задача. Да, это конструкторы, но в каком-то смысле они более реальны, чем сама реальность. Возьмём расу. Это не только биологическое понятие, но и общественный факт. Некоторые из наших представлений об идентичности развивались в ходе сотен, даже тысяч лет общественной жизни. И развились до такой степени, что мы не представляем себе мир, который был бы свободен от них. Очень трудно держать в голове мысль, что эти соображения на самом деле не «естественны», не являются неоспоримыми явлениями природы.

Те формы идентичности, которые нам известны, основаны на разделениях «я — другие», «свои — чужие» и им подобных. Примером является разделение между христианами и язычниками, которое использовалось для оправдания завоевания и массового забоя последних. «Чёрная раса» была выдумана как рационализация подчинения ряда народностей, а «белая раса» — повод объединиться в альянс несколькими этническими группам, разделяющим важные цивилизационные преимущества. Справедливость этого замечания можно увидеть на примере того, как с течением времени всё новым этническим группам позволялось причислять себя к «белым». Белые крепостные не могли наслаждаться преимуществами этого союза в той же степени, что и белые землевладельцы, однако их последовательно отделяли от чёрных рабов, и им предоставляли ровно столько преимуществ над рабами, сколько было необходимо, чтобы белые и чёрные эксплуатируемые не объединились и не восстали в едином порыве. И позже эти же самые категории использовались для разделения акционеров и заводских рабочих.

В течение долгого времени идентичность в условиях капитализ-

ма определялась в рамках производственного процесса. Крестьяне, торговцы, знать — все они идентифицировали себя через продукты труда или собственность. Также продолжают идентифицировать себя голубые, белые и розовые воротнички наших дней. Когда люди определяют сами себя в соответствии со своей ролью в производстве, самоопределение по каким-либо иным критериям — уже само по себе восстание. Именно так зародились движения религиозных диссидентов XV века и хиппи. Но в последнее время потребление стало играть более важную роль в формировании идентичности: «днём я вожу грузовик, но по жизни я фанат кантри». В то время как производственные роли стали менее жёсткими и надёжными, капитализм поглотил новые способы самоидентификации: сегодня нас поощряют к тому, чтобы мы смешивали и примеряли на себя практически бесконечное многообразие потребительских образов. И все они появляются в качестве контекстной рекламы на наших страничках в Вконтакте.

В XXI веке долгосрочные категории самоопределения уже не так чётко соответствуют производственным ролям, но присущий капитализму дисбаланс остаётся. Да, рабство отменили, и да, чёрный тоже может быть президентом, но всё равно процент чёрных заключённых неуклонно растёт. Да, женщинам позволено голосовать и работать где-то ещё, кроме собственного дома, и даже можно стать мэром Санкт-Петербурга, но только пока они продвигают те же идеи, что и политиканы мужского пола.

Идентичность — это та область, где можно набрать сторонников для своего общественного протестного проекта. Это было и во времена национальных освободительных движений вроде Партии чёрных пантер и Лесбиянок-мстительниц, это остаётся актуальным и по сей день. Но тех, кто выступает против капитализма только потому, что он ограничивает их и им подобных в возможностях самим стать капиталистами, легко кооптировать. Убейте или посадите Пантер, дайте парочке Биллов Козби и Майклов Джорданов достигнуть вершины — и остальное сообщество получит меседж: единственный способ выбраться из нищеты — рыночная конкуренция. Капитализм взращивает различия между народами, чтобы упростить задачу концентрации богатства, но он же может позволить отдельным личностям подняться по социальной лестнице ради защиты собственной порочной структуры.

И как только основанное на идентичности радикальное крыло движения изолировано и разгромлено, власть может поглотить реформистскую фракцию. Требуя равных социальных возможностей для всех в рамках капиталистических отношений, реформисты тем самым подтверждают легитимность капиталистической системы, они защищают достижения немногих как достижения *всех представителей* некоей идентичности. В худшем случае дискурс привилегированности может быть похищен, чтобы лишить легитимности настоящее движение сопротивления: как смеют белые атаковать мультиэтничную полицию в ответ на полицейское

убийство чернокожего? Это иронично, но такого рода дискуссии об идентичности ведутся даже в рамках обсуждения перспектив классовой войны. Некоторые активисты настолько сосредотачиваются на «классизме», что забывают о капитализме. Если бы бедняки сами по себе были простой социальной группой, ущемление каких-либо их интересов представляло бы большую опасность для освободительного проекта, чем нападение на структуры, производящие нищету.

И хотя мы вынуждены определять себя через ту или иную идентичность, все они так или иначе воспроизводят капитализм. Если мы хотим выйти за эти рамки, имеет смысл не просто бороться за наши рабочие права, женские права или права иммигрантов. Все эти цели вполне достижимы в капиталистических рамках улучшения заработной платы, более высоких зеркальных потолков в офисах и новых квот на гражданство. Капиталисты могут делать уступки, но они обязательно попытаются заставить платить за эти уступки других угнетённых: например, в ответ на студенческие протесты против уменьшения бюджетного финансирования в Калифорнии политики предложили приватизировать государственные тюрьмы, чтобы перевести деньги в сектор высшего образования. Мы должны выйти за рамки наших ролей и идентичностей, открыть заново самих себя, вновь обрести свой интерес в проекте сопротивления. Наша солидарность не должна быть основана на общей субкультуре или общественном статусе. Она может быть чем-то, что объединяет нас с другими людьми, выступившими против своих общественных ролей в экономической системе.

Вертикальные союзы, горизонтальные конфликты

На каждой линии фронта в войне угнетателей и угнетённых первые пытаются подкупать последних при помощи обещания особых привилегий в обмен на подчинение. Одни угнетённые обеспечивают подчинение других, а самих угнетателей, в свою очередь, угнетает кто-то другой — такова природа иерархии. У самых бедных народов более успешные классы ведут между собой борьбу за право подешевле продать соотечественников; в самых бедных районах есть полицейские информаторы; в самых бедных семьях мужчины силой навязывают межклассовый императив патриархата.

И в то же самое время конфликт между людьми, находящимися на одной и той же экономической ступени, принимает тысячи форм: это и конкуренция за рабочие места, и войны уличных банд, и этническая вражда, и войны между бедными странами за ресурсы, которые ещё не разграбили более богатые. Всё это отвлекает внимание от того факта, что насилие встроено в систему эксплуатации. Может показаться, что людям свойственны жестокость и вздорность (конечно же, свойственны ровно настолько, сколько необходимо, чтобы они не могли объединиться против своих эксплуататоров, не говоря уже об обустройстве общества, основанного на сотрудничестве, а не соревновании). И всё же именно экономическое неравенство является причиной большинства этих противоречий, как бы сильно нам ни хотелось думать, что они неотъемлемая часть «природы человека».

Вертикальные союзы и горизонтальные конфликты не просто выгодны капитализму. Они его суть. Эта система функционирует только потому, что люди готовы соревноваться с равными себе, при этом не подвергая сомнению привилегии вышестоящих. Капитализм унаследовал от систем угнетения прошлого несбалансированную властную структуру, потому что она наиболее эффективна в деле распространения горизонтальных конфликтов и вертикального подчинения. В обществе, характеризующемся неравенством, чем больше социальной мобильности у человека, тем менее

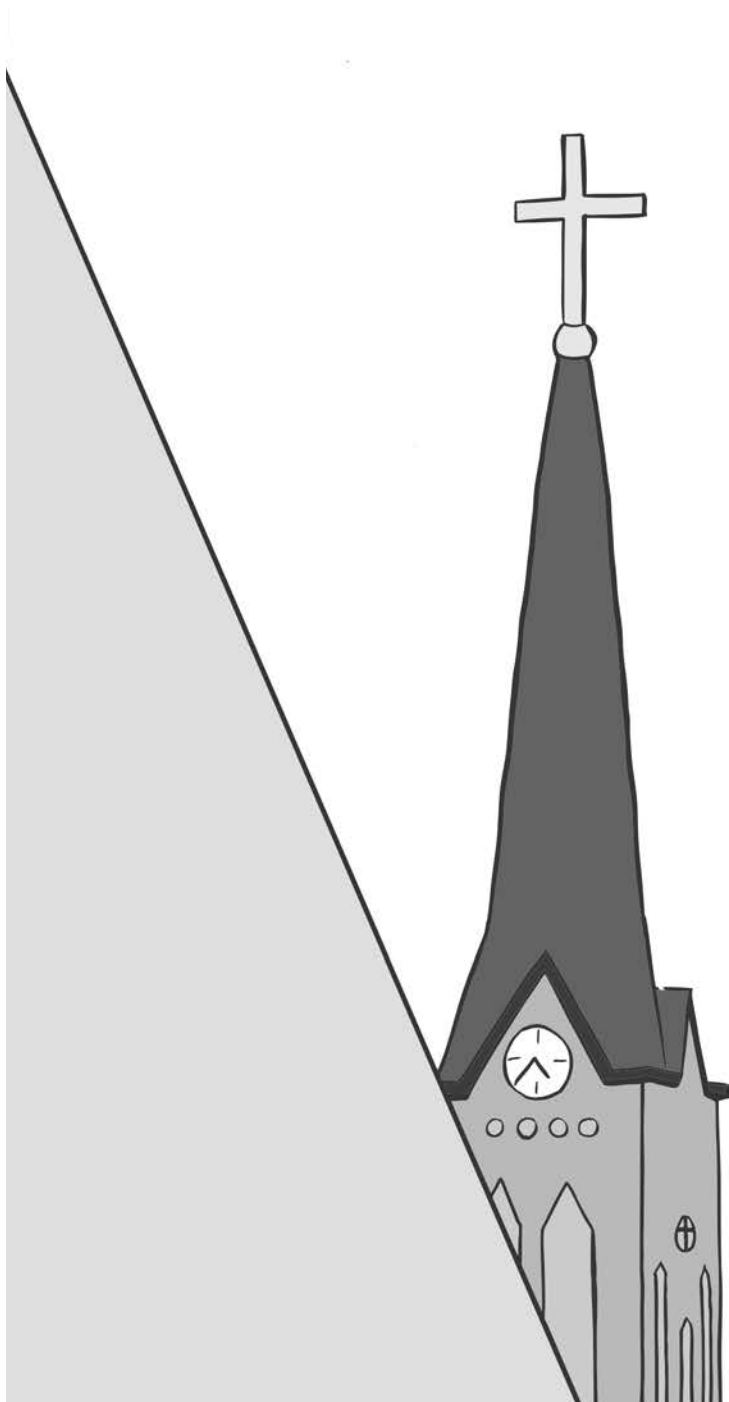
он будет склонен искать общие основания для борьбы с себе подобными и тем больше у него стимул конкурировать за тёплое местечко.

Вертикальные союзы могут принимать вполне невинные формы: например, футбольные фанаты или сторонники какой-нибудь религии. Кто из нас не жаждет мира во всём мире, населённом людьми доброй воли? И всё же упомянутые формы единения служат сглаживанию различий, в результате чего всё наполняется фальшью. Аналогично, культурные нарративы вроде продвижения «семейных ценностей» куют кроссклассовые альянсы между консерваторами в различных частях общества и богатыми политиками, которые только рады направить гнев подальше в сторону от себя. Даже союзы, основанные на оппозиционной деятельности или маргинализованной идентичности, могут подавлять классовый конфликт, что можно наблюдать на примере либерального крыла ЛГБТ-движения, призывающего к ассимиляции в существующее общество.

Когда эксплуатируемые и исключённые не ведут классовую войну против богатей, их заставляют воевать друг против друга. История полна свидетельств охоты на ведьм, погромов, расистских, сексистских и этнических чисток. И эту часть нашей истории невозможно отделить от истории капитализма. Все эти события, как правило, происходили под воздействием тех самых экономических механизмов, которые в иных случаях приводят к революциям: злость по отношению к капиталу перенаправляется на евреев, а азиаты в бедных кварталах больших городов изображаются ответственными за системную несправедливость капитализма. В своей книге «Патриархат и накопление в мировом масштабе» Мария Майс цитирует немецкого чиновника, Бейлифа Гейса, который подталкивает своего сюзерена объявить охоту на ведьм:

«Если бы только вашему величеству стало угодно начать сожжения, мы бы с радостью предоставили дрова и взяли на себя оплату всех издержек, а ваше величество заработает достаточно средств, чтобы починить городской мост и собор. Более того, денег хватит и на повышенное жалование вашим слугам, потому что мы можем конфисковать дома, особенно те, что находятся в хорошем состоянии».

Как это ни трагично, но для слуг безопаснее науськивать своих хозяев против бедняков в надежде, что часть награбленного перепадёт и им, чем пытаться восстать и сбросить с себя ярмо. И, возможно, это основной парадокс антикапиталистического сопротивления. Потому что если вы хотите стать ещё богаче, то этого проще достичь, отнимая богатство у тех, кто слабее вас, чем отнимая его у тех, кто сильнее. А если вы не хотите воспроизводить капиталистические отношения в вашей жизни, придётся выступить против тех, кто сильнее вас. Давид против Голиафа.

Религия

Для сокрытия истинной веры, которой руководствуется общество (а именно: системы ценностей), используется двоемыслие в виде организованной религии. В Европе это было Христианство. Даже самые молодые движения сопротивления имеют тенденцию формулировать свои освободительные проекты в религиозных терминах. Поэтому мы можем утверждать, что капитализм является своего рода истинной религией эпохи: все доктрины и традиционные уклады жизни оказались вовлечены в конкуренцию, но при этом все принимают за должное то, что происходит на кассе в супермаркете идей: воображение даже самых радикальных мыслителей отключается, стоит им помыслить о мире без работы.

Католическая церковь предоставила идейный базис для феодализма. В те времена именно церковь являлась крупнейшим землевладельцем и самой долгоиграющей иерархической организацией в Европе. Клирики приносили своей структуре колоссальную прибыль: сбор податей с крестьян и продажа индульгенций. Концентрация власти поддерживалась тем, что можно было бы называть «духовной экономикой», где валютой оказалась святость. Приток в руки пап и священников материальных ресурсов стал возможен в результате их монополии на *спасение души*.

В наши дни всё повернулось вспять, и теперь финансовая власть даёт возможность контролировать распределение всех других видов валют. Ничто не является более священным, чем частная собственность, ничто не ценится столь же универсально и не охраняется столь рьяно. Конфессии вынуждены конкурировать между собой на рынке человеческих душ. Иногда это принимает формы откровенно коммерческих предприятий (например, Пэт Робертсон и Орал Робертс, адаптировавшие евангелизм для эпохи СМИ, а также монополия РПЦ РФ на импорт сигарет и алкоголя, полученная в 1990-е). Несмотря на все попытки телепроповедников, вседозволенность потребления заменила собой религиозное пуританство. Теперь позволены практически все виды наслаждения, если, конечно, ими наслаждаются в установленных рынком рамках.

Невозможно спорить с основополагающими мифами религии. Чтобы изобличить религию как набор предрассудков, необходимо отказаться от неё. Но за окном не Средние века, и если кто-то

решится стать угрозой для статус-кво, власти не колеблясь применят силу. XVI и XX века явили человечеству народные революции и массовые боины, которые случались каждый раз, как угнетённые восставали сначала против церковников, а потом против капиталистов. И всё, что на самом деле менялось, — это система ценностей, которая легитимировала власть насилия и манипулировала сознанием бедняков, которые с радостью переключались с классовой войны на внутренние разборки.

Единственными уцелевшими на Западе формами религии оказались те, которые откровенно продемонстрировали готовность сотрудничать с властью: либо руководя процессом захвата и колонизации, либо проповедуя ненасилие и отшельничество. В России и США сеть политически ангажированных церквей до сих пор является базой поддержки для правых. Европейское понятие святости неразрывно связано с доминированием и подчинением. Само слово «иерархия» образовано с использованием корней *святий и правитель*. Да, тонко сокрытые формы недовольства существуют даже в самых суровых условиях, и есть такие верующие, которые применяют понятие «Бога» в том смысле, в котором другие используют «взаимопомощь» и «сообщество». Но церкви и то, как они пытаются поглотить и переработать подобные ценности (например, программы гуманитарной помощи, в рамках которых они решают проблемы, возникающие в результате развала системы социального обеспечения), как правило, уводят людей в сторону от задачи научиться самостоятельности и защите своих интересов.

В других частях мира традиционные религии оказались во главе сопротивления наступлению западной капиталистической системы. Большая часть исламского фундаментализма в так называемых странах Третьего мира — это относительно недавнее течение, заполнившее вакуум, возникший после провала местных светских освободительных движений. Но повсюду от Ирана до Афганистана религиозные группы, выставляющие себя в качестве поборников альтернатив западному капитализму, просто-напросто защищают старые формы иерархии перед лицом новых.

Правосудие

«Для них — один закон, для нас — другой». Теоретически, для богачей должны быть те же легальные последствия в случае кражи или обнаружения спящим под мостом, как и для бедных. На практике же всё совсем не так.

И это не должно удивлять нас, если учитывать, откуда произошла наша система правосудия. В течение всей человеческой истории у разных сообществ существовали различные общественные институты, призванные разрешать конфликты. В отличие от всех них, современная юриспруденция призвана защищать частную собственность. Первоначально суд существовал в виде королевского суда при дворе сюзерена, в который обращались землевладельцы; постепенно появились специальные судьи, которые стали выносить решения от имени короля. В этом смысле мы всё ещё живём в феодальные времена, потому что мы унаследовали эту юридическую систему и её концепции, а также существенную часть законов.

Существующий уголовный кодекс до сих пор защищает прежде всего частную собственность: для системы является законным даже выселение семьи из дома на улицу, а самозахват пустующего здания — преступление. Но в наши дни механизмы наблюдения и контроля проникли в наши жизни куда глубже, чем это было в прошлом. Король мог вмешиваться в жизнь своих вассалов лишь в исключительных случаях. Теперь же миллионы людей и машин беспрестанно отслеживают, расследуют, оценивают и наказывают.

Судебная система — венец этого аппарата. Суды оказывают огромное, но малозаметное, влияние на жизнь нашего общества. Можно прожить всю жизнь и так ни разу и не встретить живого судью. Но решения, которые принимают эти люди, оказывают влияние на ваш досуг и рабочее окружение, на то, какими технологиями вы пользуетесь, даже на то, что вы едите. Суды субсидируют промышленность тем, что навязывают обществу оплату издержек производства, снимая с капиталистов всякую ответственность за экологический ущерб или членовредительство. Иронично, что это делается «во имя всеобщего блага». Суды задают нормы

общественного поведения, определяют критерии легитимности и девиантности. Нам говорят, что судьи — сторона нейтральная и лично не заинтересованная в принятых решениях. Но все они выходцы из одного класса. И то, на чьей они стороне в социальном конфликте, очевидно каждому.

Нигде классовая несправедливость не проявляется так ярко, как в системе уголовного делопроизводства. Предполагается, что судебная система гарантирует всем равные права при рассмотрении дел. Но аппарат этот настолько бюрократизирован и сложен, что нам требуется особая элитная каста жрецов, которые понимают, как он работает. И чтобы действовать в рамках этого аппарата, вам потребуются особые полномочия, которые недоступны простым людям. Если кому-то приходится иметь дело с судебной системой, он вынужден нанимать одного из этих специалистов. Если против вас играет противник, который может позволить себе более сильного юриста, — тем хуже для вас. Те, чьи финансовые возможности не позволяют нанять частного адвоката, могут считать себя счастливыми, если им назначают заработавшихся, некомпетентных и пассивных государственных общественных защитников. Те из подсудимых, чьи интересы защищают государственные адвокаты, как правило, получают большие штрафы и сроки. И даже в случае проигрыша своего дела они всё равно вынуждены оплачивать услуги защитника (в РФ государственный защитник предоставляется бесплатно, но порочная практика сотрудничества вчерашних следователей — сегодняшних «адвокатов» с дознавателями печально и широко известна — прим. пер.).

Получается, что судебная система в любом конфликте действует в интересах более обеспеченной стороны. И чтобы добиться какого-либо «равенства перед законом» для всех и каждого, нам придётся отказаться от привлечения частного адвоката. Но задача уничтожения капитализма целиком и полностью может быть более простой, чем попытка провести подобную реформу в обществе, где адвокаты наделены такой властью.

Судьи и юристы не единственные, кто извлекает прибыль из действующей судебной системы. В том редком случае, когда оказывается арестован богатый человек, он может выложить часть ~~награбленного~~ накопленного в качестве залога своего освобождения. И получить его назад по окончании судебного процесса. Бедняки, которые не могут позволить себе освобождение под залог, могут приобрести услуги специальных поручителей, но в этом случае они уже своих денег никогда не увидят (в России нет института платных поручителей, но распространена практика выплаты «отпускных» следователям через «государственных защитников», которые обычно действуют в доле с дознавателями и сами предлагают такой вариант в случае не очень серьёзных и резонансных дел — прим. пер.). Очередной пример процесса «богатые богатеют — бедные беднеют». Эта же самая практика заставляет неимущих обвиняемых идти на оформление «явки с повинной» и «чистосердечного

признания» или сотрудничества со следствием ради призрачной надежды скостить срок.

Кстати да, в наши дни система уголовных судов практически полностью держится на добровольных признаниях подозреваемых. На серьёзное и обстоятельное рассмотрение всех уголовных дел попросту нет времени. Поэтому всех бедных подозреваемых на каждом шаге следственной и судебной драмы запугивают и заставляют пойти на сделку со следствием. «Чистосердечное признание — мать всех доказательств». И все, кто работает в этой системе, прекрасно осведомлены о неэффективности и несправедливости судебной системы. Статистически, 52% всех приговоров по уголовным делам в РФ вынесены несправедливо и с нарушениями. И эти данные приводятся в учебниках, по которым в ВУЗах учат будущих юристов. В этом свете всякое доследственное заключение, освобождение под подписку, обязательства явки, штрафы, условные сроки и тому подобное — ни что иное, как очередной набор инструментов для несправедливого распределения власти в обществе. Такой же, как деньги.

Это объясняет, почему «судебный бизнес» так плохо справляется с «антиобщественной деятельностью»: задача судов не столько в том, чтобы помочь людям или социально реабилитировать их, сколько в сохранении конкретного общественного устройства. В каком-то роде каждый раз, когда кто-то совершает преступление, часть ответственности лежит на всём обществе, которое вырастило такого человека. Но уничтожение криминогенной обстановки не является приоритетной задачей, если только нет прямой угрозы капиталистическим отношениям.

Взгляните на все те преступления, которые совершают корпорации и правительства. Хотя бы на те, которые являются преступлениями по их собственной шкале ценностей. Достаточно просмотреть список нарушенных белыми колонистами договоров с коренными американскими народами или тщательно изучить деятельность ближайшего ОВД, чтобы понять, как мало значит закон для тех, кто действует от его имени. Закон даёт возможность защищать интересы тех, кто контролирует капитал. Его можно легко отбросить, когда возникает необходимость в более эффективных инструментах. И когда нам говорят, что закон одинаков для всех, то делают это лишь для того, чтобы убедить нас в легитимности их власти.

На словах многие уважают эту легитимность, но на практике мало кто готов к безусловному подчинению. Задумайтесь, как много людей пользуются пиратским программным обеспечением и слушают бесплатно скачанные песни — и всё это несмотря на корпоративную пропаганду, которая клеймит подобную практику как воровство. Даже наиболее ярые сторонники закона и порядка нарушают ПДД. О справедливом правоприменении можно говорить сколько угодно, но на практике каждый думает, что для него возможно исключение. И это вполне в духе самих законов, разработанных для

того, чтобы одни люди держали в подчинении других.

Сторонники легитимности современной судебной системы говорят о том, что общество нуждается в некоем методе предотвращения и профилактики опасного и аморального поведения. Но сами по себе законы ещё никого не останавливали. И всякий сознательный гражданин, решивший взять правосудие в свои руки и навязать соблюдение законов другим, будет судим за самоуправство. Истинная роль судебной системы — придание легитимности государственной монополии на насилие. Когда полицейские выражают гнев по поводу «насильственной» порчи полицейского имущества, их злит не *насилие* само по себе, а то, что кто-то *посмел самоорганизоваться*. Судебная система существует для подавления способности граждан к самоорганизации, для вдалбливания народу мысли, что он неспособен самостоятельно принимать решения по вопросам, имеющим к нему отношение.

Мы живём в этой системе и постепенно забываем, что это такое — отвечать за самих себя. Мы забываем, что это такое — решать конфликты таким образом, чтобы удовлетворить интересы обеих сторон без привлечения бандитов в форме. Мы забываем, что это вообще возможно. И самое ужасное — это то, что мы забываем, как нужно поднимать голову и бороться за себя, как действовать по зову сердец, без оглядки на правила, когда они приходят и пытаются отнять у тебя всё.

В чём его
преступление?

Он не свергал
капитализм

Я приговариваю вас к сорока часам каторжных работ каждую неделю в течение всей оставшейся жизни. Ежедневно вы должны отмечаться у начальников, чтобы быть под постоянным контролем и наблюдением и не иметь возможности выбрать, как использовать свой потенциал. Следующий!

Нелегальная капиталистическая деятельность

*«Бродил я много по свету
И многих людей повидал:
Иной грабанёт с пистолетом,
А кто-то — с бумажкой в руках»*

Вуди Гатри

Нелегальная деятельность распространена на всех уровнях социальной пирамиды, от уличных банд внизу до финансовых махинаций на самом верху. Ограбление банка можно рассматривать как достаточно неуклюжую попытку перераспределения богатств. Мафиозная структура — это уже капиталистическое предприятие. Не всё, что нелегально, обязательно плохо для капитализма. Огромная часть капиталистической экономики существует вне закона.

Какое предприятие обошлось без воровства в той или иной форме на начальном этапе своего развития? Если законы существуют для защиты собственности тех, кто уже находится у власти, то они оказываются не более чем одним из многих препятствий для желающих вступить в класс привилегированных. И хотя эти законы, как правило, пишутся этим самым классом привилегированных, сами представители данной части общества не могут не нарушать собственных законов. Enron и Ходорковский являются «исключениями» потому, что мы узнали о них, а не потому, что они нарушили закон.

Чёрный рынок подчиняется тем же законам, что и все остальные. В результате функционирования он точно так же способствует концентрации власти. Успешные наркокартели структурно идентичны легальным торговым кампаниям. Основное различие между ними заключается в том, что первым приходится самостоятельно защищать свои интересы, тогда как вторые привлекают аутсорсера в лице государства.

Может сложиться впечатление, что в нелегальной деятельности больше насилия, чем в легальной. Но всё это насилие — результат борьбы за влияние, разногласий в деловых вопросах или передела рынка. Другими словами, основополагающие причины такие же, как и в легальном бизнесе. В этом отношении нелегальные дельцы ничем не отличаются от своих легализовавшихся собратьев. Если бы у General Motors не было в распоряжении юридической системы для навязывания прав собственности на патенты, им пришлось бы взять на себя решение этого вопроса или найти для этого соответствующего подрядчика. Законодательный аппарат всякого государства — не что иное, как монополизированная версия той же структуры, которую представляет из себя мафия. Чёрный рынок вовсе не обязательно более жесток, чем другие сектора экономики. В конце концов, что такое уличная перестрелка по сравнению с индустриальным тюремным комплексом? То самое насилие, которое так шокирует нас в преступниках, которых показывают по телевизору, незаметно в нашей ежедневной общественной жизни, потому что оно носит всепроникающий и постоянный характер.

Значительная часть того, что мы считаем «законом», определяется соображениями удобства класса капиталистов. Табак легален, потому что его производят и продают национальные корпорации. То, что выращивается в других регионах (продукты из коки, кроме Кока-Колы, конопли или мака), нелегально. Можно было бы утверждать, что кокаин нелегален потому, что он представляет угрозу для здоровья потребителей. Однако никто не мешает табачным производителям добавлять особые добавки в сигареты (канцерогенные) с целью привязать к ним побольше курильщиков. Бензин оказывается более сильным наркотиком, чем табак или кока. Но вряд ли мы станем свидетелями его запрета. Многие товары капиталистического производства в том или ином виде опасны для потребителя. Вильям Берроуз как-то заметил, что *продажа товара — больший наркотик, чем его потребление*.

Часто в качестве оправдания для запрета какой-либо деятельности используются культурные нормы. Но, как правило, это всего лишь ловкий ход со стороны политиков, которые играют на людских предрассудках для защиты интересов определённых рыночных кругов: сексуальные услуги могут быть уголовно наказуемы, зато «массажные салоны» действуют без всяких помех. Навязывание подобных ограничений открывает богатые возможности к обогащению, а позволяющие в результате репрессивные механизмы можно с лёгкостью перенаправить на другие цели. «Война с наркотиками», объявленная правительством США, использовалась для запугивания бедных сообществ чернокожих жителей страны и репрессий против социальных движений в Латинской Америке. В этот же самый период ЦРУ помогало никарагуанским Контрас перевозить кокаин в США в обмен на оружие.

Законы, которые якобы чтят в судах, в конечном счёте вто-

ричны по отношению к законам спроса и предложения. Как только кто-то обнаруживает эффективный метод зарабатывания денег, который идёт вразрез с законом, властям приходится принять это за данность (тайно или явно), если только этот метод не угрожает всей остальной экономической системе в целом. Размеры чёрного рынка в России и Мексике сопоставимы с масштабами легальной рыночной деятельности в этих странах. Подобно тому, как североамериканские корпорации являются по сути более могущественными, чем правительство США, мексиканские наркокартели имеют возможность вести вооружённую войну с мексиканским правительством. И вот уже мексиканские политики говорят о возможности легализации наркотиков как стратегии по разделению и контролю наркокапиталистов.

В соответствии с рыночной логикой люди принимают решения, основываясь на взвешенной оценке риска и возможного выигрыша. У каждого человека и каждой корпорации есть определённое представление о степени допустимого риска. Существуют инвестиционные фонды, имеющие дело с такими инвестициями, чистая прибыль от которых немногим выше нуля, и такие брокеры, которые играют исключительно на курсе стабильных ценных бумаг, доход от которых минимален. Игроки на чёрном рынке приняли решения о допустимых для себя рисках в соответствии с собственными жизненными условиями и решили, что игра стоит свеч.

Но с течением времени характер риска и выигрыша может измениться по мере изменения законов и норм. Например, при легализации какого-либо вида наркотика на этот рынок приходят новые инвесторы. И по иронии судьбы в результате легализации какой-либо деятельности, которой вынуждены заниматься бедняки, лишённые возможности вести бизнес легально, эти же люди оказываются в проигрыше: на арену выходят крупные конкуренты, которые вытесняют их на задворки. Многие малообеспеченные семьи оплачивают учёбу своих детей в колледжах благодаря продаже марихуаны, но если её полностью легализовать, табачные компании в считанные недели произведут передел рынка.

Поскольку чёрный рынок является частью капиталистической экономики, он тоже стал ареной антикапиталистической борьбы. Мелкие независимые уголовники борются с иерархически организованными преступными группировками. Проститутки образуют кооперативы, чтобы не платить сутенёрам. В широко известном сквотированном голландском районе Христиания торговцы марихуаной годами мирно уживаются со сквоттерами, участвуя в поддержании автономного характера поселения. Низовое общественное сопротивление в Дублине и других подобных городах вытеснило продавцов героина из своих районов. Ничто из вышеперечисленного не является моделью, по которой мы могли бы устроить жизнь вне капитализма. Мы просто хотели показать, что везде, где существует неравенство, возникает сопротивление.

Бизнесмен из США:

«А у вас что, разве нет коррупции в стране? И взятки никто не даёт?»

Бизнесмен из России:

«Коррупция? Что ты! У нас та же система, что и у вас. Только наша более демократична: в моей стране каждый может в индивидуальном порядке «пролоббировать» свои интересы. А у вас всё настолько бюрократизировано, что только самые богатые могут повлиять на благоприятный исход дела. Уверен, что вы включаете взятки в ВВП».

Для молодёжи, которая лишена всякой надежды выжить в системе, банда становится корпорацией, ВУЗом, религией, жизнью... У меня на шее набито «Eight Trays», а на груди — «Crips»¹⁴. Несложно представить себе Джорджа Буша с «Республиканец» и «Капиталист» в этих местах.

Саника Шакур

Во времена, когда Христианство ещё играло ключевую роль в системе белого превосходства, молодая Гарриет Табмен пережила видения, в которых с ней якобы говорил тот самый Бог, о котором рассказывают в церквях для белых. К тому моменту, как разразилась Гражданская война, она бежала из рабства, контрабандой вывезла на волю более 70 других рабов, освободила своих родителей из лап властей и помогла Джону Брауну в его попытке начать восстание рабов. Люди называли её Моисеем на манер библейского пророка, который вывел евреев из египетского рабства.

Табмен впитала в себя и переработала мифологию своих властителей, чтобы использовать её против них самих. Она воплощала те самые идеалы, к которым якобы стремились сами рабовладельцы. В наши дни многие небелые вырастают в контексте мифологии «стань богатым и успешным», но не видят вокруг никаких легальных способов улучшения своего экономического положения. В переулках бедных кварталов городская молодёжь использует те же самые методы конкурентной борьбы, что и дельцы на Уолл-стрит. Применение капиталистической логики вне рамок государственного законодательства считается предосудительным и наказывается не потому, что это *опасно* (не существует безопасного капитализма), а потому, что «легальные» капиталисты не могут монополизировать подобную деятельность. Сто лет назад в США сжигали церкви для чёрных только за то, что белые христиане осознали, что стали *Фараонами*. В наши дни небелых людей сажают в тюрьмы за то, что они идут по стопам Генри Форда.

¹⁴ *Crips* - это одна из самых старых и самых печально известных уличных банд. Как и множество других уличных группировок, *Crips* - фактически свободная конфедерация сотен банд по всему США. Члены *Crips* занимались незаконным оборотом наркотиков, грабежами, убийствами, вымогательствами, подделкой документов.
Eight Tray Gangsters - одна из ячеек банды *Crips*.

Воровство

*«Собственность — это кража!
И про любовь тоже даже»*

Анонимное стихотворение на двери анархо-коммун

*«Мы не ворует. Мы возмещаем себе убытки,
нанесённые государством»
Русская народная поговорка*

Не всякая нелегальная деятельность вписывается в капиталистическую модель. Шоплифтинг¹⁵, присвоение чужого имущества и воровство на работе оставляют далеко позади благотворительность и государственные социальные программы в плане эффективности перераспределения богатств. Колоссальное количество людей, которые так или иначе вовлечены в эту деятельность, показывает, насколько естественно для людей понятие свободного распределения ресурсов: ведь в конечном счёте именно так наш вид осуществлял обмен товарами в течение большей части своего существования. Кража может быть и проявлением материализма, но одновременно это нечто большее: она содержит в себе намёк на то, что человеческие нужды более важны, чем права собственности. Когда мир наполнен товарами, и так много их отправляется с прилавков прямоиком на помойку, почему бы людям не начать брать всё, что им хочется?

Большая часть краж осуществляется сотрудниками, которые таким образом действуют против своих начальников: ежегодно миллионы рабочих наносят ущерб экономике в виде хищения товаров и услуг на миллиарды долларов. Сотрудники знают, что их грабят при выплате зарплаты. И несмотря на все сопутствующие

¹⁵ Шоплифтинг — воровство в магазинах как средство сопротивления капиталистической экономике. В идеале нужно воровать только самое необходимое. При этом не должны страдать продавцы или охрана. Поэтому вещи берутся в супермаркетах, где освобожденный товар списывается как бракованный или испорченный, и ни в коем случае не в маленьких магазинах.

На деле часто получается игра в "сломанный телефон". Ребята, считающие себя идейными шоплифтерами, выносят товар из маленьких магазинчиков, где вся стоимость пропавшей продукции вычитается из зарплаты продавца. Могут вынести платице за 7000 рублей и не мучаться угрызениями совести.

риски, большинство не упускает шанса утащить хотя бы часть из того, что они производят. Камеры безопасности, установленные напротив каждой кассы во всяком супермаркете, — лучшее тому подтверждение.

По оценке Министерства экономики США, 75% всех сотрудников как минимум один раз украли что-то с работы, и более половины из них делают это регулярно. Это происходит на фоне того, что 1% граждан США владеют большими богатствами, чем 95% наиболее бедных жителей страны. Другими словами, накопления тех, кто оказался на самом-самом верху, превосходят *совокупное* достояние «простого» верхнего, среднего и низшего классов, а также маргинальных сообществ. Теперь представьте себе, насколько более несправедливым было бы распределение богатств, если бы мы ещё и не воровали.

Конечно, хищения не делают условия игры более справедливыми. Чем выше ваше положение в общественной пирамиде, тем больше у вас возможностей красть и тем меньше опасность быть пойманным. Сопри товаров на 1001 рубль — и ты сядешь. Сопри на 15 лямов — и ты можешь баллотироваться в депутаты. И чем хуже вам живётся, тем сложнее сводить концы с концами без воровства.

Всеобщее моральное предубеждение против воровства призвано защитить коллективные интересы человечества перед лицом индивидуальных интересов воров. Поэтому очень иронично, что стуканувший на совершившего хищение сотрудника на самом деле защищает индивидуальные интересы небольшого числа капиталистов, которые идут вразрез с коллективными интересами сотрудников, чей труд и производит все богатства, которые оказываются в карманах богачей. Весь капитал корпорации основан на прибыли, которая извлекается из труда рабочих (а ведь им даже не оплачивают полную стоимость их работы) и кошельков потребителей, которые платят много больше себестоимости товара. Поэтому, как говорят наши русские товарищи, речь идёт не столько о краже, сколько о справедливом перераспределении продуктов производства. Воровство на работе — это вызов капиталистической меритократии. Распространённость этого явления очень многое говорит о том, насколько людям осточертел капитализм.

Но пока эти выражения недовольства остаются изолированными и тайными, они не могут нарушить статус-кво. Если вместо революции рабочие занимаются воровством, это значит, что они борются с симптомами эксплуатации, а не с её причинами. В таком случае боссы могут обратить ситуацию себе на пользу, ведь у рабочих есть отдушина для выпуска пара, которая позволяет им пережить очередной рабочий день, вместо того чтобы выйти на улицы и требовать повышения заработной платы. При составлении бизнес-планов капиталисты учитывают такого рода издержки; всякий начальник прекрасно понимает, что ворующие сотрудники — неизбежный побочный эффект эксплуатации и что подобные люди не представляют угрозы его власти.

С другой стороны, мнение, будто бы воровство на работе не вносит свой вклад в общее дело классовой борьбы, поощряет развитие противоречия между «легальной» организационной анархической деятельностью на местах и радикальным прямым действием, акциями возмездия и выживания. И всюду, где навязывается подобное умозрительное разделение, «рабочисты» встают на сторону профсоюзной бюрократии, представительства, соглашательства и легитимности перед лицом капиталистов. Врагами таких «синдикалистов» оказываются инициатива, автономность, конфронтация и эффективность борьбы.

Как бы выглядел процесс организации рабочих масс на восстание, основанный на воровстве с рабочего места? Это означало бы сосредоточенность на тактиках сопротивления, которые удовлетворяют личные потребности каждого, начиная с самого простого: что каждый из нас может сделать, чтобы помочь товарищу. Это означало бы переход к стратегиям, которые обеспечивали бы немедленную материальную и эмоциональную выгоду в *таком виде, который нам необходим*. Это означало бы образование межличностных связей между людьми, которые возникают в результате совместной деятельности, а не участия в работе организаций, пытающихся очернить всякую конфронтационную борьбу.

Таких людей труда было бы невозможно кооптировать или наебать. Ни один начальник не смог бы угрожать им, потому что сила этих рабочих проистекала бы из их личных поступков, а не из компромиссов, в результате которых рабочие становятся заложниками доброй воли начальства, а профсоюзники становятся ещё большими коллаборационистами. Такая рабочая организация стала бы настоящим кошмаром для бизнесменов и для профсоюзных лидеров.

А как мог бы выглядеть процесс воровства на работе, если бы мы относились к нему как к способу изменить мир к лучшему, а не как к тактике выживания? Пока сотрудники воспринимают свои трудности как нечто личное, они пытаются справиться с ними, как со своими личными делами. Пока вы воруете в тайне от других, вы укрываете классовую борьбу под саваном молчания. Аутентичный же вопрос: «Как сделать это публичным проектом, который мог бы завоевать расположение всего общества?». Это смещает внимание из плоскости «что» в плоскость «как». Незначительная кража, которая помогает делу товарищей, имеет больший смысл, чем масштабное хищение в тайне с целью личного обогащения. Кража продовольствия в магазинах и их последующее свободное распределение в бедных районах даёт людям представление об общности интересов, которые дороже всех цветных бумажек, получаемых 10 числа каждого месяца каждым сотрудником в отдельности.

Работа крадёт жизнь у рабочих. Перед рабочими стоит задача украсть для себя целый мир.

*Если вы не крадёте у начальства,
значит вы обкрадываете свою семью.*

Это история о двух городах. Оба по сути своей пригороды в Ржавом Кольце мегаполисов. Но они достаточно крупные, чтобы считаться отдельными городскими образованиями. У них общая система общественного транспорта и одна и та же ежедневная газета. Разница между ними заключается в десятильной полосе элитного жилья и огромном разрыве в уровнях жизни.

Первый город, назовём его Буржуйвилль, — это то, что рисует воображение при слове «пригород». Он наполнен особняками с нереально-химически-зелёными лужайками и многими милями бульваров с аккуратными тротуарами. Небольшой деловой квартал в центре города именуется в рекламных роликах не иначе как «место, куда приятно отправляться за шоппингом», а сам городок занимает одно из первых мест в рейтингах предпочтительных мест проживания национальных билл-бордов. В тех домах, которые всё ещё представляют историческую ценность, расположились элитные бутики дорогой одежды и вина, книжные магазины вроде Barnes & Noble. Всё это после того, как мелкий бизнес был изжит путём постоянного завышения арендной платы, конечно. На велосипедных дорожках можно встретить привлекательных молодых белых американцев с массажерами на жопах и электроникой на руках и головах.

Другой город, Гоп-бург, — это то, что демограф обозначит скорее как «город-спутник», нежели «пригород». Другими словами, до расширения пригородов соседних городов это был отдельный населённый пункт. И в нём сохранился свой собственный достаточно обширный и старый городской центр. Дорисовать картину жителям США помогут Нью-Арк и Сан-Бернардино, жителям России — Химки или Троицк.

В центре Гоп-бурга до сих пор живут бедняки, рабочие и мигранты. Реклама на испанском, а на главной улице расположились ликероводочные палатки, вагончики по продаже тако, ломбарды и паразиты-ростовщики. Банды латиносов из фильма «187» распространены как комары в летнюю ночь на родине Бакунина, поэтому на входе в каждую школу стоят металлодетекторы и собаки с полицией. Последние регулярно патрулируют каждый квартал. Это делается не столько для предотвращения преступлений, совершаемых чужаками, сколько для того, чтобы приглядеть за постоянно проживающими горожанами. Они же совершают рейды против бездомных на автобусных станциях и в городских парках. Старинные каменные дома в городском центре стоят заброшенные. Местные предприниматели

годами говорят о «восстановлении исторического центра», но лишь в последние годы наметился процесс джентрификации прибрежных районов.

Жители Гоп-бурга не считают себя горожанами в привычном смысле этого слова. Если заговорить с ними о жизни в городе, они скажут что-то вроде: «Не такой уж он гопнический, наш Гоп-бург. Очень даже чёткое местечко...» Для окончательной формализации разделения между Буржуйвиллем и Гоп-бургом была проложена граница, и они оказались в разных графствах.

Всего пару лет назад я был чем-то вроде связующего звена между этими двумя мирами: я жил и работал в центре Гоп-бурга, а учился в частном колледже изобразительных искусств, расположенном в Буржуйвилле. Обучение было не из дешёвых, а само местечко не славилось количеством бюджетных мест и пособий. Но я был настроен не влезать в долги, поскольку уже знал, что долг — это форма рабства. Ещё до зачисления я дал себе зарок не брать кредит на образование ни под каким видом. Я буду учиться, лишь пока у меня хватит денег самостоятельно оплачивать занятия. Наличными.

Поэтому достаточно продолжительный период времени я был вынужден посещать лишь три курса в семестр: позволить себе большее я не мог. Я ездил в Буржуйвилль на автобусе, а в свободные от колледжа дни подрабатывал. Ситуация была безвыходная и мораль моя падала день ото дня. Такими темпами через десять лет я мог начать надеяться на получение бакалавра в отдалённом будущем. Но это было неприемлемо. Почему вообще этот ухоженный, утопленный в зелени студенческий кампус доступен только детишкам богачей из Буржуйвилля? Я выходил из себя, когда думал о том, что для более быстрого завершения образования потребуется нечто большее. Мне было необходимо найти иной способ насытить прожорливых свиней в деканате. Придётся самостоятельно организовать для себя финансовую поддержку.

За год, прошедший с момента принятия решения, я успешно украл с рабочего места более 25 тысяч долларов: я работал кассиром в магазине компьютерного оборудования в центре Буржуйвилля. Меня так ни разу и не застукали. Через год я успешно закончил колледж.

Я работал в одном из сетевых магазинов наподобие «ОВИ», только районного масштаба: всего их было около десятка, центральный — в Буржуйвилле. Совершенно точно не малый семейный магазинчик, но и не Уолл-март. На самом деле, оглядываясь назад, я думаю, что оказался в идеальной компании: будь она меньше (один магазин или парочка), и я бы испытывал чувство вины за то, что ворую у них, ведь малому бизнесу итак прихо-

дится несладко. С другой стороны, окажись я на работе в крупной корпорации, напичканной системами безопасности, моя задача стала бы почти невыполнима.

Но вышло так, что данной сетью владели отец и сын, оба большие шишки в буржуйвилльских деловых кругах. На территории моего колледжа был даже корпус, названный в их честь. Отец был основатель сети, а сын числился президентом компании. И такой расклад меня устраивал: в отличие от многих случаев воровства на работе в данном случае я знал наверняка, у кого краду: я заглянул каждому из них прямо в глаза, когда они нагрянули в наш филиал с внезапной проверкой.

Небесам было также угодно, чтобы именно тот магазинчик, где я оказался, был наиболее приспособлен для широко-масштабного освобождения наличности. И хотя в сеть входил ряд магазинов, расположенных в Буржуйвилле и других городках и пригородах, наш оказался единственным на весь Гоп-бург. На самой границе с нищими трущобами. Поэтому он пользовался наименьшим вниманием наших владельцев, поскольку приносил наименьший доход (но при этом доход всё же достаточный, чтобы исчезновение \$25,000 прошло незамеченным). В магазине не было камер безопасности. Менеджеры утверждали, что установлены скрытые камеры, но все сотрудники знали, что это ложь. Старомодный интерьер и стеллажи практически до потолка — и никакого вам обзора для камер наблюдения. И самое главное, на кассах стояли допотопные компьютерные системы, которые владельцы в силу своей прижимистости не хотели менять.

Стандартная зарплата рабочих лошадок вроде меня составляла 7 долларов в час — приемлемо для минимального размера оплаты труда, как, должно быть, считали менеджеры. Достаточно, чтобы можно было рассчитывать на нашу лояльность. Когда я только устроился на работу, они поручали мне практически все задачи. Уборка туалетов, расстановка товара на витринах, заполнение газовых баллонов, изготовление дубликатов ключей.

Но когда управляющие заметили, как складно у меня выходит управляться с кассой, я получил постоянную должность кассира. По мере того, как росло доверие к моей персоне, мне стали давать всё больше автономии в своей работе. В конце концов, я оказался в положении, когда вся работа с клиентурой легла на меня. Таким образом, я стал очень ценным сотрудником. Им нравилось то, что за мной не надо приглядывать, а мне — что они это не практиковали. Я научился работе с компьютерной системой на кассе. Стал самостоятельно решать все проблемы, которые возникали у покупателей при оплате покупок, без привлечения помощи менеджеров.

К счастью, им и в голову не пришло, что мой навык по разруливанию возникающих проблем можно применить для достижения иных целей.

Можно сказать, что я в ладах с цифрами: мне легко их запоминать, складывать, вычитать, мои отчётыности всегда сходились. И всё это я могу проделывать в голове — навык очень полезный, учитывая, что работать приходилось с бесконечным потоком наличности при минимуме надзора. В каком-то смысле эта история стара как капитализм: хитрый бухгалтер обворовывает своих менее одарённых в математическом плане клиентов. Но были нюансы. К тому моменту у меня было достаточно времени, чтобы развиться в политическом отношении. Я считал, что мои интересы фундаментально расходятся с интересами владельцев магазина. И я был настроен причинить им максимально возможный ущерб при условии, что удастся выйти сухим из воды. Даже если я лично не получу всех дивидендов от акции.

Одним из избранных методов борьбы стало снижение цен на товары для покупателей. Как я уже отметил, кассир из меня вышел отличный, и, как известно любому кассиру, это всего лишь означает, что вы способны быстро обслуживать клиентов. Иногда мои руки так быстро летали над прилавком и пакетами, что часть товара просто не успевала сканироваться, и клиент получал немного неожиданную скидку. Иногда случалось так, что товар не хотел сканироваться, поэтому я или продавал его по более низкой цене, или (если покупатель был «в теме» или просто-напросто никто не замечал происходящего) пожимал плечами и просто кидал товар в пакет. Эта поясная сумка для плеера не пробивается по компьютеру? Запишем как «расходные материалы» и продадим по \$2.00. Приходите ещё!

Некоторые товары — вроде болтов и шурупов — не имели штрих-кодов, поэтому покупатели должны были записывать артикул товара на бумажку. Это было достаточно смешно, потому что объявление об этом было написано на английском, тогда как большинство клиентов могли говорить только по-испански. Если клиент приходил с бумажкой, я был обязан вносить её в компьютер и пробивать соответствующий товар. Но если бумажки не было, я мог поступать по своему усмотрению. Скажем, подходил клиент с пакетом, в котором на взгляд лежит порядка 40 шурупов по \$0,59 каждый. Заносим в компьютер 20 единиц «расходных материалов» по \$0,05 за штуку. Большинство клиентов с радостью воспринимало мою ценовую политику. Некоторых это смущало, и они разглядывали выбитый чек, пересчитывали сдачу и пытались понять, почему с них не взяли больше. Глазами я пытался донести им мысль: «Не задавай вопросов. Просто забирай свою фигню и иди».

Очень важным было поддерживать образ аккуратного и точного кассира. Так, например, я очень качественно работал,

если в очереди оказывались другие клиенты. Признаем, иные клиенты не лучшие стукачей. И, может быть, это прозвучит нехорошо с моей стороны, но я всегда опасался делать неавторизованные скидки белым клиентам. Я предполагал, что белые с большей вероятностью донесут на меня. Почему некоторые совершенно посторонние люди считают важным защищать интересы владельцев магазинов за счёт других покупателей, сотрудников магазина и свой собственный, мне никогда не понять.

Другие сотрудники вскоре выкупили, что я совершенно не замечаю, что они выносят через парадный вход и грузят в свои машины. Аналогично, замечая клиентов, которые выглядели так, будто они собираются что-то украсть (мы все знаем, как выглядит шоплифтер в момент своего триумфа), я отворачивался от кассы и делал вид, что занят неотложными поисками чего-то под прилавком. Таким образом, у шоплифтеров появлялся шанс «незаметно» уйти из магазина. Сам я тащил всё, что плохо лежало: краску, инструменты, лампочки и тому подобное. Но я не перепродавал краденное. Ничего подобного. Для получения чистой наличности я использовал иные тактики прямого действия.

В той примитивной компьютерной программе, что была установлена на кассовых компьютерах, одно-единственное нажатие клавиши превращало продажу товара в его возврат. С математической точки зрения это означало, что все знаки будут изменены с «+» на «-», то есть компьютер будет ожидать, что деньги из кассы сейчас заберут, а не положат. И, само собой, если кассиру было нужно, чтобы в конце дня «дебет сошёлся с кредитом», ему было достаточно в конце рабочего дня забрать необходимую сумму из кассы и переместить её к себе в карман.

Очень простая идея, но её на удивление трудно осуществлять регулярно и не быть пойманным. Как же я смог стащить 25 кусков? Ответ заключается в принципе устойчивого развития: я был очень терпелив, знал, когда надо вовремя остановиться, понимал, где находятся пределы моих возможностей и не пытался прыгнуть выше головы. Конечно же, другие кассиры тоже прибегали к этому методу для воровства. Естественно, я не был первооткрывателем этой metody. Но мои товарищи по цеху оказывались либо слишком жадными, либо делали всё чересчур очевидно, либо проявляли нетерпение. Кто-то экспроприовал половину дневной выручки и был пойман с поличным. Я же выносил по сотне баксов каждый день, при этом сохраняя репутацию трудолюбивого честного сотрудника и оставаясь вне всяких подозрений.

За это время случилось так, что магазин ограбили. Грабители были умны: они вломились накануне закрытия в конце горячего торгового дня в разгар рождественской покупной лихорадки, когда сейф просто ломился от наличности. В ту смену я не работал, а начальство так и не сообщило нам, сколько именно

было похищено, но по моим прикидкам размер экспроприированного не мог превысить \$5,000 – 6,000. И я до сих пор улыбаюсь при мысли о том, что я смог обчистить магазин на гораздо большую сумму, чем эти ребята. Да, у меня ушло больше времени, зато не пришлось угрожать никому пушкой и рисковать человеческими жизнями.

Помощнице менеджера, в лицо которой сунули ствол, я искренне сочувствовал. Она этого не заслужила. Насколько я знаю, она так и не получила никакой компенсации от начальства за то, что её жизнь оказалась на волоске из-за их денег. На следующий день ей даже пришлось снова выйти на работу.

По моим сведениям, никто из управляющего персонала магазина так и не узнал, что я совершил. Если бы они и узнали, они бы не смогли ничего доказать — я был осторожен в своих операциях, но я полагаю, что они до сих пор в неведении. Всякий, кто лично знаком с тем, как обстоит дело на подобной работе, знает, что даже самое незначительное доказательство вины является достаточной причиной для увольнения. Если бы они меня в чём-то заподозрили, то предприняли бы что-нибудь. Реалистично смотря на вещи, можно предположить, что они понимали, что я ворую по мелочи — попробуйте найти на эту работу такого, кто не воровал бы. Особенно в Гоп-бурге. Но очевидно, что они не представляли себе размаха моей деятельности, иначе бы меня как минимум уволили бы, а как максимум — привлекли.

Иронично, что я закончил работать в этом месте как раз тогда, когда достиг поставленной задачи: на похищенные деньги смог оплатить себе полноценное обучение. Но самое смешное состоит в том, что теперь я жалею о содеянном. Не о том, что украл деньги. А о том, что выбросил их на высшее образование. Сейчас я думаю о всех тех классных идеях, которые можно воплотить, если у вас есть \$25,000. А моя учёная степень мне вот совсем не нужна. Я мог бы купить домик и организовать с друзьями коммуны. Мог открыть кафе с инфошопом. Мог бы даже передать деньги местному проекту бесплатного здравоохранения или социальному центру. Мог бы потратить их на что-то ещё, чтобы наладить связи с другими людьми, которые разделяют мои взгляды.

По сей день я прозябаю на рынке труда. Жители Гоп-бурга продолжают прибираться в квартирах и на загородных участках жителей Буржуйвилля. Возможно, что я и наебал одного из своих работодателей, но деканат посмеялся последним.

Границы и путешествия

Мы можем сколько угодно говорить о свободе, но реальность такова, что мы живём в мире со слишком большим количеством стен.

Сначала стен было очень немного: Адрианов вал, Великая Китайская стена, Берлинская стена. Теперь же они повсюду. Стены вчерашнего дня не были разрушены, они скорее распространились подобно вирусу, проникнув в общество на всех его уровнях. Уолл-стрит (Пристенная Улица) названа так в память о частоколе, который построили африканские рабы для защиты европейских колонистов. Это очень показательный пример: теперь больше нет нужды заграждать от внешнего врага, задача в том, что в интересах торговли необходимо сохранить расслоение общества при отсутствии «внешней» угрозы.

Это расслоение может принимать различные формы. Есть физические границы: огороженные от остального мира поселения богачей, частные торговые комплексы и кампусы дорогих ВУЗов, КПП, лагеря беженцев, контрольно-следовые полосы и колючая проволока на границе. Могут быть социальные границы: клубы «только для мужчин», сегрегация сообществ по расовому или классовому признаку, невидимые границы в школах, отделяющие «крутых» учеников от «зануд». Могут быть границы, обеспечивающие контроль над распространением информации: сетевые файерволлы, права доступа, зашифрованные базы данных. С точки зрения правящей элиты, чем больше границ можно навязать с помощью неравного доступа к информации или власти, тем лучше. Потому что такого рода контроль предпочтительнее, чем минные поля, военные и ЧОП, хотя и они никуда не исчезали.

Границы не просто разделяют страны — они существуют повсюду, где люди живут в страхе рейдов миграционной службы, где

люди вынуждены соглашаться на низкую зарплату из-за проблем с документами. В другую сторону границы также расширяются: в Северной Африке существуют такие лагеря предварительного заключения, которые по сути осуществляют для ЕС контроль над потоком иммигрантов. Достаточно посетить трущобы Киншассы и Фрогнер-парк в Осло, чтобы увидеть как много барьеров их разделяет.

Конечно, даже в Осло можно встретить иммигрантов, которым живётся ничуть не лучше, чем на родине, в то время как у *класса коллаборационистов* в Киншассе намного больше власти и богатства, чем у среднестатистического норвежца. Мир не просто горизонтально разделён на пространственные зоны. Он разделён ещё и социально — на зоны привилегий или доступа. Американско-Мексиканская граница — это часть той же структуры, что и сетка-рабица с колючей проволокой, не дающая бродяге попасть на территорию парковки, или ценник на «органической» продукции в супермаркете, который удерживает простых работяг от покупки здоровой пищи. Всё это тоже стены.

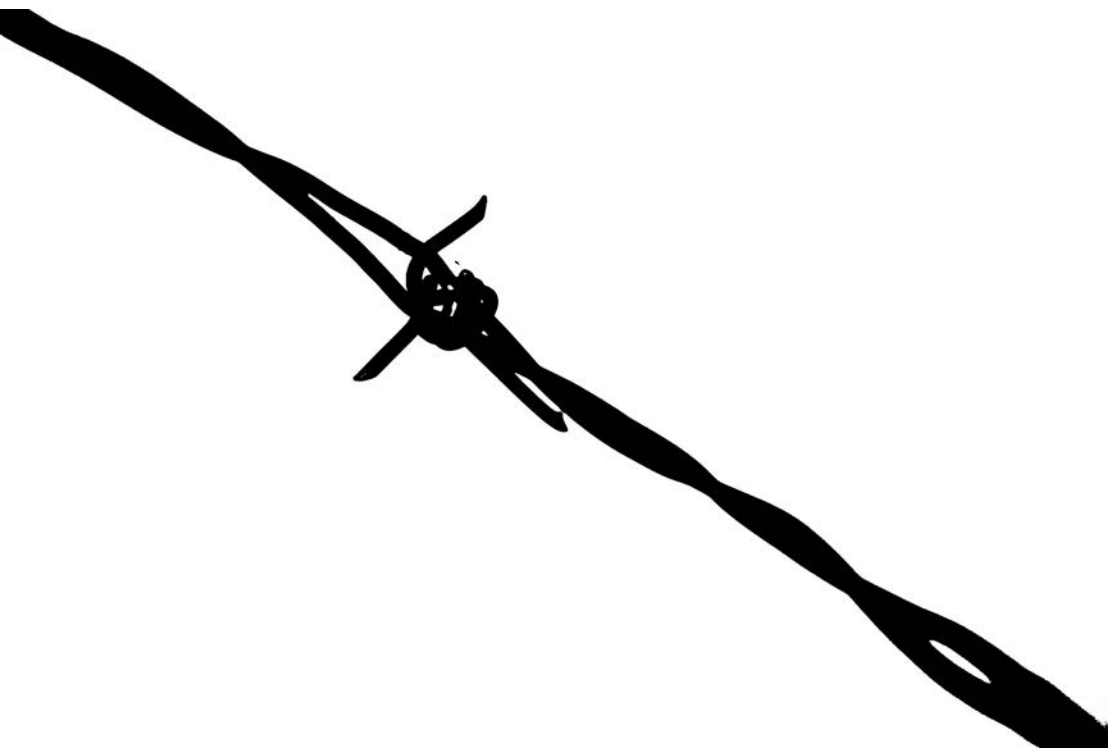
А кто обычно содержится внутри стен? Заключённые. Если заключённый — это человек, чья свобода ограничена стенами, тогда кто мы?

Новый тип стен на всех действует по-разному. Кто-то вынужден батрачить в потогонных мастерских, производя товары, которые отправятся в такие края, о которых рабочий не смеет и мечтать. Другим приходится носиться по всей планете, проклиная длинные перелёты и толчки при переходе на сверхзвук. Парадоксальным образом расположение стен в нашем обществе связано с тенденцией к постоянному перемещению. Это оказывает влияние как на бедных, которые вынуждены гоняться за рабочими местами, так и на богатых, гонящихся за самим рынком. Выходит, что задача новых стен — не столько блокировать движение, сколько направлять его.

Большая часть вынужденных путешествий кажутся добровольными, многие из них сохраняют для нас романтический ореол «путешествия в неизведанное». Но если рассматривать явление в целом, то складывается впечатление, что ураганные ветра экономики подхватили и носят нас туда-сюда, как Элли из «Волшебника Изумрудного Города». Индустриализация привела к предыдущей волне переселений, в результате которой рабочих согнали из деревень в города, разрушив традиционный семейный уклад и сделав нуклеарную семью основой общества. Новая волна переселений разрушает нуклеарные семьи.

Вечное путешествие и переселение дробит сообщества, сложившиеся в результате многолетнего совместного проживания, разрушает общественные связи и общие культурные ценности (в соответствии с которыми совместная деятельность важнее, чем обмен). Когда вы находитесь в тысячах километров от дома, вам волей-неволей приходится питаться в ресторанах, даже если вы все-

гда предпочитали огороды и совместную готовку. Когда все вокруг постоянно в пути, накопление капитала кажется более осмысленным, чем попытки сформировать долгосрочные отношения или привязанности. Капитал можно реализовать везде, а личные связи — товар штучный и уникальный. В другом городе его не продать. И по мере того, как мы становимся всё более разобщёнными, мы всё больше ощущаем потребность в очередной раз собрать все пожитки и переехать на новое место в поисках утраченного.

Джентрификация

Как невинно это звучит! Как благопристойно! «Оживление района». Кто бы не хотел, чтобы в его квартале магазины стали лучше, а общественные туалеты поприличнее? Поменьше уличной преступности, повыше уважения к собственности друг друга?

Не хотели бы этого, в первую очередь, те, кто снимает квартиры, а также домовладельцы с низким уровнем дохода, которые не могут позволить себе платить более высокие налоги на жильё. А также все, кто окажется под прицелом полиции, как только они введут усиленное патрулирование, чтобы защитить интересы новых жителей. По мере того, как богатые люди скупают недвижимость в бедных районах, растут цены на жильё и происходит вытеснение предыдущих обитателей. «Оживление» вовсе не означает, что нынешние жители смогут вкушать лучших стандартов жизни. Этот термин означает, что им придётся свалить, чтобы освободить место для тех, кто может себе эти стандарты позволить. И местные власти зачастую приветствуют подобные процессы, потому что они выгодны для бизнеса, который часто скрывается за термином «наше общество».

После Второй Мировой войны многие жители оказались сосредоточены во вновь образовавшихся пригородах крупных городов. Естественно, свои налоги они забрали с собой. Благодаря автомобилизации и строительству шоссе дорог, отпала необходимость жить близко к рабочему месту и торговым центрам. Зачастую эти шоссе преднамеренно прокладывались через бедные районы, населённые преимущественно чёрными и латинос. Это вписывалось в программу разрушительного «пренебрежения» по отношению к цветному населению страны.

Что было дальше, мы прекрасно знаем. Поколение спустя, когда нищета, организованная преступность и вмешательство полиции положили конец первоначальным сообществам и привели к обвалу цен на жильё, новые жильцы заполняют район, потому что их самих гонит с насиженных мест экономическая нужда. Эти новые жильцы — белые художники, молодёжь, выпавшая из мейнстрима, те, кто пытается обрести мир вне капиталистической системы. Так

беженцы из Европы помогли колонизировать Новый Свет. За первыми переселенцами следует волна инвесторов, которые скупают и реставрируют жильё, чтобы спекулировать им на рынке недвижимости, а также частные предприниматели, которые открывают магазины, ориентированные на «новых» жителей квартала. Бесплатная культура, которую «производят» художники, создаёт привлекательную атмосферу для мелкого бизнеса. К тому времени, как они разовьются и квартал будет наводнён успешными белыми людьми, нужда в нищих художниках отпадёт.

Джентрификация отражает перестройку, навязанную всей планете в ходе процессов колонизации и глобализации. Капиталисты выкачивают все ресурсы из какой-то области, изолируют её, потом появляются снова, когда цены упали настолько, чтобы можно было получить прибыль даже с незначительными инвестициями. Вслед за оттоком рабочей силы из крупных североамериканских городов, местные экономики переориентировались на сектор услуг, целевой аудиторией для которого оказались богатые и привилегированные. Эти экономики больше не нуждаются в высокой концентрации рабочей силы, постоянно проживающей на одном месте. Напротив, чем чаще люди переезжают, а их сообщества разрушаются и перестраиваются, тем лучше работает такая экономическая система.

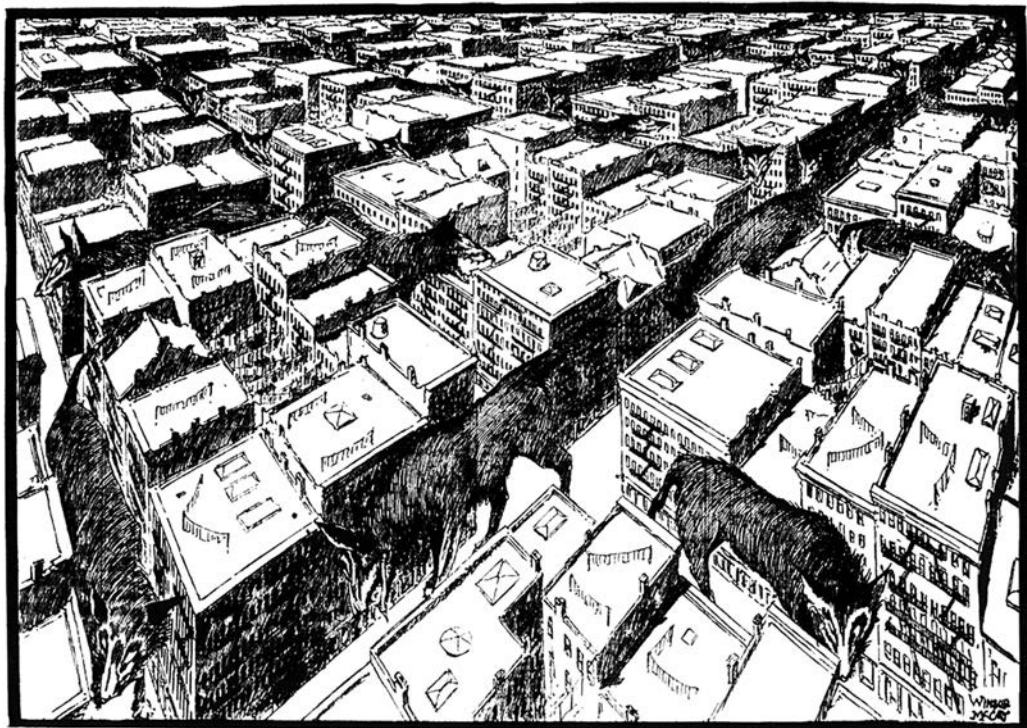
На первый взгляд может показаться, что, если в каких-то районах происходит процесс джентрификации, значит в других должен протекать обратный процесс — иначе куда деваться всем этим малоимущим? Действительно, в сельских районах и некоторых городах Ржавого Кольца, цены на жильё и землю падают вместе с убылью населения. Но в большей части густонаселённых районов страны цены на собственность растут. Джентрификация — это воплощённый в недвижимости процесс, при котором богатые становятся ещё богаче, а бедные — ещё беднее, ведь рабочие вынуждены тратить всё больше денег на жильё.

Как ни парадоксально, однако лучший способ защиты района от джентрификации — это его разрушение. Придётся превратить ваш район в такое место, где не захочет жить никто более богатый, чем вы, если у него есть выбор. Если вы слишком сильно вложите в улучшение квартиры, которую арендуете, или жилого пространства района, где живёте, вас выселят. Вы просто набиваете карманы ваших эксплуататоров. Когда вы внезапно зарабатываете на пару сотен долларов больше — не действуйте по шаблону для мелких буржуа, не вкладывайте в улучшение жилья! Поступайте по-пролетарски: вложите «в безопасность». Сделайте ваш район непривлекательным для богачей. Чтобы землевладельцы и арендодатели не смогли найти клиентов среди толстосумов. Вот что такое безопасность для низших классов!

Это также помогает понять кажущееся бессмысленным насилие в бедных районах. И всё же вряд ли подобный совет придётся

по душе многим малоимущим, которые всеми силами стараются выбраться из ситуации, в которой оказались.

Джентрификация подливает масла в огонь расовых противоречий: этот процесс отчасти порождён асимметричной динамикой между классами и расами, ведь белые бедняки, заселяясь в «цветной» район, «подготавливают почву» для белых из среднего класса. Борьба с джентрификацией — очень непростая задача. Можем ли мы винить бедняков в том, что они ищут для себя доступное жильё? Или виноваты спекулянты, идущие за ними по пятам? Способны ли мы вообще отличить одних от других? Можем ли мы сопротивляться джентрификации, просто озвучивая моральные возражения против экономического давления? Или, может быть, наивно вообще думать о том, чтобы остановить её, не уничтожив сам капитализм?

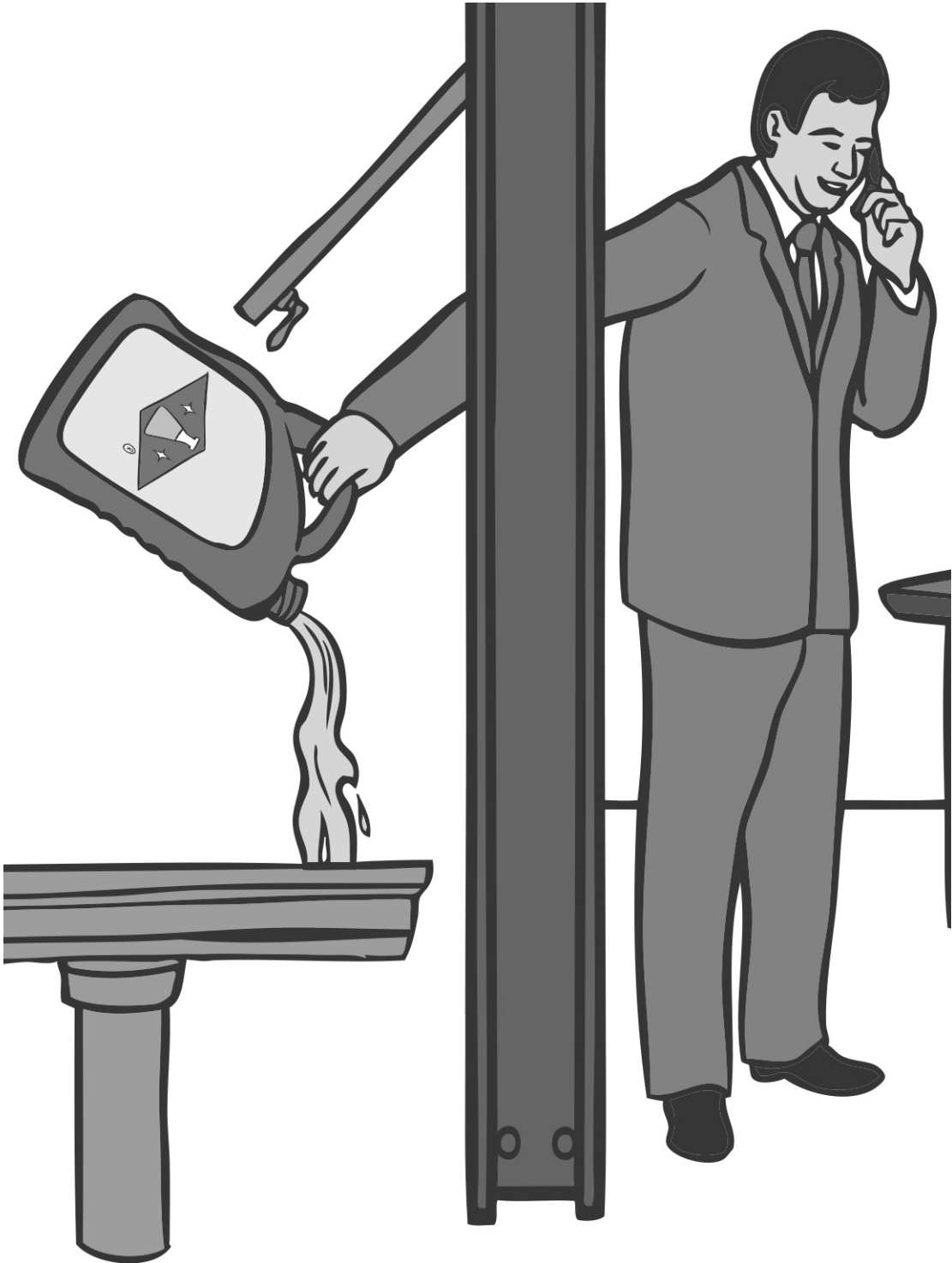

Загрязнение окружающей среды

Если бы люди всерьёз воспринимали сообщения о глобальном потеплении, то в каждом пожарном участке сирены сходили бы с ума, а пожарные неслись бы со всех ног к ближайшему заводу, чтобы залить водой все топки и печи. Каждый студент подбежал бы к батарее в аудитории и сломал бы на ней вентили, а затем бросился бы на стоянку и принялся бы резать покрышки автомобилей. Все ответственные граждане нацепили бы перчатки с изоляцией и пошли бы сдирать все электрические щитки и датчики в своём районе. Каждый заправщик на бензоколонке нажал бы кнопку аварийного отключения насосов, срезал бы все шланги и заклеил замки на дверях. Каждая нефтяная и угольная компания немедленно бы принялась захоранивать нереализованную продукцию в тех же местах, откуда она получена. Естественно исключительно с применением мускульной силы своих руководителей.

Но те, кто узнаёт о глобальном потеплении из новостей, слишком плохо связаны между собой, чтобы начать действовать. Природа систематически уничтожается уже веками. Чтобы каждый день спокойно проезжать мимо срубленных деревьев, дгорающих выкорчёванных пней и гектаров заасфальтированной земли, ничего при этом не замечая до тех пор, пока об этом не напишут в газетных заголовках, нужно быть действительно отчуждённым от природы существом. Люди, делающие выводы на основании прочитанного в статьях, а не окружающего мира, который дан им в ощущениях и существует в зависимости от них, обречены уничтожать всё, к чему прикасаются. Отчуждение — вот корень зла. Разрушение нашей среды обитания — всего лишь следствие.

Когда прибыль становится важнее жизни, прогноз погоды важнее тысяч пострадавших от ураганов людей, а квоты на выбросы CO₂ кажутся более реальными, чем новый участок точечной

застройки в вашем квартале, наш мир обречён на уничтожение. Климатический кризис — это не *вероятный сценарий*, грозящий нам в далёком будущем. Это условия, в которых мы живём здесь и сейчас. Вырубка лесов не ограничивается Химкинским лесом, Утришским заповедником и заокеанскими джунглями. Она происходит на месте расширения каждого шоссе, при строительстве каждого нового торгового комплекса в Ленинградской области так же неотвратимо, как и на Дальнем Востоке, и в долине реки Амазонки. Да, в ваших краях тоже когда-то жили дикие животные, а лосей сбивали не только на опушке Химкинского леса. Наше отчуждение от земли, на которой мы живём — настоящая катастрофа. Независимо от того, поднимается ли уровень мирового океана, происходит ли опустынивание, достиг уже мировой продовольственный кризис нашей страны или нет.

Это отчуждение не взялось из ниоткуда. Оно идёт рука об руку с разделением на производителя и потребителя. Когда мы смотрим на мир через призму экономики, всё живое в этом мире становится абстрактным, расходным материалом. Некоторые экологи говорят о том, что причины глобального потепления — это «чрезмерное» технологическое развитие, но проблема заключается в том, что капитализм сам по себе навязывает нам такие отношения, которые подразумевают *совершенно определённое* технологическое развитие. Ведущие нефтяные компании США скупили патенты на электромобили и автомобили с гибридными двигателями, чтобы положить их «под сукно», продолжая лоббировать законы, направленные против общественного транспорта. Когда-то в Лос-Анжелесе существовала развитая система общественного транспорта, а теперь её нет. Она разрушена под давлением лобби автомобильной промышленности. В результате город превращён в шоссе́йный кошмар сегодняшних дней.

Как всегда, класс, несущий прямую ответственность за текущий кризис, хотел бы заставить нас поверить, что именно они смогут решить проблемы лучше всех. Но у нас нет причин полагать, будто бы их мотивы или методы изменились. Каждый знает, что курение вызывает рак, но эти люди продолжают производить и продавать низкокачественные сигареты.

Загрязнение и уничтожение окружающей среды — это ещё один пример того, как капиталисты заставляют расплачиваться за себя всех тех, кто стоит ниже них в иерархической пирамиде. Вы никогда не увидите свалку ТБО в центре элитного района или нефтяную скважину в коттеджном посёлке для богатых. Шахтёры гибнут в завалах, а заводские рабочие — при выбросах вредных веществ, при всём этом у работодателей хватает наглости утверждать, что меры по уменьшению воздействия на окружающую среду опасны для рабочих, поскольку *угрожают их рабочим местам!* Да если бы не нужда в средствах, никто бы не то что не взялся крушить окружающую среду, а даже не задумался бы о том, чтобы пойти на подобную работу. И рабочие, которых нанимают,

терпят от начальства такое же отношение к себе, как и природа, которую они должны уничтожать. Уничтожение гор и прочие разрушительные меры воздействия на экосистемы дали возможность корпорациям избавиться от десятков тысяч рабочих мест.

Капитализм не может быть устойчивым. Он требует постоянного расширения. Иначе не будет прибыли. Остерегайтесь мнимых борцов за экологию, которые говорят вам о необходимости сохранить экономику. Ядерная энергия, солнечная энергия, «чистый» уголь, ветряки — всё это не создаст экологически чистую утопию. Как не создадут её квоты на выброс CO_2 , биотопливо, программы вторичной переработки или выращивание органической пищи. Пока наше общество руководствуется логикой прибыли и конкуренции, всё это — лишь ставки в игре с целью сохранения текущего положения дел. Но мы не можем вечно так жить.

Решения проблемы глобального потепления!

*Новинка от создателей глобального
потепления — «возобновляемая» энергия!*

Решение корпоративное

Там, где простые люди видят невзгоды и тяготы, предприниматели видят возможность заработать. Добавьте «зелёные» к парниковым газам и «эко» к экономике, и можно встречать апокалипсис с распростёртыми бумажниками. Природные катастрофы разрушают местные общины? Предложите решение проблемы — за отдельную плату — и постройте апартаменты класса «люкс» там, где когда-то жили уцелевшие. Продовольствие заражено токсическими веществами? Налепите на половину маркировку «органический» и продайте в несколько раз дороже — готово! То, что когда-то разумелось само собой для каждого овоща, теперь — важное потребительское свойство продукта. Потреблядство поглощает планету? Пора выдать на-гора линейку экологически-чистой продукции, чтобы рубить капусту на чувстве вины и добрых намерениях обывателя.

Пока возможность жить «экологично» и «устойчиво» остаётся привилегией богатых, кризис может только углубиться. Тем лучше для тех, кто уже на нём зарабатывает.

Решение консервативное

Многие консерваторы отрицают тот факт, что жизнедеятельность нашего общества вызывает глобальное потепление. Правда, некоторые из них и в эволюцию до сих пор не верят. Они верят в нематериальное. Их больше беспокоит то, во что выгодно верить другим. Например, когда в 2007 году межправительственная комиссия ООН по изменению климата опубликовала свой отчёт, одна из исследовательских лабораторий Exxon-Mobil, связанная с администрацией Буша, предложила грант более чем в \$10,000 любому, кто вызовется оспорить тезисы доклада.

Другими словами, для некоторых подкуп экспертного сообщества кажется более ценным вложением средств, чем финансирование шагов по предотвращению катастрофы. Пусть лучше апокалипсис подкрадётся незаметно, зато они смогут зарабатывать на ситуации лишний год. Лучше пусть на земле не останется никакой жизни, чем наступит жизнь без капитализма!

Решение либеральное

Иные добрые люди пытаются присвоить себе честь «стражей общественного сознания», якобы именно они привлекли внимание социума к проблеме глобального потепления. Хотя экологи десятилетиями говорят об этом. Но дело в том, что политики вроде Эла Гора¹⁶ не столько пытаются спасти окружающую среду, сколько сохранить причины разрушения. Они призывают к тому, чтобы правительства и корпорации признали существование кризиса, потому что экологический коллапс может представлять угрозу капитализму, если не принять должных мер предосторожности. Не удивительно, что в их списке предложений к решению мировых экологических проблем содержатся исключительно корпоративные инициативы.

Подобно своим коллегам-консерваторам, либералы скорее пойдут на уничтожение всего живого, чем рискнут отказаться от промышленного капитализма. Они слишком сильно вложились в финансовом плане, чтобы поступать иначе: например, отношения семьи Гора с корпорацией Occidental Petroleum.¹⁷ В свете вышесказанного попытка либералов взять под контроль экологическое движение подозрительно похожа на продуманный ход с целью предотвратить более реалистичную реакцию на кризис.

¹⁶ Альберт Арнольд Гор-младший – вице-президент США с 1993 по 2001 год в администрации Билла Клинтона. В 2007 году получил Нобелевскую премию мира за работу по защите окружающей среды и исследованиям по проблеме изменения климата.

¹⁷ Когда Гор-старший подал в отставку, глава Occidental Petroleum предоставил ему место в совете директоров компании с ежемесячным окладом в размере 500 тыс. долларов и назначил на должность главы угольного отдела. В 1997 году Гор-младший способствовал продаже нефти из энергетического резерва Соединенных Штатов именно этой компании.

Решение мальтузианское

Кто-то видит причины экологического кризиса в перенаселении. Но сколько же нужно жителей лагун и безземельных фермеров, чтобы их суммарное воздействие на окружающую среду могло сравниться с последствиями деятельности одного-единственного СЕО? Если и существует такое явление, как перенаселение, то исключительно благодаря неустойчивому промышленному сельскому хозяйству. Поэтому мальтузианцы всё перепутали.

Решение социалистическое

Столетиями социалисты обещали предоставить каждому жителю планеты доступ к стандартам жизни среднего класса. Теперь выясняется, что биосфера не может поддерживать жизнь даже малой части населения планеты, которая пытается так жить. Можно было бы ожидать, что социалисты соответствующим образом адаптируют свою утопию. Вместо этого они переделали её, чтобы ещё больше удовлетворять буржуазным вкусам: в наши дни каждый рабочий заслуживает «зелёной» работы и «органической» еды.

Но «зелёная работа» — оксюморон: работа не является устойчивой деятельностью. Проблема заключается в том, что частные корпорации и правительственные компании относятся к окружающему миру как к чему-то, чем они могут управлять, к источнику прибыли. Так «зелёные» продукты появились на свет только для того, чтобы провести грань между товарами для состоятельных и доступной продукцией для пролетариата. Если бы кто-то решил думать по-настоящему масштабно и представлять общество без классовых различий, можно было бы действовать в направлении будущего, где мы разделяем богатства буйного природного мира, а не распиливаем всё живое на инертные потребительские товары.

Решение коммунистическое

Марксизм, Ленинизм и Маоизм стали удачными инструментами для втаскивания «недоразвитых» наций в промышленную эпоху. Государственное вмешательство в личную жизнь оправдывалось необходимостью «модернизации» в сообществах, где люди сохраняли связь с землёй, чтобы вырвать людей из привычной среды и бесцеремонно бросить их в шторм свободного рынка. В Восточной Европе до сих пор в ходу избитая шутка про то, что социализм — это мучительный переходный этап от капитализма к капитализму. И даже в наши дни, несмотря на наследие Чернобыля, партийные коммунисты не ушли дальше заявлений, что новое

эффективное руководство сможет решить все проблемы простых людей. Все вместе, на мотив «Солидарность навсегда»:

*Потепление не проблема,
Коль заводы в рабочих руках:
Вредный выброс в атмосферу
Превратим в мирный туман.*

Решение индивидуальное

Человек может вести вполне «экологически ответственную» жизнь, при этом никак не вмешиваясь в деятельность корпораций и правительств, которые уничтожают всё живое. Так можно жить целыми коммунами. Сохранить руки чистыми — «показать другим пример», да ещё такой, которому позавидуют чинуши и магнаты, — бессмысленное устремление на фоне гибели планеты.

Хочется подать пример — остановите их.

Решение радикальное

Многие люди реагируют на кризис с отчаянием или даже с истерическим предвкушением, полагая, что уж тогда-то наступят социальные перемены. Если не мы — то он. Но нет никаких причин полагать, что истощение запасов нефти будет означать конец капитализма: экономические дисбалансы имели место быть и до того, как ископаемое топливо стало основой экономики. Аналогично можно предположить, что все эти дисбалансы никуда не уйдут и после катастрофы: для их существования достаточно существование людей, готовых доминировать и подчиняться.

Апокалипсис принесёт нам то, что мы сами в него заложим: мы не можем ждать появления более либертарного общества, если сами не начнём создавать основу для нового социума. Забудьте об индивидуальных сёрвайвалистских планах, которые предполагают, что вы — единственный уцелевший гомо сапиенс на планете Земля: Ураган Катрина показал, что в случае шторма самое важное — это быть частью сообщества, которое способно себя защитить. Грядущие потрясения может быть и дают нам шанс на осуществление социальных перемен, но начинать работать в этом направлении надо прямо сейчас.

Другой конец света возможен!

Кризис

Одним из оправданий для существования государственной власти является то, что для помощи людям в чрезвычайных ситуациях необходимо наличие специальных организаций. Но почему-то когда случаются катастрофы, оказывается, что основная задача государства — это не помощь пострадавшим, а восстановление контроля над ситуацией.

Это очевидно всякому, стоит только вспомнить взрывы снарядов на складах военного снаряжения, аварии на ГЭС и зимние обрывы электричества в России или ураган Катрина в США. Когда не получается немедленно восстановить контроль, войска оцепляют территорию и устанавливают режим карантина. Всякая гуманитарная деятельность оказывается запрещена как для НПО, так и для правительственных агентств. Корпоративные СМИ рады описывать подобные зоны в мерзких тонах. И это даётся достаточно легко, потому что часто подобные катастрофы только усиливают воздействие многих поколений нищеты. Правительственная риторика смещается с позиции «мы всех спасём» до «накажем мародёров». Вот слова бригадного генерала Гэри Джонса: «Это будет чем-то вроде маленького Сомали... Мы проводим общевойсковую операцию по восстановлению контроля над этим городом». Речь шла о Новом Орлеане, который в считанные дни превратился в часть Третьего Мира, которую нужно оккупировать и усмирить.

Ураган продемонстрировал, насколько тонка граница, отделяющая Первый Мир от Третьего. Весь лоск, все гарантии промышленного капитализма — услуги и товары, которые появляются как по мановению волшебной палочки, постоянный поток информации, забота властей о жизнях граждан — всё вдруг превратилось в угрозу для жизни, беззащитную зависимость, смесь бюрократии и жестокости. И всё же когда с лица гражданского общества была сорвана маска, выяснилось, что люди не потеряли способность к взаимопомощи и состраданию. Несмотря на все попытки полиции и военных осуществлять контроль над доступом в район, значительная часть гуманитарной помощи доставлялась

анонимными добровольцами, которые действовали втайне от полиции, чтобы помогать попавшим в беду.

Некоторые из корпоративных СМИ выступили с критикой правительственных действий во время катастрофы, но справедливо было бы задать вопрос, где они прятали своё возмущение до *штурма*. Новый Орлеан был одним из ключевых пунктов рабо-

торговли, и потомки рабов жили в нём испокон веков без существенного улучшения условий жизни. Уровень нищеты был одним из самых высоких в США. За несколько месяцев до урагана в городе произошло десять случаев гибели мирных жителей от рук сотрудников полиции и два эпизода, когда полицейские, находящиеся на дежурстве и одетые в форму, изнасиловали женщин. Импровизированная эмблема в виде костей и черепа, которую использовали полицейские в первые дни после урагана, окончательно укрепила мнение местных жителей о том, что полиция — это авангард смерти, в чью задачу входит ограничение доступа людей к жизненно необходимым ресурсам.

Нарушив катастрофу повседневной

жизни, ураган открыл глаза на трагедию нашего общества тем из наблюдателей среднего класса, кто ещё не успел окончательно очерстветь сердцем. Во время репортажей о деятельности гуманитарных групп в районе урагана СМИ намеренно смещали внимание с текущей катастрофы, которую являет собой капитализм, на исключительный случай отдельно взятого природного катаклизма. Однако именно в этот период у многих из наиболее бедных жи-

ЛИДЕРЫ НЕ МОГУТ ОБЕСПЕЧИТЬ ВАШУ БЕЗОПАСНОСТЬ, НО ОНИ МОГУТ ВАС УБИТЬ

After the tragic events of September 11, 2001, U.S. citizens can no longer afford to be ignorant of the details of U.S. foreign policy. Our lives are at stake.

The CIA, themselves have admitted that Osama bin Laden was paid, armed, and trained through them. This is not an isolated incident indeed, it is typical of U.S. foreign policy. Our government supported the Iraqi government with military aid throughout the 1980s, only to kill over one million Iraqi citizens with bombs and sanctions a few years later; we will support dictatorship across the globe, and disregard the human rights of any who are prevented to endanger the profits of our corporations. Our government and the business interests it serves have created an atmosphere of international terrorism, which has finally reached our own shores. Harms and violence that this do not just appear out of the air, as Bush's statement on the day of the horror suggested, they are encouraged by the arrogant and American policies of our politicians and corporations, whose windings and dealings almost always very much our business.

Bombings won't kill terrorists any more than they served to put Saddam Hussein out of a job, but they do kill people, whether or not you see them die on your television. Every innocent person affected by the bombs we drop, the aid we provide to oppressive governments, the injustices we condone, becomes another potential terrorist. Save lives, overseas and at home — take your power out of the hands of the politicians and the terrorists. They raise, but then know they can't count on your silence.

"It is the duty of the patriot to protect his country from his government."
Thomas Paine

Crimethink.
www.crimethink.com

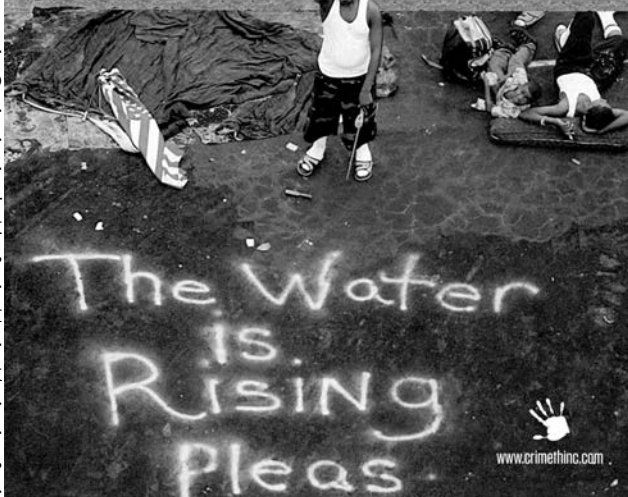
телей города оказалось *больше* доступа к жизненно необходимым продуктам, чем когда бы то ни было. И вовсе не благодаря усилиям гуманитарных миссий, а из-за того, что отсутствие контроля сделало возможным добычу воды, продовольствия, одежды и медикаментов — всего того, что в иных условиях тщательно охраняется ценниками и вооружёнными слугами.

Положение городской бедноты стало только хуже с восстановлением правительственного контроля над районом. Каждый кризис — это возможность для перемен. Под властью сохраняется в руках одних и тех же людей, они будут действовать исключительно в личных интересах. Правительства пользуются кризисами, чтобы уничтожать неподконтрольные сообщества, бизнес — чтобы навязывать более выгодные экономические условия. Иногда для этого достаточно просто оставаться в стороне и дать катастрофе идти своим ходом, а потом немного прибраться. В иных случаях приходится силой навязывать перемены «для поддержания порядка»

Помимо природных катастроф случаются ещё «рукотворные». К первым относятся ураганы, землетрясения и эпидемии, ко вторым — войны, рецессии, геноцид и терроризм. Сложно оценить, какая из этих двух категорий катастроф причинила людям больше страданий, но по мере распространения капитализма вторая категория вчистую побеждает первую по количеству жертв и ущерба.

Как и природные катастрофы, рукотворные кажутся совершенно неконтролируемым явлением. Кто может предотвратить войны между народами или обвал рынка? Однако подобных бедствий бы не происходило при отсутствии порождающих их обще-

Твои лидеры не
спасут тебя
Скорее они
позволят
тебе
умереть

ственных институтов. Эти катастрофы лишь кажутся нам неизбежными, потому что мы не можем представить себе жизнь без централизованного правительства или частной собственности. Когда МВФ навязывает стране пакет антикризисных мер экономики, это не значит, что стало меньше еды, жилья или образования. Это значит, что существующая экономическая система не способна распределять блага в соответствии с человеческими потребностями. То же самое касается голода, который может обрушиться на какой-нибудь народ в то время как соседи будут платить фермерам за то, что они *не выращивают* зерно. Наше общество может раз и навсегда покончить с голодом, но оно не сделает этот шаг, пока распределение ресурсов происходит в соответствии с логикой прибыли.

Как и природные катаклизмы, рукотворные катастрофы дают власть имущим отличную возможность укрепить своё влияние. После краха коммунизма в странах Варшавского Договора поборники свободного рынка приватизировали целые сектора национальной экономики этих стран, тем самым создав ещё большее неравенство, чем было при власти коммунистов. Правительства могут использовать катастрофы для укрепления позиции даже тогда, когда они происходят стараниями их противников — Гитлер сосредоточил в своих руках власть над Германией, мастерски воспользовавшись попыткой поджога Рейхстага. Аналогичным образом после атак 11 сентября 2001 года администрация Буша воспользовалась моментом, чтобы нанести удар по американским диссидентам и вторгнуться в Афганистан и Ирак. Последовавшие годы оккупации стали катастрофой как для солдат оккупационных войск, так и для оккупированных народов, зато принесли колоссальные прибыли Halliburton и Dyncorp¹⁸.

При подобных дивидендах возникает соблазн «подстроить катастрофу», что иногда и делается обладателями холодных голов, горячих сердец и чистых рук: это и распространение заражённой оспой одежды среди индейских народов (США и Япония), и поддержка США военного переворота в Чили, участие ФСБ в серии «чеченских» терактов на территории России. После того как задуманное совершилось, конкретных исполнителей можно предать, осудить и даже обвинить в преступлениях против человечества. Ведь те, кто на самом деле снимает сливки, не обеднеют от картинного заламывания рук, употребления эпитетов «ужасный» и обещаний «мочить в сортире».

Поэтому на самом деле кризис играет одну из главных ролей в капиталистической системе. Иногда кризис прямо-таки прописывают в эту модель. Кризисное управление принято за образец для многих форм контроля. Так например, структура сил безопасности Израиля, которой пытаются подражать всё больше и больше воен-

¹⁸ Dyncorp и Halliburton — широко известные компании по предоставлению наёмников для американского правительства. Кроме всего прочего, они обвинялись в секс-торговле в Боснии.

ных и полицейских формирований по всему миру, построена на модели постоянного кризиса и постоянного вмешательства.

В сложившихся условиях настоящей помощью при катастрофе будет не просто разграбление магазинов, но захват пищевой промышленности, транспортных средств, продовольствия и оружия. Не только ради того, чтобы сбежать из рушащихся городов, но для осуществления коллективного побега из этого общества. Нам нужны сети взаимопомощи, которые давали бы возможность людям жить так как им хочется, а не так, как желают боссы, не так, как заставляет нужда.

Неустойчивость и головокружение

*На дне всякой пропасти
можно увидеть зияющую пасть следующей.*

Когда вы стоите на ступени пирамиды, достаточно одного неосторожного движения, чтобы потерять опору, и кто-то из соседей с радостью займёт ваше место.

Когда заходит речь о сохранении привилегий, то у богатых есть большое преимущество — деньги, как правило делают деньги. Рабочие же имеют только то, чего добилось рабочее движение: профсоюзы, коллективные трудовые договора, рабочие права. Но по мере глобализации рынков и распространения заменяющих человеческий труд технологий, рабочие вытесняются из промышленного сектора в сектор услуг, а постоянная работа на полный рабочий день заменяется работой на полставки и подработками. Это может проявляться по-разному: сезонная работа, подённая работа, временная работа, участие в медицинских опытах. Общими же являются низкая оплата, ограничение в правах, отсутствие перспектив карьерного роста, отсутствие социального пакета и страховки, трудности в создании профсоюза.

Преследуемые долговыми обязательствами, обременённые необходимостью ежемесячно оплачивать счета, лишённые каких-либо сбережений, рабочие выживают в условиях постоянной неуверенности в завтрашнем дне, постоянного напряжения. И подобные обстоятельства характерны не только для нашего класса — даже богачи испытывают страх перед лицом неуверенности в завтрашнем дне. Брокеры, сигавшие из окон в Чёрный Понедельник¹⁹ в прямом смысле слова предпочли умереть от падения с высоты, чем потерять своё экономическое положение.

Но есть что-то соблазнительное в таком выходе из крысиной гонки. Так тонущий человек может испытать искушение прекратить борьбу со стихией. Мы не должны так жить — постоянная

¹⁹ Чёрный понедельник — понедельник 19 октября 1987 года — день, в который произошло самое большое падение Промышленного индекса Доу-Джонса за всю его историю — 22,6%.

борьба, постоянные хитрые замыслы. Отказ от конкурентной борьбы — это способ утвердить ценности, выходящие за рамки тех, что навязаны рынком в эпоху, когда альтернативы практически отсутствуют. Это может помочь найти других таких же людей, желающих жить в другом мире. Но те, кто решает «выпасть», не выпадают в иной мир: они всё ещё в этом, но теперь летят вниз.

В эпоху постоянных экономических приливов и отливов и перестройки экономики, Земля заполняется отрезанными друг от друга людьми. Многие из нас уже лишились своего места в обществе: не только работы, но и социальных связей, традиций, своего самоощущения. Те же процессы, что направляют рынок, породили огромное количество разобщённых людей — беженцев без родины, большая часть которых никогда не будет упомянута в очередном кризисном докладе ООН. Если и может быть какая-то надежда выжить вне рамок капитализма, то она в том, что мы начнём искать друг друга и пытаться образовывать новые межличностные связи.

"Тот, кто постоянно устремлен "куда-то выше", должен считаться с тем, что однажды у него закружится голова.

Что же такое головокружение? Страх падения?

Но почему у нас кружится голова и на обзорной башне, обнесенной защитным парашютом? Нет, головокружение нечто иное, чем страх падения. Головокружение — это глубокая пустота под нами, что влечет, манит, пробуждает в нас тягу к падению, которому мы в ужасе сопротивляемся".

Милан Кундера "Невыносимая лёгкость бытия"

Реформизм

Рабочие протестные движения начала XX века были умиротворены реформами и бюрократическими профсоюзами. С теми, кто упорствовал в призывах к революции, было покончено в ходе охоты на ведьм периода Красной Угрозы²⁰. Движения сопротивления диктатуре Пиночета в Чили помогли сместить его, но сразу же после «перехода к демократии» те, кто продолжал борьбу против оставшейся прежней экономической политики, были жестоко репрессированы бывшими товарищами по диссидентскому движению. Как только часть движения за права животных в США решила пропагандировать потребительское веганство, все остальные крылья движения оказались под ударом ряда репрессивных мер, в том числе печально известного Акта о Терроризме в Животной Промышленности.²¹

Каждый раз, когда люди достигают успеха в борьбе с каким-либо аспектом капиталистической системы, разыгрывается один и тот же сценарий (с незначительными вариациями). Защитники статус-кво находят определённую группу людей в движении, которую оказывается возможным «успокоить», а затем жестоко уничтожают всех, кто отказывается идти на компромисс. Оппозиция оказывается расколота надвое в результате коварной политики кнута и пряника, а власть реорганизовывается, чтобы включить в себя бывших диссидентов, продолжая репрессии против несогласных.

Поставленные перед подобным выбором, наиболее разумные спешат договориться, чтобы только не испытать на себе всю силу репрессий. Иронично, но этот вариант кажется разумным именно потому, что его выбирают столь многие. Едва критическая масса «избравших мир» бросается за стол переговоров,

²⁰ «Красная угроза» — название двух периодов антикоммунизма в истории Соединённых Штатов. Первый период относится к 1917—1920 годам, второй охватывает время с конца 1940-х годов до конца 1950-х. Эти два периода характеризуются резким возрастанием подозрений в проникновении коммунистов и радикалов в американское правительство.

²¹ АЕТА является федеральным законом США, который запрещает заниматься деятельностью "с целью повреждения или вмешательства в деятельность животноводческого предприятия". После принятия АЕТА увеличились штрафы и у предприятий появилась возможность требовать реституции.

серая толпа (а таковых большинство) бросается вслед за ними. Так крысы бегут с тонущего корабля. Тех же, кто отказывается за ними следовать, кто настаивает на борьбе против эксплуатации и угнетения, а не на сепаратном мире в личных интересах, объявляют преступниками, принимая новые законы, организуя пропагандистские компании в СМИ, прибегая к откровенному насилию.

Однако реформистам не следует забывать, что всеми полученным от власти уступками они обязаны тем, кто отринул компромиссы. Либералы и реакционеры хотят, чтобы мы поверили, будто открытое сопротивление делает протест неправомерным, но на самом деле именно радикалы вынуждают власть признать законность реформистов. Движение за гражданские права чёрного населения никогда бы ничего не достигло, если бы не прямая и явная угроза радикалов вроде Малькольма Икс и Чёрных Пантер. Сторонники реформ добиваются успехов в переговорах с властями и признания в высших сферах в то время как их товарищей пытаются и убивают. На самом деле все их достижения и признания — это цена молчания, которую они платят, пока повстанцев перемалывают жернова репрессивных органов, а их имена вымарывают из истории страны. Будущим поколениям прививается ложное представление о том, что социальные перемены возможны при ненасильственном сопротивлении, в результате чего люди вырастают с верой в силу петиций, обращений к чиновникам и общественных приёмных президента.

В ходе этого процесса остатки движений сопротивления оказываются переплетены с правящим аппаратом и всё ещё сильнее запутывается. Например, АНК (Афрканский Национальный Конгресс) — организация, являвшаяся одним из самых непримиримых врагов апартеида в Южной Африке, теперь правит ЮАР, проводя экономические реформы, усиливающие социальное неравенство в мрачной пародии на расовую сегрегацию минувших дней. Многие из тех, кто в прошлом участвовал в борьбе на стороне АНК по причине революционных идей организации, продолжают поддерживать курс нынешнего партийного руководства, хотя оно давно предало общее дело. Те же сообщества, которые выступают против официальных властей ЮАР, обнаруживают, что товарищи по революции отвернулись от них.

Поэтому умиротворение может начаться достаточно внезапно или проходить скрытно. Не всегда можно с уверенностью утверждать, что те, кто якобы выступает против статус-кво, на самом деле не являются его защитниками.

В США одним из основных методов нейтрализации протестного потенциала какого-либо движения — это его *финансирование*. Те, кто выступает против существующего порядка, должны откуда-то получать ресурсы для своей борьбы. В усло-

виях тотального доминирования частной собственности это означает конкуренцию на рынке протестных движений, поиск грантов или экспроприацию ресурсов. Последнюю практику особенно трудно осуществлять в течение продолжительного времени, что до первых двух вариантов, то легко увидеть, как они могут изменить характер протестной группы. Именно поэтому богатые способны оказывать значительное влияние на протестные движения, выступающие за социальные перемены — для этого достаточно выборочное финансирование несогласных.

Структуры, используемые для распределения финансирования, зародились более ста лет назад, когда такие магнаты как Рокфеллер и Карнеги основали первые фонды. Целью подобных организаций является умиротворение бедноты и недовольных и в то же время направление общественного развития в интересах крупного капитала. У филантропии как симптоматического лечения системных болезней богатая история. Налоговые вычеты для «благотворительных» пожертвований в тот или иной фонд до сих пор являются для богачей надёжным способом избежать внимания Налоговой Службы наряду с программами развития искусств или финансированием деятельности экспертов правового толка. И самое главное в том, что это прямое вложение в будущее правящего класса.

Большая часть средств идёт на финансирование откровенно реакционных организаций, давая им возможность работать в одной упряжке с правительственными структурами, корпоративными СМИ и другими организациями, заинтересованными в сохранении статус-кво и иллюзии свободного выбора у людей. Незначительная часть перепадает группам, выступающим за общественные перемены, но вместе с деньгами приходят и интересы спонсоров. Например, реформы, о которых говорят люди из Sierra Club²² или сторонники Е. Чириковой («защитники Химкинского леса»), не произведут коренных изменений в отношении нашего общества к окружающей среде. Точно так же как призывы стерилизовать бездомных животных и прочие «цели» зоозащитных компаний на самом деле не изменят положения животных по отношению к людям в нашей цивилизации. Подобные реформы прежде всего предлагаются для успокоения совести у либералов из среднего класса, для которых «быть социально ответственным» — это потребительский выбор, как и всё остальное.

То же самое касается антивоенных коалиций, выступающих против какой-либо конкретной войны, но ничего не предпринимających для избавления от главной причины всех войн и оккупаций. Маршалы оппозиции, выстраивающие свои отряды в знаменательные дни месяца — это явное свидетельство того, что организаторы протестных акций всем сердцем верят в

²² Sierra Club является одним из старейших, крупнейших и наиболее влиятельных низовых природоохранных организаций в США.

*Не волнуйся, Хорст, я объясню им, что просто
следует быть терпеливым*

иерархию и контроль сверху-вниз. Поэтому большая часть НПО на самом деле служит интересам государства, просто делают это немного по-своему. Большая часть некоммерческих организаций просто занимается улучшением этой системы, основанной на прибыли и эксплуатации.

Есть и такие активисты, кто начинает свою деятельность с намерения добиться настоящих перемен, но постепенно отклоняется от поставленной задачи в процессе поиска грантов. Те, кто зависит от грантов, больше сосредоточены на том, чтобы соответствовать ожиданиям спонсоров, подчас стремясь к этому бессознательно. Вместо помощи в развитии низовых инициатив и связей между социальными проектами, создаётся сеть профессиональных «организаторов протестов» и филантропов. Вместо создания автономных социальных движений, они сосредотачиваются на обеспечении легитимности своего дела в глазах потенциальных покровителей. Грантососные организации, которые неспособны сами себя контролировать, гибнут в результате естественного отбора. Всё это лишь укрепляет людей в мысли, что на самом деле никто не готов к радикальным решениям: хотя источники финансирования НПО никак нельзя назвать представителями народа.

Активисты, состоящие в хорошо финансируемых группах, с

презрением и недоумением взирают на революционеров без гроша за душой. Почему они отказываются сотрудничать? Как они надеются достичь успеха, если отказываются идти на компромиссы? Святой Сталин, какие они *непрактичные!* Разве они не знают, что достаточно просто руку протянуть, чтобы получить грант? Получить *деньги*? Достаточно просто правильно себя вести.

Возможно, некоторые из подобных активистов полагают, что они поступают очень хитроумно, обманывая фонды и перенаправляя либеральные деньги на повстанческую деятельность. Может быть они действительно доки. Но не всегда так уж очевидно, кто кого имеет. Активисты, имеющие дело с грантами, обычно неопытны так же, как и наивны, и исполнены революционных страстей. А вот те, кто выдаёт гранты, всегда профессионалы в своём деле, на их стороне — память многих поколений институционализированного протеста. Ошибочно полагать, будто грантодатели сами не знают, что делают.

Даже наиболее радикальные группы могут играть на пользу экономике. Например, обеспечивая приток бесплатной рабочей силы. Добровольцы с радостью исправляют худшие последствия капитализма такие как голодающие бездомные и загрязнённая окружающая среда. Подобная деятельность по сути изолирует радикалов, заставляя с высоты благодетелей относиться к другим как к жертвам, а не как к потенциальным товарищам по борьбе. Смещение внимания с изменения общества на оказание общественно-полезных услуг означает, что можно потратить всю жизнь на попытку излечить симптом болезни, так никогда и не приблизившись к пониманию её причин. Подобная деятельность не делает мир лучше, но зато обеспечивает систему бесплатной рабочей силой. По мере того, как капиталистические кризисы открывают новые рынки и бизнес-модели, возникают нездоровые симбиотические отношения. Например, климатические изменения по сути обеспечивают работой и деньгами экологически-ориентированные НПО.

Даже те, кто решает посвятить всю свою жизнь борьбе, рискуют в конце концов оказаться в лоне реформистской организации, послужив делу кооптации, вылавливая своих бывших товарищей из радикальных кругов и перенаправляя их на безвредную для капитализма деятельность. Прогрессивные НПО предлагают работу для эффективных общественников. А кому из нас не нужна работа? Особенно *этичная*? И всё же, активист или активистка, решившие сделать карьеру в бизнесе спасения планеты, будут вынуждены ограничивать себя. Все их личные задумки и проекты придётся воплощать в свободное от работы время. Направляя большую часть своего времени и энергии в оплачиваемую работу, они рано или поздно сами поверят, что работа — более *эффективное* средство достижения целей.

Разговоры о тренингах «лидерских качеств» на самом деле

*Боно, старина, мне нравится как ты мыслишь.
Немного реализма, и ты далеко пойдёшь в бизнесе.*

означают отделение эффективных организаторов протестов от их товарищей и обучение их тому, как достигать реалистичных целей — то есть, как принять логику капиталистической реальности. Как только вы начинаете воспринимать себя как лидера, вы смотрите на элиту других групп как на законных представителей, — и вот уже кооператив собственников жилья получает право говорить от лица всех жителей квартала, а болтун с трибуны (с мегафоном, перед микрофоном) становится спикером общественного движения. Сети лидеров могут создавать огромные коалиции, в которые будут вовлечены только обличённые властью активисты. Это не что иное, как *накопление политического капитала*.

По мере того как новые лидеры чувствуют «прилив власти», они подсознательно применяют свой опыт получения влияния в сообществе как модель, которая должна работать для всех: социальная мобильность вместо искоренения социального неравенства как такового. Но пирамида социального активизма ничем не отличается от любой другой пирамиды:

места на её вершине всё равно на всех не хватит.

И вот в нашей среде появляются те же иерархические отношения, против которых мы боремся вовне. Часто они навязываются теми же людьми, которые громче и складнее других говорят с трибун и сайтов о сопротивлении, кто, кажется, *лучше всего подходит* для очередной речи на митинге. Иногда эти лидеры прибегают к риторике о необходимости единого сопротивления угнетению («юнити»), чтобы заглушить критику и парализовать настоящие группы сопротивления. Иногда они прикрываются именами и памятью наших погибших товарищей и претендуют на то, что действуют от их имени и в память о них. Всё, что угрожает капитализму, угрожает и их позициям лидеров в нашем движении.

В свете вышеизложенного становится понятно, что недостаточно просто стремиться к тому, чтобы организация или кампания протеста перераспределяла власть вниз по пирамиде, так как даже подобная деятельность может идти на пользу системе. Вопрос должен стоять о том, способствует ли организация или кампания протеста разрушению поддерживающих пирамиду структур. Реформизм может быть как шагом в этом направлении, так и простым способом положить конец всякой революции.

Культура и субкультура

Культура в широком смысле этого слова, как система ценностей, практик, идей и идеологий имеет решающее влияние на характер общественной жизни. С самого момента рождения она формирует нас, а мы, в свою очередь, начинаем влиять на неё. Всё наше общество переделано в соответствии с запросами капиталистической экономики, но всё ещё несёт на себе отпечаток иного мышления. Культура вовсе не статична: поскольку она постоянно воспроизводится и открывается заново, каждое новое поколение имеет шанс вырваться из её оков и порвать с традициями.

Кажется, что капитализм воспроизводит себя независимо от культуры, создаётся впечатление, будто он не нуждается в идеологической поддержке людей, пока они вынуждены участвовать в рыночных отношениях, чтобы выжить. Но выбор есть всегда. Миллионы людей из так называемого Нового Света и многих прочих уголков планеты решили бороться и умереть вместо того, чтобы выживать в условиях рыночной экономики. Следовательно, материальные ценности, лежащие в основе нынешней экономики, по-прежнему производятся обществом, так же как подчинение, необходимое для сохранения капитализма, порождается современной культурой.

Поэтому сопротивление капитализму происходит не только на экономическом, но и на культурном уровне — оно подразумевает смену системы ценностей и переход к новому типу межличностных отношений. Те, кто отвергает эксплуатацию и угнетение, волей-неволей кажутся обывателям *иными в культурном плане*. Это может проявляться как внешнее отличие: индейцы, борющиеся за возможность жить так же, как жили их предки. Или же это может проявляться в рамках капиталистического общества в виде *контркультуры*. И в то же время, культура может казаться «иной», даже оппозиционной, но на самом деле не представлять никакой угрозы капитализму.

Колонизация разрушила или унифицировала огромное количество сообществ, уничтожив большую часть исконных альтернатив капитализму. Недавно колонизированные народы превраща-

лись в рабочую силу, а капиталисты использовали культурные различия в своих интересах, разделяя рабочий класс, чтобы помешать угнетённым объединиться и сообща выступить против угнетателей. И всё же иногда даже культуры, колонизированные много веков назад, хранят глубоко внутри искры непокорности. Культурные меньшинства зачастую оказываются самой благодатной почвой для прорастания семян восстания: наиболее радикальной частью рабочего движения США начала века были именно представители сообществ иммигрантов. Миф о США как о рае для иммигрантов, месте, куда можно приехать и смешаться с другими изгоями, чтобы воплотить мечту о счастливой жизни, был призван заменить собой все эти потенциально революционные культуры и положить начало культуре массовой.

Но и массовая культура может представлять опасность. Едва компромиссы по зарплате, предложенные Генри Фордом, стабилизировали положение на профсоюзном фронте, антикапиталистическое сопротивление переместилось в область потребления. Массовая культура создала возможности для саботажа путём массового отказа. Широкие массы людей, объединённые культурой потребления, взбунтовались против конформности и отчуждения. В начале своей книги «Сделай Это!» контркультурный идол Джерри Рубин так говорит о роли этого феномена в проявлении бунтарских настроений 1960: «С вертящейся задницы Элвиса сорвалась звезда, давно предсказанный разозлённый отпрыск общества потребления — Новые Левые». Поколение, начавшее с бунта против родителей, подавлявших его сексуальность, закончило полномасштабными уличными бунтами. Капиталисты отреагировали тем, что сделали эти требования индивидуальности и разнообразия частью рынка. По времени это совпало с переходом от однообразного массового производства в сторону более разнообразных потребительских товаров и идентичностей. И вот, вместо массовой культуры миру было явлено постоянно растущее множество субкультур. Это может показаться возвратом в эпоху разнообразия, предшествовавшую появлению массовой культуры, но есть одно важное отличие: этнические различия предшествовали капитализму, субкультурные же производятся и распространяются посредством рынка даже когда субкультура отрицает его ценности. И, подобно массовой культуре, субкультуры породили новые общие ориентиры, воспроизводящие то же самое культурное и общественное разделение.

Если Битломания представляет собой образец массовой культуры (было продано невероятное множество альбомов, но всё вышло из-под контроля, когда миллионы фанатов стали подражать контркультурным замашкам своих кумиров), то появление металла, панка и хип-хопа в начале 1970-х ознаменовало «постфордистскую» эпоху распространения субкультур. Да, на рынке до сих пор есть место для суперзвёзд, но теперь музыкальный рынок распространяется вокруг них в горизонтальной плоскости.

С наступлением 1980-х практически всякий, жаждавший конфликта с системой, оказался изолирован в своей субкультуре. Но и здесь для капитализма возникла угроза: радикальные идеи довольно легко получали поддержку в малочисленных субкультурах. Ранняя хип-хоп сцена образовала прямую связь с борьбой за права цветного населения 1960-х, вдохновив на сопротивление новое поколение изгоев. Андеграундные панк-группы самостоятельно выпускали альбомы и проводили концерты на собственных площадках, развив в результате альтернативную экономику, основанную на принципах «Сделай Сам» (DIY) и антикапиталистических ценностях. Это был прорыв в том смысле, что для распространения подрывных идей использовались форматы, зачастую недоступные рабочему классу и профсоюзным активистам. Но в то время эти ребята стали пионерами и испытателями новых форм предпринимательской деятельности, проложив путь для менее политизированных исполнителей.

Этот коктейль из антикапиталистических ценностей и мелкого капиталистического предпринимательства оказался крайне нестабильным, но очень мощным. По мере распространения западной культуры всё новые контркультуры присоединялись к антикапиталистическому движению: от Чили до Турции, от Беларуси до Филлипин, заложив основы для интернационализации будущих форм сопротивления. Это совпало по времени с пиком антиглобалистских протестов на рубеже веков. Буйные молодёжные субкультуры помогли радикализовать мировое протестное движение, включавшее в себя на тот момент индейские племена, НПО и остатки независимых рабочих профсоюзов.

На заре XXI века новые технологии придали универсальность сетевым структурам, сформировавшим основы DIY-андеграунда. Интернет сделал каждого обладателя странички в Фэйсбуке потенциальным «вольным художником», одновременно поглощая и подменяя свободу традиционной DIY-культуры. Простота и лёгкость поглощения новых субкультур сделала их слишком слабыми и несерьёзными. Это лишило андеграунд политического содержания, оставив только эстетически привлекательную внешнюю оболочку (краст-капиталисты вместо анархических и индейских воинов, например).

В наши дни в молодёжной культуре популярны не виниловые пластинки, а ролики на Youtube: быстрые и легко забываемые. Субкультуры предыдущих поколений последовательно атомизируются и загоняются во всё более сужающиеся рамки. Это является следствием общей атомизации эксплуатируемых и изгоев. Потребительский выбор более не порождает чётких общественных образований, способных развить радикальный взгляд на окружающую действительность. Вместо этого радикализм сам по себе стал субкультурной нишей, а новейшие субкультуры целиком и полностью переместились в виртуальную реальность Интернета.

Есть ли в эту эру культурной фрагментации хоть что-то, что

могло бы нас объединить? Нас объединяет как минимум то, чего все мы лишились. Нам всем отказано в возможности влиять на окружающий мир — если только мы не продадимся сами или не превратим других людей в товар. Над всеми нами довлеют правила и общественные установки, к принятию которых почти никто из нас не имел никакого отношения. Мы все живём в тени суперзвёзд, и даже суперзвёзды живут в тени собственных образов в мире, где реальность подчиняется спектаклю. Каждого и каждую из нас оценивают в соответствии с рыночными критериями. И кажется, что мы можем реализовать себя только в их рамках. Вместо общего чувства принадлежности к какой-то культуре, нас объединяет общее для всех чувства лишённости и бездомности, усиленные нашим молчаливым смирением с ним.

В общем-то, ничто из этого не ново, но никогда ранее это не было столь универсально.

Изменилось и ещё кое-что: теперь, когда где-то происходит бунт, об этом становится известно повсюду.

КУЛЬТУРА СОПРОТИВЛЕНИЯ СУБКУЛЬТУРА СОПРОТИВЛЕНИЯ

Экономисты обещали нам бесконечный рост. У каждого — своя собственность, свои инвестиции. Все — капиталисты. В итоге мы получили степени бакалавров и магистров в невостребованных профессиях, взяли ипотеки, которые не можем себе позволить, набрали потребительских кредитов, чтобы обмануть самих себя в том, что мы тоже — средний класс.

Теперь совершенно очевидно, что для нас нет места на вершине. Капитализм — это пирамида, которая дошла до пределов своего расширения. Люди бунтуют в Греции, бастуют во Франции, захватывают школы в Англии. Вся Северная Африка восстала, как только местные жители осознали последствия рецессии. Волна бунтов накрывает США в последнюю очередь, но всё идёт к тому. Нам будет казаться, что существующий миропорядок неуязвим вплоть до самого последнего дня перед его коллапсом.

Германия, июнь 2007

II. Сопротивление

США, прямо сейчас

Мы не обязаны так жить

Некоторые общественные соглашения, вроде частной собственности, создают неравенство в распределении власти и доступа к ресурсам. Некоторые противоположны им. Всегда есть возможности удовлетворить свои потребности без вымогательства и торгашества. Есть способы жить с другими людьми и не пытаться нажиться за их счёт.

Да, в это очень трудно поверить сейчас, когда капитализм захватил практически все сферы нашей жизни. Но в мире до сих пор полно примеров того, как можно жить по-другому. Если говорить о производстве, то представьте себе, что уже сейчас соседние коммуны могут сообща строить здания для общего пользования, на которые в обычных условиях уходят многие месяцы кропотливой работы. Вспомните о программном обеспечении с открытым исходным кодом - в рамках этого проекта создаются программы, которые совместно отлаживаются и совершенствуются теми, кто потом их использует. Если вас интересует распределение — есть библиотеки, которые хранят не только книги (фришопы и фримаркеты), или файлообменные сервисы, где те, кому нужен какой-то файл, сами обеспечивают его циркуляцию в сети. В случае межличностных отношений вспомните о здоровой дружбе и родственных связях, при которых всякий вносит свою лепту в общее благополучие, или о вечеринках и фестивалях, где даже чужаки не чувствуют себя изгоями и веселятся вместе с остальными.

Ни одна из упомянутых моделей не поощряет эгоизм и не умаляет значимость личной инициативы. И все они разрушают представление о глобальном дефиците, так как чем больше людей трудятся сообща, тем больше можно извлечь совместной выгоды. Должны быть способы распространить эти формы отношений и на другие сферы жизни общества.

Конечно же, мысль о переустройстве всего нашего общества не может не пугать. Сейчас мы не можем представить, каковы будут последствия или к чему это приведёт. Но мы можем *начать* эти изменения.

Отмена частной собственности — это сложная задача, перед выполнением которой безусловно стоит ряд трудностей и помех.

Но последствия её отмены не могут быть хуже, чем наблюдаемые уже сейчас последствия господства глобального капитализма. Мы все слышали о так называемой «трагедии общин» — это тезис о том, что люди не способны самостоятельно распоряжаться ресурсами, ответственность за которые в равной степени лежит на всех. В этом есть доля правды: настоящей трагедией всегда было то, что общественное достояние приватизировалось, а люди не могли защитить его от тех, кто захватывал ресурсы. Если мы хотим покончить с капитализмом, мы должны научиться защищать самих себя от тех, кто хочет силой навязать нам *трагедию нищеты*.

Нас лишили так многого в этом мире, что поначалу будет очень непривычно снова иметь возможность распоряжаться и делиться всем освобождённым. На примерах недавних восстаний, в ходе которых люди создавали автономные зоны вне капиталистических отношений (Оксака 2006, Афины 2008, Каир 2011) можно видеть, какие формы это может принять. Восторг от захвата и переопределения общественных пространств, от спонтанного взаимодействия с множеством других товарищей не имеет ничего общего с повседневной рутинной жизни при капитализме. Уничтожение капитализма — это не столько обобществление материальных средств производства и товаров, сколько открытие заново самих себя и наших близких, открытие совершенно иного способа существования на нашей планете.

Arbejdernes Forsamlingsbygning

opført 1897

RITTHAR NØGLEN
AR HUN VILJEN?
E 4. KRAV
VI VIL HAVE ET
NGDOMSHUS
HUSET SKAL VARE
HØST LIGE SÅ STORT
OM UNGEREN
VI VIL SELV
BESTEMME
HUSET SKAL
LIGGE PÅ
NØRRE

UNGDOMSHUSET

Дания, Октябрь 2006

APX
1787328-0000

CAPITALISM IS DOOMED

The economic system of
capitalism is a system of
exploitation and oppression.
It is a system that has led to
the death of millions of people
and the destruction of the world.
It is a system that has led to
the destruction of the environment
and the destruction of the future.
It is a system that has led to
the destruction of the world.

It is a system that has led to
the destruction of the world.
It is a system that has led to
the destruction of the world.
It is a system that has led to
the destruction of the world.

It is a system that has led to
the destruction of the world.
It is a system that has led to
the destruction of the world.
It is a system that has led to
the destruction of the world.

США, Февраль 2011

Капитализм — это путь к катастрофе

Мы стоим на пороге новой эпохи кризиса и неустойчивости, какой стабильной бы ни казалась ситуация в отдельных частях мира.

Никогда прежде капитализм не был столь всепроникающ. Прошрое поколение пережило *отчуждение*, страдая от диссонанса между своими ролями в процессе производства и собственным мироощущением. Для нынешнего поколения характерно отождествление себя с экономическими ролями, распространившимися на все сферы нашей жизни. Но в этот момент своего триумфа капитализм оказался более уязвим, чем когда-либо прежде.

Срок действия всех мирных договоров XX века истек. Высокий уровень заработной платы, предложенный сотрудникам Генри Фордом, канул в лету вместе с рабочими местами. Профсоюзы раздавлены глобализацией. Социалистические режимы Восточной Европы перешли к капитализму свободного рынка в то время, как социал-демократические достижения в Западной Европе уничтожаются одно за другим. Но все перечисленные компромиссы существовали не только ради недопущения конфликта: они служили для упрочнения капитализма. Увеличение Фордом зарплат для работников на его заводах позволило рабочим покупать товары, тем самым расширяя пирамидальную схему. Профсоюзы всегда удерживали капиталистов от чрезмерного истощения собственной потребительской базы. Теперь, когда капиталисты отказались от устаревших инструментов кооптации и *самовоспроизводства*, смелые и решительные могут отвоевать будущее. Старые альтернативы дискредитированы, но новые революционные идеи неизбежно выйдут на передний план.

Капитализм зависит от постоянного увеличения прибыли, но эту прибыль необходимо откуда-то извлекать. После того, как вы

высосали все соки из ваших рабочих, прибыли падают, и на рынке начинается застой. До недавнего времени эта проблема решалась за счёт постоянного привлечения новых ресурсов и новых народов. Но теперь капитализм распространился по всей планете, соединив всех нас, поэтому любой его кризис теперь становится поистине глобальным. Тем временем промышленное производство приближается к своим экологическим пределам, а технический прогресс сделал большую часть человеческого труда избыточным, создавая всё больше и больше беспокойного и недовольного избыточного населения.

Капитализм находится на грани кризиса уже многие десятилетия. Предоставление кредитов всё большему числу эксплуатируемых служило для поддержания высокого уровня потребления при всё возрастающем обнищании рабочих. Инвесторы ушли в финансовые рынки, надеясь нажиться на спекуляциях, так как прибыли от промышленности перестали расти. Большая часть всех инноваций сосредоточена в *нематериальных* секторах экономики: информация, брендинг, социальные сети. Но всё это лишь отсрочивает день расплаты.

Финансовый кризис 2008 года не был простой случайностью. Он показал, что несёт собой будущее. Мы не можем просто жить и надеяться, что всё наладится само собой. До следующей фазы кризиса могут пройти годы или десятилетия, но рано или поздно она ударит по нашей стране. Уже сегодня капиталистическая экономика не может предложить достойных рабочих мест, не говоря уже об осмысленной жизни. Она не работает, даже если судить по её материалистическим критериям.

Появление данной книги именно сейчас тоже не случайно. Поскольку экономика является явным выражением системы ценностей нашего общества и царящих в нём иерархических отношений, финансовый кризис предвещает кризис веры в саму систему. Новая волна антикапиталистических протестов уже на горизонте.

Во время великих потрясений люди склонны переосмысливать свои взгляды на жизнь. Конечно, мы не можем с уверенностью сказать, к чему это приведёт. Может стать так, что на смену рухнувшему капитализму придёт нечто ещё более худшее. Поэтому уже сейчас крайне важно показывать людям позитивные примеры того, что значит сопротивление системе, какие существуют альтернативы капиталистическим отношениям. В бурные времена представления людей о том, что *возможно*, способны меняться очень быстро в отличие от представлений о *желаемом*. Вот почему народные восстания часто характеризуются выдвиганием требований намного менее радикальных, чем сам характер народных бунтов: нашему воображению нужно время, чтобы догнать реальность.

Если там, где вы сейчас живёте, не происходит никаких бурных событий, то никто не поручится, что так будет всегда. Поду-

майте о грядущих народных волнениях — может быть вы бы хотели как-то быть готовыми? Как сделать так, чтобы в ходе этих выступлений были удовлетворены и ваши надежды на лучшую жизнь?

Мы не предлагаем универсального рецепта избавления от капиталистических отношений, но мы полагаем, что та дорога, которую избрали мы, наиболее привлекательна. Мы не предлагаем ни корпоративного феодализма, ни этнических чисток, ни концлагеря, ни экологического коллапса, ни глобального голода, ни ядерного апокалипсиса. Несколько десятилетий уличного противостояния и социальной войны — ничто по сравнению с тем, что случится, если мы не возьмём инициативу в свои руки. Не заблуждайтесь — мир изменится. И от всех нас зависит, в какую сторону.

Мы не пытаемся впарить утопию. Мы хотим изучать те практики общественных отношений, которые помогали нашему виду в прошлом оставаться здоровой частью экосистемы на протяжении последнего миллиона лет, полагая, что это помогло бы нам просуществовать хотя бы ещё несколько тысяч лет. Эти простые устремления заставляют нас вступать в прямую конфронтацию с существующим общественным порядком.

Канада, Июнь 2010

Полумеры нас не спасут

Что же может положить конец рыночной тирании? У нас нет простых ответов однако мы уверены, что это — самый важный вопрос. Полумеры соблазнительны, потому что кажется, что их проще осуществить, чем коренные изменения. На самом же деле гораздо проще уничтожить капитализм целиком, чем бороться с его проявлениями, не затрагивая главных причин. Для начала можно обозначить заведомо тупиковые пути, а затем попробовать предположить, что может помочь.

Благотворительность не решает проблем, вызванных капиталистической системой. То же касается работы волонтеров или политических движений, сосредоточенных на одной-единственной проблеме (зоозащита, ЛГБТ, профсоюзное движение, антифашизм, антивоенное движение и т. п.). Мы можем потратить всю жизнь, пытаясь излечить один симптом за другим, но так и не приблизиться к открытию лекарства от болезни.

Когда на капитализм навешивают ярлык «зелёный», это не делает его устойчивым. Не спасёт и добровольное ограничение нашего потребления. Когда экономическое устройство поощряет деструктивное поведение, добровольное самоограничение означает всего-навсего отказ от чего-то в пользу менее щепетильных конкурентов. Пока остаются такие стимулы, только самое авторитарное правительство может навязать людям кодекс самоограничения. Не стоит выбирать между экологическим коллапсом и экофашизмом, нужно искать другие варианты.

Профсоюзы не спасут нас от капитализма. Когда корпорации вольны перемещать рабочие места из одной части планеты в другую по своему усмотрению, локальное сопротивление на рабочем месте теряет всякий смысл. Даже всеобщая забастовка в отдельно взятой стране не поможет делу. И даже если бы мы смогли защитить права рабочих в отдельно взятой области промышленности, это всего лишь обеспечило бы их конкурентным преимуществом по

отношению к другим угнетённым и изгоям. Нам нужны структуры, способные разрушить саму пирамиду, а не защищающие интересы тех или иных групп внутри неё.

Новые технологии также не избавят нас от капитализма. Файлообменные сети, бесплатное ПО, социальные сети не затрагивают основ материального неравенства. Пока нашими жизнями управляет экономика, партисипативные форматы отношений служат лишь более мягкой интеграции людей в систему.

Индивидуализм не поможет убежать от капитализма. Нет никакого «снаружи», куда можно сбежать. Преступная деятельность может быть выгодна эксплуатируемым и лишённым, но она не выводит нас за рамки системы. Зачастую успешные хакеры и мошенники в итоге заканчивают свои дни сотрудниками ЧОП и ФСБ.

Не посягая на сам капитализм, движения, выступающие за освобождение личности, никогда не покончат с несправедливостью и неравенством. Быть эксплуатируемым таким же человеком, как вы, ничем не лучше, чем быть эксплуатируемым другим. И даже если бы все мы имели равные возможности в рамках капитализма, даже если бы доминирование и эксплуатация распределялись без привязки к расе, полу или любому другому признаку, капитализм всё равно сохранил бы свою угнетательскую сущность.

Правительственные реформы не излечат капитализм. Они могут временно облегчить симптомы, но класс частных собственников имеет все преимущества в использовании государственного аппарата. Даже если бы антикапиталисты захватили власть и установили своё правительство, самое большее, на что бы они оказались способны - это подчинить себе капитал — то есть, стать новым классом капиталистов. Коммунисты уже сделали это в XX веке, и последствия были катастрофическими. В лучшем случае, правительственные решения проблемы равноправного контроля над капиталом могут реализоваться через силовые структуры. Но даже если бы такое произошло, мы бы оказались в другом виде ада: авторитарная система без авторитарных властей.

Самоуправления и «прямой демократии» недостаточно для преодоления капитализма. Капиталистические институты будут создавать те же эффекты даже без начальства и правителей, если мы будем использовать их по непосредственному назначению. Точно так же и государства до сих пор *правят* без всяких монархов. Если мы захватим свои рабочие места, но продолжим на них работать, если нам всё так же будет необходима экономика для получения доступа к ресурсам, мы по-прежнему будем испытывать всё то же отчуждение от самих себя и от окружающего мира.

Нет никакой гарантии, что капитализм рухнет сам по себе, даже если произойдёт какая-то глобальная катастрофа. Более 150 лет марксисты обещают нам скорый коллапс капитализма как только «созреют» необходимые условия. И после каждого очередного кризиса выясняется, что капитализм ещё больше упрочил

своё положение. В следующий раз, когда он окажется в опасности, мы должны решительно действовать, чтобы начать, наконец, жить по-другому.

Иного пути нет: если мы хотим коренных перемен, то придётся отказаться от частной собственности на капитал. Речь не идёт исключительно об экономической или политической трансформации, но о трансформации, прежде всего, социальной и культурной. Её нельзя навязать сверху. Она должна произойти в результате осознанной деятельности критической массы людей, готовых защищать свои жизни и интересы.

Мы не можем знать наверняка, застанем ли мы крах капитализма. Но мы знаем, что рано или поздно, он произойдёт. А пока что мы можем распространять среди людей антикапиталистические идеи, способствуя их усвоению в общественном сознании как оппозиции существующему порядку. Это необходимо, чтобы общество не тяготело к реформистским или реакционным программам. Мы также можем подрывать веру в капиталистическую систему, демонстрируя, что она не только не является лучшим способом устройства наших жизней, но и не является ни единственно возможной, ни даже стабильной и надёжной. Капитализм — это заклятие, наложенное на всех нас. Его можно разрушить.

Египет, Февраль 2011

Постоянно совершенствуйте стратегии и тактики

Мы бы хотели подчеркнуть ещё раз: уже в начале промышленной революции люди организовали сопротивление, основанное на общих производственных ролях. Они образовывали профсоюзы и налаживали подрывные отношения. После рабочих компромиссов начала XX века линия фронта сместилась в область потребления. Отчуждение в обществе массового производства породило массовые протесты. По мере того как потребительские рынки становились всё разнообразнее, протест становился всё более субкультурным.

Сегодня мы разделены в пространственном, социальном и культурном отношениях. Тем не менее, мы соединены сильнее, чем когда бы то ни было. Каковы бы ни были преимущества форм сопротивления прошлого, они достигли пределов возможного. Они ещё могут быть полезны, но уже не породят ничего нового. Мы не должны подходить к оценке новых форм сопротивления со старыми мерками. Решающим фактором при оценке должно быть то, насколько плодотворно используются новые возможности.

Например, в конце XX века на волне протестов против саммитов торговых организаций вроде МВФ образовалось международное движение. Писаки, которым претило слово *антикапитализм*, наклеили ярлык «антиглобалистское движение». Главной задачей движения было препятствование очередной волне капиталистической либерализации экономики. Критики из нашей среды пришли к заключению, что «турпоездки по саммитам» не способны вызвать к жизни долгосрочное сопротивление на местах. Это было справедливое замечание, но интернациональные мобилизации на акции протеста всегда опирались на местную протестную деятельность и местных активистов. Потому что местное антикапиталистическое движение зачастую не могло справиться с задачей в одиночку. И это было естественно для эпохи космополитизма и открытых границ. Саммиты протеста мешали корпорациям проводить в жизнь политику по ухудшению условий труда рабочих и, таким образом, играли ту роль, играть которую профсоюзы больше не могли.

То же можно сказать и критикам субкультурного сопротивления, утверждающим, что оно сужает горизонт протеста и мешает налаживанию общественных связей. Повторимся, это очевидная истина, но это не объясняет, почему всё-таки в последние годы это по сравнению с другими способами организации протестов оказа-

лось одним из самых эффективных средств в нашем арсенале. Откровенно антикапиталистические профсоюзные организации могут до сих пор играть важную роль в сопротивлении, но если люди приходят в них через субкультуры так же часто, как и в результате агитации на рабочем месте, то следует более внимательно рассмотреть этот факт и соответствующим образом изменить свою стратегию. Смысл вовсе не в том, чтобы обрести утраченную силу старых тактик, а в том, чтобы убрать слабые моменты в новых.

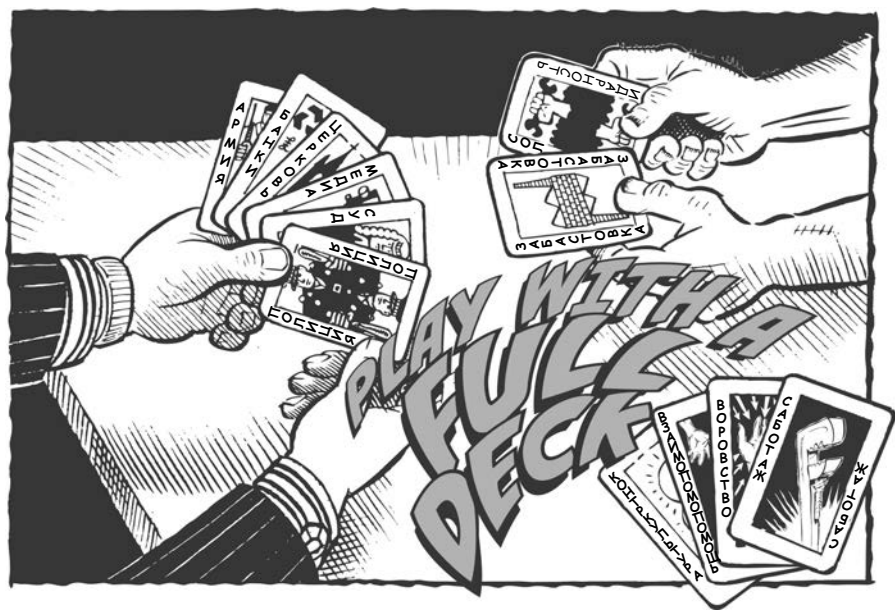
Для США уже маловероятна ситуация, при которой производство и потребление породили бы достаточно значительные сообщества, способные иметь какие-то интересы вне рамок капитализма. Напротив, и производство и потребление устроены так, чтобы не создавать никаких определённых общественных образований. Может, оно и к лучшему, так как если мы хотим избавиться от капитализма, то нет никакой нужды отождествлять себя с отведённой в нём ролью. Но как ещё людям объединиться для восстания?

Крайне вероятно, что следующая стадия борьбы будет сосредоточена вокруг *информации*. Подобно тому, как фабричная система массового производства вместе с множеством товаров породила и определённое общественное устройство, так и новые общественные образования формируются под влиянием методов формирования общества. Теперь, когда большая часть человечества отчуждена от производства, главное, что привязывает нас к существующему общественному устройству — это то, как оно влияет на наше социальное взаимодействие и представление о границах возможного. Новые партисипативные СМИ обеспечивают избыточное население заботами о борьбе за *внимание* в рамках капиталистической системы. Всем нам очень мягко диктуют, что и как мы можем воображать.

Борьба в этом пространстве вовсе не должна сводиться к нападениям на веб-сайты, как поступил децентрализованный коллектив Anonymous в ответ на репрессии против Wikileaks²³. Это поле боя выходит за рамки интернета и сотовыми телефонами, охватывая все прочие формы совместного выражения людьми своего представления об окружающей действительности. На кону оказались языки и коммуникационные модели, которыми пользуется наш вид для наделения окружающего мира смыслом. Мы должны создать новые виды межличностных связей, новые сети для распространения информации и общения с окружающим миром. Чем больше эти сети будут расширяться в реальной жизни, тем более вероятно, что нам удастся сохранить над ними контроль.

Это может показаться арьергардными боями — капитализм уже завоевал всю планету, и теперь мы ведём последний бой за

²³ Интернет-ресурс, на котором были преданы огласке многочисленные засекреченные или не предназначенные для широкой публики материалы. Целью WikiLeaks было объявлено разоблачение коррупции в странах Средней Азии, Китае и России, но также важную роль уделялось и освещению секретной деятельности правительств и корпораций на Западе.

последнее укрепление — за наш разум и общественные связи. Но каждый вид борьбы ставит под вопрос всю природу капитализма в целом. И это особенно важно сейчас, когда новые формы самоорганизации способны распространяться почти мгновенно. В свете этого становится возможным разнести искры сопротивления далеко за пределы общественного активизма и субкультур и раздуть пожар полномасштабных революций.

Мы заканчиваем нашу книгу, а восстания в Тунисе, Египте, Сирии и других странах Ближнего Востока не стихают, а лишь усиливаются. Волна революций без лидеров оказалась возможной благодаря деятельности нового поколения, ничего и лишённого своих корней, но зато связанного в единую сеть новыми технологиями. Процесс начался в маргинальных слоях общества, но как только появилась надежда на успех, к протестам присоединилась большая часть населения. Египетское правительство отключило доступ к Интернету и сотовым сетям, но это лишь ещё сильнее разозлило народ. Да, это восстание не является антикапиталистическим. Но оно мельком показывает, что может вызвать антикапиталистическая революция. Говоря точнее, серия ближневосточных бунтов подчёркивает роль коммуникационных технологий и социальных сетей в любом грядущем народном восстании.

Можно ожидать, что правительства попытаются изменить структуру Интернета, чтобы избежать необходимости «выключения рубильника». Корпорации типа Google будут исподволь заниматься отвлечением общественного внимания, распространяя информацию об одних формах протеста и заглушая информацию о других. То, в какой степени мы сможем сохранить каналы связи свободными, определит перспективы нашей борьбы за освобождение.

Франция, Октябрь 2010

Сражайтесь там, где живёте

Какое бы положение в общественной пирамиде вы ни занимали — студент, временный рабочий, разнорабочий в театре с соцпакетом, юрист, бездомный или безработный — борьбу можно вести там, где вы находитесь в данный момент. Наиболее эффективно действовать против несправедливости, переживаемой лично вами, вы сможете в хорошо знакомой вам местности.

Поскольку наши жизни тоже колонизированы, нам приходится использовать навязанные нам роли как отправные точки в путешествии сопротивления. Легко ограничить подрывную деятельность свободным от работы временем, сделать её чем-то *дополнительным*: заскочить на собрание после работы, наклеить стикер на бампер автомобиля. Это прекрасно вписывается в модель общественного активизма, направленного на борьбу с процессами, протекающими вне нашей повседневной жизни. Преимущества профсоюзной модели заключаются в том, что в ней ежедневная рутина, навязываемая рабочим превращается в пространство для самоорганизации рабочих и конфронтации с начальством. Если традиционный профсоюз вам по каким-то причинам не очень подходит, поэкспериментируйте с другими форматами: группа самообороны, воровская шайка, тайная революционная организация.

Капитализм — это не только то, что происходит с вами на работе. Мы можем сопротивляться ему и в повседневной жизни: бороться против джентрификации района, в котором живём, захватывать выселенные дома, высасывать кредиты из кредиторов и объявлять о банкротстве. Коллективные формы сопротивления может быть сложнее использовать, чем произвести, но они всё же возможны: захватывайте свободные пространства и проводите там общественные мероприятия, отправьтесь с друзьями на буржуйский приём, проникните на него, не заплатив за вход, затем отправляйтесь в продуктовый супермаркет и повторите этот трюк на выходе. Выносите еду и раздавайте её людям. Чем чаще в своей жизни мы будем выбирать сопротивление вместо подчинения, тем более ожесточённо мы будем сражаться.

Изгой — это тоже роль, от которой можно отказаться. Необязательно иметь работу, чтобы быть вправе требовать для своих целей захвата средств производства. Также и для разграбления дорогого магазина вы не обязаны жить в районе с бутиками. По мере того, как всё больше людей оказываются на периферии общества, роль маргиналов в сопротивлении возрастает.

Как говорится в баскетболе, *играй на своей позиции*. Перенаправляйте ресурсы и информацию тем, кто может воспользоваться ими более эффективно, чем вы. Когда люди «всерьёз» берутся за антикапиталистическую деятельность, они часто уходят с тех позиций, которые занимали в капиталистическом обществе: бросают работу, школу или ВУЗ, перестают участвовать в общественных процессах вместо того, чтобы *нарушить их размеренность*. Это вполне устраивает капиталистов, т.к. одна из задач всего этого избыточного населения — поглотить всех потенциальных смутьянов. Мы считаем, что лучше перейти в наступление. Не бросайте работу — дождитесь, пока босс окажется в трудном положении и устройте забастовку. И не забудьте пригласить всех сотрудников присоединиться. Не бросайте школу или ВУЗ ради какой-то кампании протеста. Организуйте товарищей по учёбе на коллективные уходы из учебного заведения, захваты учебных кабинетов, организуйте студенческий дискуссионный кружок, который будет перенаправлять денежные потоки из пьяных компаний в общагах на революционные нужды, попытайтесь захватить общежития. Когда в результате этой деятельности вас наконец уволят или исключат — тогда уже наслаждайтесь вновь обрётённой свободой и контролем над собственной жизнью.

В капитализме нет позиций морального превосходства: быть на дне пирамиды не более этично, чем быть на её вершине. Попытки успокоить свою совесть вряд ли облегчат чью-то судьбу в нашем мире. Следуйте этой логике и в отношениях с другими людьми: не тратьте силы на то, чтобы их судить. Даже адвокаты и профессора могут сыграть важную роль в сопротивлении (конечно, если найдут силы себя перебороть). Мы не выигрываем ровным счётом ничего от морализаторства и претензий на лидерство. Смысл не в том, чтобы всегда быть *правыми*, а в том, чтобы быть *опасными*. Когда мы позволяем внутренним конфликтам разделить движение на враждебные фракции, мы делаем за врагов их работу.

Всякое положение на пирамиде — компромисс, но осторожно выбирайте свой. То, где вы находитесь, определит ваш жизненный опыт и самоидентификацию, окажет решающее влияние на ваш круг интересов. То, как вы получаете ресурсы, повлияет на вашу систему ценностей и отношение к людям. Например, если ради способности финансировать проект вы будете стараться удержаться на надёжной высокооплачиваемой работе, вы рискуете потерять контакт с товарищами, находящимися в менее выгодном положе-

нии или потерять веру в то, что они вообще «на что-то способны» в этой жизни.

Сражайтесь бок о бок с друзьями и постарайтесь принять их интересы так близко к своему сердцу, как это возможно. Только не относитесь к сопротивлению как к волонтерской деятельности, которой вы занимаетесь ради друзей и близких! Забудьте о том, чтобы идентифицировать себя с «наиболее революционным классом», о постоянных поисках союза с «ещё более угнетёнными». Если вы не переживаете за борьбу других людей как за *свою собственную*, то, скорее всего, вы окажетесь для них ненадёжным союзником. Самая лучшая помощь всем нам — это постоянная угроза существующей системе властных отношений, наглядная демонстрация того, что у каждого человека есть личная причина бороться с капитализмом. Прежде всего, ради себя самого.

Мы не имеем в виду, что вы должны воспринимать дарованные вам привилегии как само собой разумеющееся. Напротив, отказ от навязанных в обществе ролей означает отказ и от привелегий. Например, белые протестующие *на самом деле* не мешают капитализму, если только не заставляют полицию относиться к себе так же, как она относится к цветному населению и мигрантам. Ваши действия будут наиболее эффективными, если сможете вдохновить других людей, а не окажетесь пушечным мясом в чьей-то сомнительной оппозиционной кампании. Что бы ни побудило вас преступить черту, постарайтесь вдохновить на это других таких же, как и вы.

Мы не говорим о личной мести или получении преимуществ в экономике, которые не получить другими способами. Мы говорим об образовании связей, о расширении круга общения и совершенствовании навыков борьбы. Начните с парой друзей, с теми, кому вы можете доверять. Привыкайте составлять план и реализовать его на практике, адекватно реагировать на те события в этом мире, которые вас гnevаюT или расстраивают. Привыкните к *неподчинению*. По мере того, как вы будете (а вы будете!) встречать всё больше и больше людей, отказавшихся от подчинения, вы будете создавать сети, способные на скоординированные действия.

Как только люди увидят, что *другой мир* действительно возможен, они обнаружат, что принимают решения в совершенно иных условиях. В периоды затишья между общественными беспорядками мы можем показывать примеры того, как можно сопротивляться. Когда пламя снова вырвется наружу, народное движение подхватит эти практики.

НЕ
ДАВАЙТЕ
ИМ
ВЫЖАТЬ
ИЗ ВАС
ОСТАТКИ
ЖИЗНИ

Способствуйте общественному принятию революционных идей

Все хотят жить иначе, но никто не знает, что делать. Даже те, кто перешёл к вооружённому сопротивлению, часто не уверены, когда нужно нападать, как нападать и поддержат ли их товарищи.

Вот почему так важны события, позволяющие людям осознать общность интересов. Когда в декабре 2008 года греческий полицейский застрелил Алексиса Григоропулоса, вся Греция восстала. Когда в ноябре 2010 года в Великобритании был принят закон о повышении цен на образование, восстали десятки тысяч молодых людей. В обоих случаях радикалы наконец-то смогли найти общий язык с народом и представить убедительное объяснение. Люди признали легитимность таких форм протеста, о которых раньше и помыслить не могли.

Часто случается, что такие «точки соприкосновения» носят характер реакции, то есть это реакция на какой-то новый уровень несправедливости, превосходящий всё, с чем свыклось население страны. Людям легко выступить единым фронтом против новой несправедливости, но очень тяжело представить какую-либо позитивную альтернативу. Само понятие легитимности создано обществом, чтобы быть недостижимым для тех, кто выбирает сопротивление. Например, не существует «легитимного пространства», на котором угнетённые могли бы защищать свои права. С этими ограничениями можно бороться, распространяя тексты, в которых затрагиваются более глубокие проблемы, чем полицейская жестокость или несправедливое законодательство, где предлагается более фундаментальная критика и видение радикально иного общественного устройства. Приучайте себя *действовать* в соответствии с распространяемыми вами идеями — теория не будет убедительной, пока другие люди не увидят её *практическое воплощение*.

Ищите уязвимости и линии напряжения в существующей структуре власти. Она (власть) распределяется неравномерно, но в разных случаях принимает разное воплощение: деньги, внимание, влияние в обществе. Эти «валюты власти» не всегда взаимозаменяемы, не всегда подчиняются одним и тем же законам. В грядущих конфликтах возможно образование новых линий напряжения благодаря противоречиям между разными ветвями власти. Мы можем и должны воспользоваться этим.

Великобритания, Ноябрь 2010

Ищите такие формы сопротивления, которые легко рас- пространить

Эффективность какой-либо формы сопротивления зависит от того, как она распространяется и как взаимодействует с другими формами. Самое важное в какой-либо акции сопротивления — это её соотношение с другими подобными акциями.

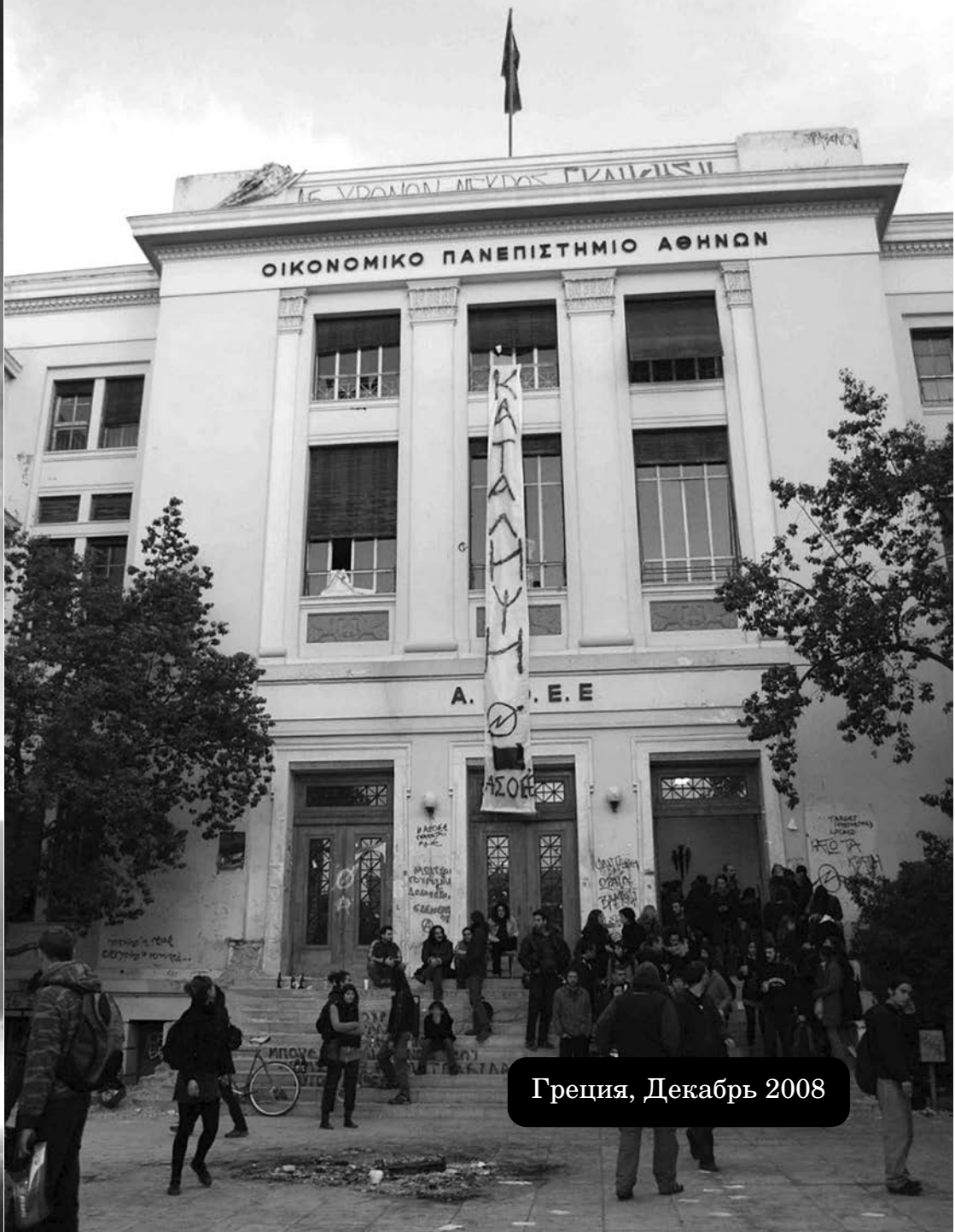
Те, кто выступает против удушающих объятий капитализма, должны прийти к ассоциированию себя со всеми другими борцами. Если они не сделают этого, то, как успешны бы они ни были, капиталисты смогут нейтрализовать такие группы с помощью «сепаратных сделок»: их интересы будут удовлетворены в ущерб другим. Самое большее, чего они смогут достичь — это стать новой правящей элитой, никак не преобразовав непосредственно саму систему.

Нельзя измерять мощь революционного движения по тем же критериям, что и мощь полицейских формирований. Сила восстания — социальная, а не военная. Вопрос всегда заключается в том, насколько заразителен пример, насколько широко народ охвачен революционными идеями, насколько глубоки преобразования в межличностных отношениях. Народное восстание способно одержать верх над значительно лучше оснащённой армией, если сохранит свой народный характер. Зато как только общество чётко разделено на «повстанцев» и «реакционеров», когда определён масштаб проблемы и выявлены зачинщики, государство может с уверенностью применить силу и победить.

Поэтому не позволяйте врагам изолировать вас от других таких же, как и вы. Не замыкайтесь в своих субкультурах, не давайте радикалам навязывать себе смутно понятные концепции, которые невозможно донести до общественного мнения. Социальные перемены происходят не столько благодаря самим движениям сопротивления, сколько благодаря *демонстрациям заразительных примеров возможных перемен*. Это означает, что люди, оказавшиеся в центре преобразований, могут дать революционному проекту больше, чем партизаны от революции, которые талдычат одно и то же 20 с лишним лет. Возможно первая категория людей не успела ещё продумать все свои политические взгляды и отношение к разным тактикам, зато их непоследовательность и неловкость компенсируются гибкостью, напористостью и оптимизмом, не говоря уже о том, что они открыты к общению с людьми, не выбравшими сторону в конфликте. Как только они станут чётко определять себя как радикалов, роли, которые они будут играть в народных восстаниях, будут всё менее активными. Конечно, такие люди могут продолжать борьбу, могут даже достичь в этом высот. Но их позиции в этой борьбе уже будут жёстко определены.

Исландия, Декабрь 2008

Греция, Декабрь 2008

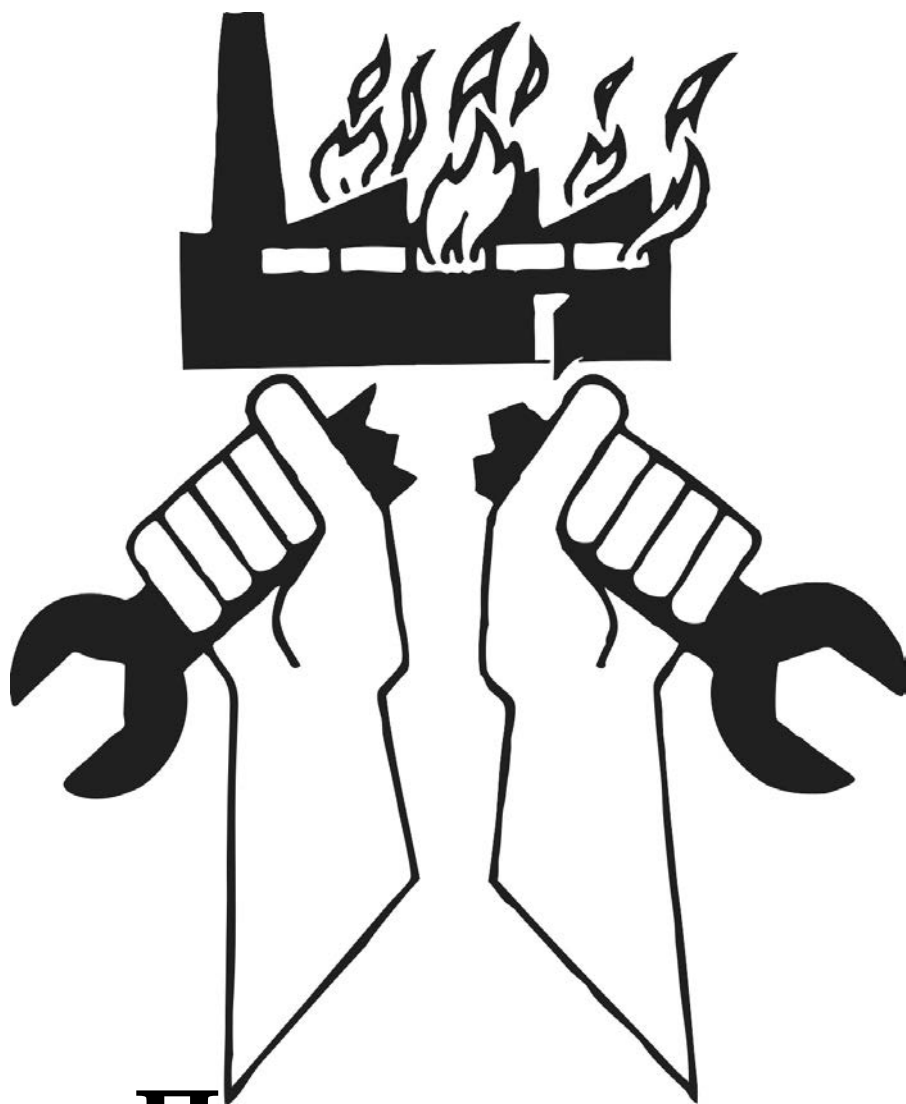
Ищите такие формы сопротивления, которые дадут доступ к ресурсам вне капитализма

Когда приходит время оценить тактику или стратегию, одним из главных критериев должен быть следующий: способствует ли этот метод открытию новых возможностей и обеспечению коллектива ресурсами. Иногда можно позволить себе поражение ради достижения некоей цели, но если перенапрячься, то потом будет сложно восстановиться. В конечном счёте многие проекты рушатся из-за отсутствия возможности вернуть затраченные ресурсы — нельзя бесконечно долго вести борьбу на истощение без получения какой-либо психологической подпитки и материальной помощи.

Но если метод борьбы всё-таки открывает доступ к каким-то ресурсам, то важно знать, как осуществляется этот доступ и как происходит оборот ресурсов. Если мы не хотим воспроизводить собственнические капиталистические отношения, то нам следует избрать такой подход к удовлетворению своих материальных потребностей, который создаст принципиально иное отношение к товарам. Сопротивление является *антикапиталистическим* лишь до той поры, пока способствует немедленному и безусловному установлению такого рода отношений. Если используемые нами ресурсы по-прежнему функционируют в условиях частнособственной модели, то можно ожидать появления в нашей среде всё тех же властных отношений, наблюдаемых нами в капиталистической экономике.

С другой стороны, создавая новые инфраструктуры, мы наглядно демонстрируем совершенно иной образ жизни, побуждая людей сражаться за него. Это довольно тяжело реализовать и при имеющейся тенденции к приватизации чуть ли не всего подряд, но всё упрощается, когда капитал теряет контроль. Мы должны быть готовы воспользоваться любой возможностью для создания новых форм богатства, которыми можно владеть сообща.

Четыре века назад пиратство было столь эффективным благодаря тому, что в относительно безопасных условиях

**Покажи им,
кто главный:
НИКТО**

океанского плавания матросы могли без особых проблем восстать против офицеров и захватить корабль. Корабль представляет из себя общество в миниатюре, только находящееся за пределами влияния вооружённых сил, сохранившее хрупкий баланс сил на суше. Как только случался бунт, первым делом составлялся коллективный договор между всеми матросами, происходила коллективизация всего корабельного имущества, и только потом люди отправлялись на войну со старым порядком. Такая форма восстания могла размножаться методом деления, когда команда делилась на две группы. Возможна была и вирусная форма распространения, когда пираты захватывали другой корабль и освобождали команду. Была инфекционная форма, когда пират шёл матросом на другой корабль. Бывало и так, что моряки только слышали историю о бунтах других матросов, уходивших в пираты, после чего принималось решение последовать этом примеру. Что же теперь может стать пиратским кораблём новой эпохи? Какие пространства и ресурсы мы можем захватить и обратить против общества, основанного на частной собственности?

Помимо немедленной коллективизации всех ресурсов, мы должны искать методы борьбы, перераспределить власть. Чтобы защитить себя от внешних врагов и попыток захватить власть внутри них, сообщества должны создавать большое количество властных структур, уравнивающих и дополняющих друг друга и постоянно бороться с появлением любых иерархий. Нет короткого пути к свободе. Политические партии и вожди не даруют нам её, а скорее отнимут. Если мы не будем осторожны, то случайно свергнем все правительства на планете, захватим все заводы, и при этом ни на шаг не приблизимся к получению власти над собственными судьбами.

В долгосрочной перспективе нашей задачей является не охрана принципа справедливого распределения *вещей*, а создание такого отношения к материальным ценностям, которое бы позволило всем в необходимой мере реализовывать собственный потенциал. Мы должны перестать относиться к самим себе и друг к другу в зависимости от ролей, навязанных нам капиталистическим обществом, и выработать совершенно иной подход к жизни.

Мексика, Ноябрь 2006

Мексика, Ноябрь 2006

Будьте готовы к долгой борьбе

Может быть совершенно непонятным, когда же всё, наконец, переменится. Чем более неустойчивым будет положение старого миропорядка, тем более агрессивно он будет заявлять о своей вечности. Компромиссов избегают только те режимы, которые уже не могут позволить себе ни малейшей демонстрации слабости.

Поэтому очень может быть, что мы не сможем достичь ни одной промежуточной цели. Возможно, что сопротивление будет казаться всё менее эффективным, всё менее «рациональным», пока не будет достигнута критическая отметка.

Поэтому, возможно, стоит сосредоточиться не столько на эффективности, сколько на сущности сопротивления. Способствует ли наша деятельность формированию новых видов отношений между людьми, нового отношения к материальным благам? Способствует ли она распространению человеческих ценностей, выходящих за капиталистические рамки? Забудем о торжестве революции во всём мире — насколько то, что вы делаете вдохновляет других людей, вдохновляет других на *неподчинение*?

По мере того, как работа становится более временной и более навязчивой, в мгновение ока улетающей за океан и при этом проникающей всё глубже во все сферы наших жизней, рабочая борьба может охватить пространства, которые кажутся нам никак не связанными с работой. Это не значит, что надо отказаться от борьбы на рабочем месте, хотя, возможно, стоит пересмотреть то, чего мы пытаемся достичь с помощью этой борьбы, а также её эффективность на фоне других тактик сопротивления.

Каждый раз, когда мы открываем для себя новый способ борьбы, происходит изменение в революционном ландшафте, открываются скрытые ранее возможности. Даже если в итоге мы потерпим поражение, мы создадим новое общественное движение, которое породит новых бойцов и новые тактики. Мы должны быть морально готовы вести борьбу в течение многих лет и даже десятилетий и не терять уверенности. Мы также должны держаться выбранного курса в условиях внезапных перемен, таких как Перестройка, две войны в Чечне, 11 сентября 2001 года или победа Обамы на выборах. Будьте уверены: на заключительном этапе борьбы защитники капитализма будут предпринимать самые неожиданные манёвры.

И даже когда внезапное народное восстание застанет нас врасплох, оно всего лишь ознаменует начало нового этапа борьбы, который, скорее всего, продлится весь остаток наших жизней. Переход от капитализма к другим формам общественного устройства — процесс долгий и трудоёмкий.

Мексика, Ноябрь 2006

Перемены должны затронуть сами основы общества

При разрушении властной структуры, её уцелевшие осколки способны самовосстанавливаться. После Перестройки партийная номенклатура стала демократически избранными депутатами, а КГБ-шники и вовсе никуда не переезжали. После Урагана Катрина улицы Нового Орлеана заполнили полицейские без формы и «дружинники» (*vigilante*). Если принять во внимание то, что одной из задач полиции является контроль над цветным населением, легко увидеть, как дружинники могут самостоятельно выполнять эту задачу даже при крахе всего государственного аппарата.

Помимо всякого общественного института, вида властных отношений и форм иерархии, существуют ещё многочисленные системы ценностей и традиции, которые позволяют всему этому функционировать. Как ничто бы не могло использоваться в качестве капитала в отсутствие института частной собственности, так и полиция не может появиться и не требуется при отсутствии концепций власти и долга. И это не просто абстракции, а конкретные межличностные отношения, в которые люди вступают всю свою жизнь. И именно по этой причине они воспринимаются как нечто *настоящее*, хотя на самом деле они порождены обществом. Полиция является воплощением того, что значит «иметь власть»: дети играют в игрушечных полицейских, взрослые *контролируют* друг друга тысячами различных способов. И всё это настолько сильно влияет на наше мышление, что даже когда мы пытаемся отвоевать у власти свою свободу, мы зачастую продолжаем играть те же роли угнетателей и угнетаемых.

Подобно тому, как в рамках какого-либо властного института можно заменить одного человека на другого, также и сами институты можно заменить один на другой с сохранением за ними тех же функций. Помимо *контроля* мы можем определить множество иных функций, которые могут иметь менее насильственные проявления, но при том быть столь же важными для существования капитализма. Поэтому, если мы хотим коренного преобразования общества, мы должны не только свергнуть властные институты, но и определить, какие функции они выполняют, иначе мы просто начнём выполнять их сами. Даже в отсутствие капитала и полиции могут появиться новые течения, стремящиеся навязать угнетение и отчуждение.

Новое общество не родится само из руин капитализма. Его придётся создавать нам с вами.

«Что же на самом деле значит быть полезным? Сегодняшний мир как таковой включает в себя сумму полезности всех людей во все времена. Это значит, что высочайшая нравственность состоит в том, чтобы быть бесполезным»
Милан Кундера, «Бессмертие»

“В этот исторический момент кризиса, ярости и краха властных институтов единственное, что способно вызвать социальную революцию – это всеобщий отказ от работы. Когда столкновения будут происходить на улицах, тёмных из-за забастовки электриков, и среди гор неубранного мусора, когда автобусы и троллейбусы перегорадят улицы, чтобы блокировать полицию, когда бастующие учителя будут поджигать коктейли молотова своих бунтующих учеников, тогда мы, наконец, сможем сказать:

“Бандиты, дни вашего общества сочтены, мы видели его справедливость и все его радости и находим их все слишком недостаточными.”

*Заявление оккупированного Афинского университета
экономики и бизнеса.*

Греция, Декабрь 2008

Библиография

При работе над этой книгой мы решили избежать формального цитирования. В эпоху Гугла вы с лёгкостью сможете сами во всём убедиться. Поэтому возникает множество вопросов, на которые обычно нет места в классических работах по экономике. Как различные формы добровольной совместной научной деятельности могут надеяться выиграть от легитимной академической науки, которая в свою очередь является формой власти? Насколько объективно мы способны воспринимать свой субъективный опыт в сравнении с фактами и цифрами, приводимыми в серьёзных экономических трудах? Кому вообще всё это выгодно? Чьи точки зрения не озвучены?

Мы пользовались значительно бóльшим количеством источников, чем можем перечислить, но начать можно с этого списка:

Mariarosa Dalla Costa and Selma James "The Power of Women and the Subversion of the Community",
Mike Davis "Planet of Slums",
Guy Debord "The Society of the Spectacle",
Barbara Ehrenreich and Deirdre English "Witches, Midwives, and Nurses",
Endnotes "Endnotes 2: Misery and the Value Form",
Silvia Federici "Caliban and the Witch",
Eduardo Galeano "Open Veins of Latin America",
INCITE! Women of Color Against Violence "The Revolution Will Not Be Funded: Beyond the Non-Profit Industrial Complex",
Peter Linebaugh and Marcus Rediker "The Many-Headed Hydra: The Hidden History of the Revolutionary Atlantic",
Fredy Perlman "Against His-Story, Against Leviathan! and The Reproduction of Daily Life",
Prole.info "Abolish Restaurants",
Upton Sinclair "The Jungle",
Émile Zola "Germinal"

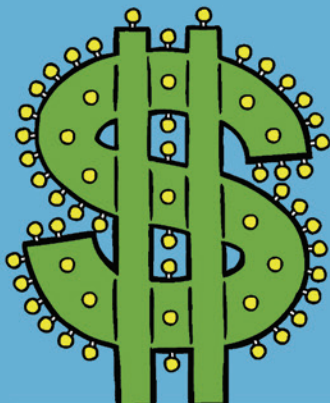
CrimethInc — это скорее род занятий, нежели теоретический набор догм: это практика подрыва всякого вида контроля, воплощение желаний бежать из тюрьмы.

CrimethInc — это тайное сообщество людей, вовлечённых в подобную деятельность. Одно из многих.

CrimethInc.
Ex-Workers'
Collective
crimethinc.com

480 #DJ BEST BUY CO (BBY) MKT ON CLG!

NIU M.E. MUSE YH: V:
59:15 168 9.73 8 .181 487-9.4-5.87 .1

